

**ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ И ДИДАКТИКИ
В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА**

Сборник научных статей

Минск
Национальная библиотека Беларуси
2023

УДК 81'1(06) + 81'25(06)

ББК 81.0 + 81.18

В 74

Рекомендовано
кафедрой современных технологий перевода
УО «Минский государственный лингвистический университет»
(протокол № 7 от 22 февраля 2023)

Редакционная коллегия:
кандидат педагогических наук *О.В. Железнякова* (отв. ред.)
кандидат филологических наук *Т. И. Голикова*

Рецензенты:
доцент кафедры английского языка международной профессиональной деятельности
Белорусского государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент *Ивашкевич И.Н.*
заведующий кафедрой межкультурной экономической коммуникации
УО «Беларуский государственный экономический университет»
кандидат филологических наук, доцент *И.И. Ковалевская*

Вопросы лингвистики, переводоведения и дидактики в аспекте
межкультурного диалога: сб. науч. ст. / редкол.: *О.В. Железнякова* (отв.
ред.), *Т.И. Голикова*. – Минск : Национальная библиотека Беларуси,
2023. – 306 с.

В 74

ISBN 978-985-586-146-2.

В сборник включены материалы докладов и выступлений участников круглого стола по актуальным вопросам современной лингвистики и лингводидактики. В статьях представлен широкий спектр общих и частных лингвистических исследований, рассматриваются проблемы профессионально ориентированного обучения иностранным языкам и переводческой деятельности в процессе подготовки специалистов в области лингвистического обеспечения межкультурной коммуникации.

Предназначен для научных работников, лингвистов, преподавателей, специализирующихся в области межкультурной коммуникации, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей.

УДК 81'1(06) + 81'25(06)
ББК 81.0 + 81.18

ISBN 978-985-586-146-2

© Учреждение образования «Минский
государственный лингвистический
университет», 2023

© Оформление. Государственное учреждение
«Национальная библиотека Беларуси», 2023

ОБРАЗЫ КОРЕЙСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗООМОРФИЗМОВ

В статье сопоставляются переносные значения корейских и английских фразеологизмов, содержащих названия животных, и образы, используемые для их выражения. Национально маркированные фраземы с компонентами «птицы», «насекомые», «грызуны», «змеи» и «рыбы» демонстрируют общность и различия мировосприятия носителей этих языков. Рассматриваются варианты их переводческих соответствий.

Фразеологические зооморфизмы (зоонимы, или зоосемизмы) – «метафорические характеристики лица, образованные на базе названий животных» [2, с. 117] – входят в пласт экспрессивной лексики. Для описания человеческих качеств в них могут использоваться названия любых животных, однако чаще всего мы находим упоминания тех зверей и птиц, которых люди лучше знают. Многие зооморфные фразеологизмы имеют полные или частичные эквиваленты в разных языках, что объясняется совпадением у их носителей мысленного отображения реальной действительности.

Мировосприятие различных народов может иметь как схожие черты – «культурные универсалии» [4], т.е. схожесть в мировосприятии и осмыслении действительности, общность в элементах культуры, так и национально-специфические. Зооморфизмы также обладают национальной специфичностью, поскольку каждый народ переживает свой неповторимый опыт, который отражается в мышлении и порождает специфические ассоциации. В. М. Мокиенко [3] выделяет компоненты-зоонимы как наиболее национально-маркированные, отмечая их двусторонний характер: с одной стороны, они обладают универсальностью, с другой стороны – индивидуальной образностью и локальностью.

Проведем сравнительный анализ образов, которые переданы в корейских и английских фразеологизмах-зоонимах нескольких категорий – тех, в которых упоминаются названия птиц, насекомых, грызунов и пресмыкающихся.

Общий образ фразеологизмов, входящих в категорию «птицы» в этих языках – страх, ср.: 독수리 본 닭 구구 하듯 ‘бояться и не знать, что делать при появлении опасности’ (досл.: ‘кудахтать словно курица, увидевшая орла’); *To chicken out* ‘струсить’.

Компонент 앵무새 / *parrot* связан с образом бездумного копирования мыслей других людей, пустого легкомысленного говорения: 앵무새처럼 흉내내다 ‘бездумно повторять чьи-то слова, часто назойливо’ (досл.: ‘повторять как попугай’); *Parrot fashion* ‘наизусть, не зная и не понимая сути’.

Объединяет зоонимы двух языков с компонентом 백조의 / *swan* значение «последнее проявления таланта»: 백조의 노래 ‘песня лебедя’; *Swan song, a farewell appearance or final act or pronouncement*, что совпадает с толкованием русского иносказания, ср.: *лебединая песня* ‘последнее, обычно наиболее значительное произведение кого-либо; последнее проявление способностей или высшее достижение’.

Еще одна схожая ассоциация у зоонима 매 / *hawk's* ‘сокол’. Во фразеологизмах соколиное зрение связано с образом необычайной внимательности и зоркости: 매의 눈 (досл.: ‘глаз сокола’) и *Hawk's eye. Eagle eyes* и *орлиный глаз* – эквиваленты, это характеристика отличного зрения, но и похвала человеку, который очень внимателен к мелочам.

В корейской фразеологии интересный образ связан с совой: о чем-то незначительном, чего кто-то испугался’ говорят 부엉이 방귀 같다 (досл.: ‘как газы совы’). Наблюдения корейцев за данной птицей позволили сделать вывод о том, что совы пугаются собственных газов, откуда и возник вышеописанный образ.

В английской фразеологической единице сова ассоциируется с мудростью: *as wise as an owl* ‘очень мудрый’.

Самым продуктивным зоонимом категории «насекомые» оказались в корейском языке 파리 ‘муха’ и в английском *fly*. В обоих языках муха ассоциируется с чем-то, что может легко убить или от чего можно быстро умереть: 파리 잡듯 ‘как муху поймать’ говорить о чём-то, от чего легко избавиться; 두꺼비 파리 잡아먹듯 ‘словно жаба, съедающая муху’ – сравнивают тех, кто быстро ест; *Dropping like flies* ‘падают как мухи’, русский эквивалент – «мрут как мухи». Мухи во фраземах ассоциируются с низким качеством, ничтожеством, проблемами: 파리 목숨 ‘мушиная жизнь’, т.е. ничтожная жизнь; *A fly in the ointment* ‘ложка дёгтя в бочке мёда’ – досадная мелочь, которая может испортить что-то большое и хорошее.

Во фразеологизмах компонент 벼룩 ‘блоха’ ассоциативно связан с беспомощностью или нахождением в трудном положении: 벼룩의 간을 내먹는다 ‘использовать для собственной выгоды человека, находящегося в трудной ситуации’. Английский фразеологизм *To skin a flea for its hide and tallow* ‘Освежевать блоху ради ее шкуры и жира’ употребляют, говоря о чрезвычайно скупом, жадном человеке, отсюда *a skinflint* ‘скряга, скупой’.

В корейской фразеологии грызуны представлены единственным зоонимом 쥐 ‘крыса, мышь’, что передает образ бедности: 쥐뿔도 없다 ‘мышь без рожек’ в значении ‘совсем не иметь денег’. Это очень близко к английскому *Poor as a church mouse* – ‘бедный как церковная мышь’. Еще один общий образ, связан с падением в воду и промоканием: 물에 빠진 생쥐 ‘мышь, упавшая в воду’, т.е. вымокший; ср.: *Like a drowned rat* досл.: ‘как утонувшая крыса’, что соответствует русскому ‘промокший до костей’. Корейцы ассоциируют мышь с беспомощностью: 독 안에 든 쥐 досл.: ‘мышь, попавшая в чан’, с ситуацией, когда практически нет надежды на удачное разрешение проблемы. В английском

языке подобная ассоциация не обнаружена. В корейской фразеологии не остался не замеченным и размер животного: 생쥐 발싸개만하다 ‘с мышиную портянку’, очень маленького размера; 쥐꼬리 ‘мышиный хвост’, что-то очень маленькое.

Всего один зоонимом 뱀 ‘змея’ можно отнести к категории «пресмыкающиеся»: образ змеи связан с прямолинейностью действий: 곧기가 뱀의 창자 같다 ‘прямой, как кишка змеи’, т.е. слишком прямолинейный. Корейская фразеома о человеке, чья судьба предрешена, звучит следующим образом: 댕진 먹은 뱀 (갈다) досл.: ‘змея, которая съела никотин’. Смыслового соответствия нет в английских фразеологизмах с компонентом *snake* – здесь змея ассоциируется со лживостью, предательством, притворством: *a snake in the grass* ‘вероломный, лживый человек’.

Зоонимы категории «рыбы», куда также отнесем членистоногих и земноводных животных, обитающих в водном пространстве, крайне непродуктивны. Общей идеей, переданной в корейских и английских зооморфизмах, стало пьянство: о человеке, который очень много пьет, говорят 술고래 ‘алкогольный кит’; ср.: *Drink like a fish* ‘запойно пить, несколько дней или недель подряд’, досл. ‘пьет как рыба’.

Общее представление лягушки в двух языках – малозначимость, известность в крайне ограниченном пространстве при всех попытках казаться важным: 우물 안 개구리 ‘человек, который кажется известным, но его знают только среди малой группы людей’, досл.: лягушка в колодце. Образ связан с физиологией лягушки – чтобы квакнуть, ей нужно много воздуха, который она набирает в специальные пузыри из кожи на щеках или на шее. Аналогичный английский фразеологизм *Big fish in a small pond* досл. ‘большая рыба в маленьком пруду’.

Отметим еще один общий образ: он связан с человеком, который может утонуть или утонул: 물고기(의) 밥이 되다 переводится как ‘утонуть’, досл. ‘стать

едой для рыбы»; ср. *Feed the fishes* ‘утонуть’, досл.: ‘рыб кормить’, как и в русском эквиваленте.

Как видим, многие корейские идиомы-зоосемизмы имеют английские эквиваленты. Некоторые из них схожи как по лексическому и синтаксическому составу, так и по внутренней форме. Другие передают один и тот же образ, но различаются по своему составу. Есть и такие, подбор переводческого эквивалента которых, требует настоящего мастерства. А. Н. Баранов оперирует терминами: «полные эквиваленты» с идентичным значением, внутренней формой, синтаксической и лексической структурой; «частичные эквиваленты» с близкими актуальными значениями и лексико-синтаксическими структурами; «фразеологические аналоги», обладающие «семантическим сходством при (почти) полном отсутствии формального сходства, т.е. сходства синтаксической структуры и компонентного состава» [1, с. 206], и «безэквивалентные фразеологизмы», не имеющие эквивалентов в сопоставляемых языках.

Среди общего количества 228 отобранных для анализа фразеологических единиц 18 оказались полными эквивалентами, 24 обладают частичной эквивалентностью. Переводческих аналогов в нашей выборке было больше всего – 130; напр.: *밴댕이 속* (досл.: ‘сердце селедки’), ср., *cat-witted* ‘злобный, упрямый и недалекий’ (русский эквивалент – с куриными мозгами; недалёкий и мелочный); *쥐구멍을 찾다* (досл.: ‘найти мышиную нору’), ср., *want to sink through the floor* ‘желать провалиться сквозь пол’, т. е. хотеть спрятаться где-нибудь из-за испытываемого стыда или неудобств; *새가슴* (досл.: ‘куриная грудка’), ср., *timid as a rabbit* ‘трусливый как кролик’, по-русски – ‘трусливый как заяц’. 56 фразеологических единиц подпадают под характеристики безэквивалентных компонентов зооморфизмов, пример: *쥐 소금 나르듯 / 쥐 소금 먹듯* досл.: ‘словно мышь, несущая соль / словно мышь, кушающая соль’, т.е. понемногу уменьшаться, исчезать; *벼룩의 간을 내먹는* досл.: ‘есть печень блохи’, что значит использовать человека, находящегося в тяжелой ситуации, для

собственной выгоды. Чтобы перевести эти фразеологические единицы пришлось прибегнуть к описательному переводу, т.к. в английском языке проблематично найти эквиваленты со схожей семантикой.

Подведем итоги: полных эквивалентов среди корейских и английских фразеологизмов-зооморфизмов не так много, что обусловлено различиями в картинах мира носителей этих языков, в то время как фразеологизмов-аналогов оказалось больше всего. Объяснение простое – представители сравниваемых лингвокультур попадают в схожие жизненные ситуации, однако осмысливают их по-разному. Сопоставительный анализ корейских и английских фразеологизмов с компонентом-зоонимом позволил выявить общие и уникальные образы, закрепленные во фразеологическом составе этих языков, а также обнаружить зоонимы, образы которых противоположны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Основы фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Флинта, 2013. – 307 с.
2. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
3. Мокиенко, В. М. Языковая картина мира в зеркале фразеологии / В. М. Мокиенко // *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków*. Redakcja naukowa Wojciech Chlebda. Uniwersytet Opolski, 2007. – P. 49–66.
4. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия; отв. ред. А. А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1986. – 141 с.

КОНЦЕПТ: ТИПЫ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Лингвистикая концептология переживает процесс становления. На этом этапе не определены четкие границы между различными классами концептов, что свидетельствует о гибкости и динамичности их восприятия. Содержание концепта изменчиво и обусловлено социальными, культурными, лингвистическими и дискурсивными факторами. Исследование концептов нацелено на понимание их содержания, структуры и функционирования.

Концептологией называется наука о концептах (национальных, социальных, групповых, индивидуальных и художественных), их содержании и отношениях внутри концептосферы. Она позволяет выявить в языке забытую, изменённую в сознании до стереотипа, но сохранившуюся во внутренних формах слов, систему древних знаний [12]. По мнению В. В. Колесова и М. В. Пименовой: «В отличие от других направлений научной когнитивистики (от лат. *cognosco* – «познаю»), концептология отличается тремя базовыми чертами: она ономаσιологична, это речь говорящего, а не слушающего; она «лингвальна», т. е. подаётся со стороны речевой деятельности, а не логических суждений; она исторична, ибо рассматривает концепты в развитии, в семантическом преобразовании» [8, с. 5].

Активное развитие концептологии приходится на начало 90-х гг. XX в., когда концептология выделилась в качестве смежной науки из семантики. Появление новой отрасли знания традиционно требует выработки понятийного и терминологического аппарата, определения основной единицы данной науки, в данном случае – концепта. Содержание понятия «концепт» в разных научных школах и у отдельных ученых существенно варьируется. Д. С. Лихачев [9] считает, что концепт – это замещение значения слова в индивидуальном сознании и в определенном контексте, это личностное

осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения.

Ю. С. Степанов так определяет это понятие следующим образом: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – не “творец культурных ценностей”, а рядовой, обычный человек «сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [14, с. 43]. Ученый говорит о концептах как о четырех-пяти десятках устойчивых понятий культуры, например, «Вечность», «Закон», «Страх», «Любовь», «Вера».

М. В. Пименова [11; 12] определяет концепт, как некое представление о фрагменте мира, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами.

При всем многообразии подходов к изучению концептов сегодня следует говорить о двух наиболее обоснованных и поддерживаемых научным сообществом подходах – лингвокогнитивном и лингвокультурологическом, причем «эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурологический концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [7, с. 97].

В рамках лингвокогнитивного подхода концепт трактуется как оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике (Е. К. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернина, В. Н. Телия и др.) В модели концепта выделяют 1) ядро (яркий образ); 2) базовый слой (различные концептуальные признаки); 3) периферия (концептуальные признаки, принадлежащее индивидуальному или национальному сознанию) [15]. Концепт определяется базовой единицей

культуры, включающей понятийный, ценностный и образный компоненты (В. И. Карасик, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов и др.)

Как видим, единого понимания концепта нет. Каждый из исследователей по-своему трактует структуру концепта. В трактовке В. И. Карасика: концепт – многостороннее смысловое образование, в котором можно выделить ценностную, образную и понятийную стороны [7]. О концептах следует говорить в том случае, если данная область осмысливается в языковом сознании и получает обозначение, одним словом. Ученый подчеркивает, что лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими. Концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т. е., в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида.

Еще одной проблемой в разработке концептологии является классификация концептов. Типы концептов различают по принадлежности к определенным группам, по образуемым бинарным позициям, по степени абстракции, по выполняемой функции, репрезентации в языке и т. д. Рассмотрим наиболее распространенные классификации.

В. И. Карасик [7] выделяет параметрические концепты (пространство, время, количество, качество и др. – они выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов) и непараметрические, имеющие предметное содержание. Последние подразделяются на регулятивные (ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент) и нерегулятивные, построенные на основе лингвистического и когнитивно-психологического критериев» (картинки, схемы, сценарии, гиперонимы, лингвокультурный типаж и др.).

Согласно Д.С. Лихачеву, концепты бывают [9]: универсальные – характерные практически для всех человеческих культур: «время», «пространство», «число», «причина», «судьба» и др.; этнические – определяют

языковую картину конкретного этноса: «отчизна», «интеллигенция» и др.; цивилизационные – свойственны определенным цивилизациям, напр.: «государство», «правительство» и др.; групповые – присущи группам людей: гендерные, возрастные, профессиональные; индивидуальные – связаны с конкретным индивидом [9].

М. В. Пименова [12] предлагает следующую классификацию:

1. Базовые концепты составляют фундамент языка и всей картины мира, среди них: космические концепты; социальные и психические (духовные).

2. Концепты–дескрипторы квалифицируют базовые концепты; дименсиональные концепты охватывают различного рода измерения (размер, объем, глубина, высота, вес и др.); квалитативные выражают качество (тепло – холод, твердость – мягкость); квантитативные определяют количество (один, много, мало, достаточно-недостаточно).

3. Концепты-релятивы реализуют типы отношений: концепты-оценки (хорошо–плохо, правильно–неправильно, вредно–полезно, вкусно–невкусно), концепты-позиции (против, вместе, между, впереди – позади, рядом, вверху–внизу, близко – далеко, современный – несовременный), концепты-привативы (свой – чужой, брать – отдавать, владеть – терять, включать – исключать) [12].

Г. Г. Слышкин [16] пишет о таких концептах как пропорциональные. Они одновременно обогащают как внутренние, так и внешние ассоциации. Среди них: сформировавшиеся – уже сформированные внутренние ассоциации, но продолжающие функционировать внешние; формирующиеся – хорошо развитые только внутренние ассоциации; предельные – внешние ассоциации отсутствуют при постоянном расширении внутренних: рудиментные – утратили внутренние ассоциации и сохранили лишь отдельные внешние ассоциации) [16].

Классификация концептов И. А. Стернина [15]: одноуровневые – включает в себя только ядро, т.е. чувственный образ; многоуровневые – включает в себя несколько когнитивных слоев, различающихся по уровню абстракции;

сегментные представляют собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции [15].

Т. В. Гоннова [6] разделяет концепты на регулятивные («труд», «подвиг», «счастье»), которые содержат внутреннюю оценку и нормы поведения, свойственные определенному социуму, и параметрические («возраст», «статус», «время», «пространство»), связанные с доминантами культуры опосредованно и предполагающие внешнюю оценку [6].

Концепты высшего уровня («долг», «счастье», «любовь», «совесть») и обычные выделяет С. Г. Воркачев [5].

А. П. Бабушкин [2] классифицирует концепты на калейдоскопические; мыслительные картинки; схемы; гиперонимы; фреймы; инсайты; сценарии [2].

Перечень конспектов дополняет Н. Н. Болдырев [3], называя конкретно-чувственные образы; представления; схемы; понятия; прототипы; пропозиции; фреймы; сценарии или скрипты; гештальты [3].

Наиболее распространенной среди лингвистов является позиция, при которой в языке отражаются, с одной стороны, всеобщие (универсальные) свойства объективного мира, которые не зависят от точки зрения носителей данного языка, а с другой стороны, в нем представлен субъективно-национальный, этнический компонент, проистекающий из ментальных и культурных особенностей народа (этноса), говорящего на данном языке [1].

Согласно еще одной распространенной классификации среди концептов выделяют универсальные и национальные. Универсальные концепты представляются в виде общечеловеческих знаний, не имеют культурной специфики, отличаются своей всеобщностью и наднациональным характером. К ним относятся понятия и формы восприятия действительности, свойственные всем народам: «время», «пространство», «причина», «судьба», «число», «чувственное» и «сверхчувственное», «часть» и «целое»; «смерть» и «жизнь» [9]; «мир», «знание», «закон» [14]; «долг», «истина», «правда», «искренность», «правильность», «ложь», «милосердие», «свобода», «память», «язык»,

«человек» [10]; «мужское» и «женское»; «земля», «родина», «религия», «труд», «семья», «материнство», «отцовство», «рождение» и т. п.

Помимо универсальных, выделяются концепты, ориентированные на определенный этнос, отражающие как специфику определенной этнической культуры, так и особенности национальной психологии – национальные концепты. Это фундаментальные единицы, создающие языковую картину мира, и составляющие ядро культурного пространства данной нации. По мнению А. Вежбицкой [4], как мысли могут быть продуманы на одном языке, так и чувства можно испытать внутри определенного языкового сознания, отличающегося от других. Она описала типично русские концепты: «душа», «судьба», «тоска», к которым В. А. Маслова [10] добавляет «волю», «долю», «интеллигентность», «соборность», «простор», «приволье», «удаль», «уют», «неприкаянность», «пустоту». Д. С. Лихачев [9] называет национальными русскими концептами «отчизну» и «интеллигенцию». Отмечены другие концепты этого класса: «авось», «благородство», «гостеприимство», «радушие» [13].

Исходя из смысла термина «универсальность», можно предположить, что соответствующие концепты вызывают во всех лингвокультурах переживание одинаковых эмоций, создание одинаковых образов и расстановку одинаковых оценок. Тем не менее, это далеко не так: в каждом из них скрыто много национально-специфического. Есть основания полагать, что универсальные концепты также переживаются в разных культурах по-разному. Чувственный, исторический и социальный опыт человека образует «национальную палитру» оттенков [13] вокруг того или иного концепта, в связи с чем ни один универсальный концепт не может быть универсальным на все сто процентов. Пример: концепт «вера» вызывает разные образы и ассоциации у разных национальностей и особенно у тех, кто принадлежит к разным конфессиям [ibid].

Разработка классификаций концептов в рамках лингвистики позволяет лучше понять их содержание, структуру и функционирование. Классификации

не исключают, а взаимодополняют одна другую, показывая связи концептов с культурой, языком и сознанием.

В настоящее время в лингвистической науке возрастает интерес к проблеме изучения национальной культуры в рамках антропологического подхода к исследованию языка, ставящего во главу угла выявление так называемого «человеческого фактора» в культуре, литературе и языке. Таким образом, формируется лингвокультурологическое направление в гуманитарных науках, которое обращает самое пристальное внимание на анализ ключевых концептов национальной культуры и их языкового воплощения в родном языке. Вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Концепт трактуется как основная ячейка культуры в ментальном мире человека, признается ее базовой единицей, ее концентратом. Значение слова обладает социокультурным компонентом, оно имеет смысл только в непосредственном контексте и отсылает всех носителей конкретной культуры к их уникальной системе ценностей.

Лингвокультурологические исследования фокусируются на описании отличительных семантических признаков конкретных культурных концептов. Согласно методике А. Вежбицкой, при исследовании культурных концептов необходимо учитывать частотность их употребления, культурную значимость соответствующих понятий, а также принцип «ключевых слов». «Ключевые слова» – это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры [4].

При лингвокультурологическом подходе концепт рассматривается как «предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека, он относится к ценностям, которые представляют собой элементы и языкового сознания нации, и индивидуального сознания человека. По мнению Ю. С. Степанова, в составе концепта выделяются следующие компоненты: «(1) основной, актуальный признак; (2) дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже не актуальными, «историческими»;

(3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме» [14, с. 43]. Создание структурированной модели концепта позволяет разработать методы и приемы его исследования для каждого из его уровней: для изучения пассивного слоя концепта рекомендуется обращение к историческому методу, т.е. выявлению закономерностей развития словаря в связи с развитием общества – к рассмотрению материала в диахроническом аспекте. Актуальный слой концепта рассматривается с социальной стороны путем синхронного анализа, для чего активно используются тексты СМИ. Все это позволяет на практике применить понятие концепт как инструмент лингвокультурологического анализа.

Обобщим вышеизложенное: под термином «концепт» понимается многостороннее смысловое образование, в котором можно выделить ценностную, образную и понятийную стороны.

Содержание концепта изменчиво и обусловлено социальными, культурными, лингвистическими, дискурсивными и другими факторами. Гибкость и динамичность концептов не позволяет провести строгую границу между ними, но дает возможность классифицировать их, используют принципиально разные подходы.

Лингвокультурологический подход ориентирован на изучение культурных концептов, что помогает понять их сущность, сформировавшуюся в коллективном сознании, выявить систему ценностей, на развитие которой повлиял культурный, языковой или общественный опыт индивидов. Разработка в рамках лингвистики классификаций концептов поможет лучше понять их содержание, структуру и функционирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, О.А. Универсальные концепты в когнитивной системе человека / О.А. Александров // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2010. – №3 (7). – С. 26-29.

2. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: ВорГУ, 1996. – 104 с.
3. Болдырев, Н.Н. Типология концептов и языковая интерпретация / Н.Н. Болдырев // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 28-30 сент. 2016 г. – С. 16-25.
4. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая // М.: Языки русской культуры, – 1999 г. – 780 с.
5. Воркачев, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев// Антология концептов: под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Т. I. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 10-15.
6. Гоннова, Г. В. Русский язык: исторические судьбы и современность / Г.В. Гоннова – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 483 с.
7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В.И. Карасик – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
8. Колесов, В. В. Введение в концептологию: учеб. пособие / В.В. Колесов // М.: Флинта: Наука, 2016 – 248 с.
9. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.
10. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / В. А. Маслова. – М.: Флинта, Наука, 2006. –294 с.
11. Пименова, М. В. Об эволюции концептуальной системы / М.В. Пименова // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой. – Киев, 2014. – Вып. 3. – 944 с.
12. Пименова, М. В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) / М. В. Пименова // Гуманитарный вектор – 2017. – Т. 12, № 5. – С. 13–22.
13. Приходько, А.Н. Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Днепропетровск, 2013. – 307 с.

14. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

15. Стернин, И. А. Типы и концепты / И. А. Стернин // Концептуальное пространство языка: Сб. научн. трудов, посв. юбилею Н. Н. Болдырева; под ред. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: ТГУ, 2005. – С. 257-282.

16. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.

Т.А.Болдова, Сюй Фань

г.Москва, Московский педагогический
государственный университет

ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ НА ОСНОВЕ КАРИКАТУР

В статье обсуждаются вопросы перевода текстов современной карикатуры, решение которых требует сложных форм работы в ходе интерактивного общения для освоения техники перевода. Текст карикатуры – это единица семантического представления смысла и готовый блок вхождения в базу знаний определенной предметной области. В текстах карикатур закодирована не только мыслительная задача или комплекс проблем, но и ключ к их переводу, который, необходим по дешифровке авторского коммуникативного намерения в условиях иноязычного социума.

В последнее время задаче перевода и извлечения из текста информации, построению психолингвистической модели понимания смыслов карикатур и их перевода посвящаются многие научные исследования, подчеркивающие нарастание доли виртуальных электронных текстовых форматов, которое воплощается в интеграции различных способов коммуникации в мультимедийных формах текстов и рисунков.

С момента глобальной победы интернета такие термины как мультимедийный гипертекст и текстовая фигура вошли в перевод иностранной литературы. Гипертекст представляет собой несколько текстов. Вопрос заключается в том, является ли термин «текст» вообще сравнимым с морфемой, фразой и т.п.

Единого лингвистического текстового термина пока не существует. Хотя в последнее время говорят об инклюзивном текстовом термине, однако, этот текстовый термин очень обобщен. Он оказывается во многих ситуациях слишком кратким, но используется в качестве рабочего определения.

Работа с такими текстами при данном подходе понимается как система восприятия, адекватного понимания и перевода множества иноязычных текстов в культурном пространстве, которая заключена в специфический технологический каркас, где есть сообщения как представленный динамический элемент межкультурного диалога на различные темы [2, с. 47]

Текст карикатуры – это единица семантического представления смысла и готовый блок вхождения в базу знаний определенной предметной области. В текстах карикатур закодирована не только мыслительная задача или комплекс проблем, но и ключ к их переводу, который, необходим по дешифровке авторского коммуникативного намерения в условиях иноязычного социума.

Текст карикатуры – это сложное динамическое и многомерное текстовое и коммуникативное пространство, где реализуется язык через обмен информацией.

Текст – представляет собой комплексную вариативную интеграцию возможностей различных носителей (условный вербально-письменный текст, рисунок, фото, видео и т.п.), формирующий принципиально новый тип текста и коммуникаций на иностранном языке.

Текст карикатуры – это и полноценный генератор коммуникации, на основе которого можно комбинировать художественные формы и различные техники перевода для создания гибридной формы выразительности в творческой деятельности.

Проблему перевода карикатур можно прокомментировать примером, когда для выполнения одних переводов требуется умение абстрактного мышления, а для других – способы к быстрому анализу. Тогда картина перевода представляет собой наглядное поле знаний и умений по определенной теме карикатуры.

При этом объективной становится и сама оценка знаний и умений перевода, появляется возможность выведения перманентной оценки знаний и умений.

Работая с переводами карикатур, всегда сталкиваешься с целым рядом трудностей культурного и политического характера, которые часто можно разрешить через организацию помощи и взаимопомощи и с использованием новых технологий сети, что позволяет эффективно осуществлять индивидуальные контакты, являющиеся одним из способов перевода. Чем больше обмениваться такими материалами в сети, тем более полно и интенсивно ими можно овладеть.

При этом формируются собственные понятия о культурно-тематическом содержании карикатур. Поэтому, нельзя работая с текстами перевода, пренебрегать проблемами новых явлений – измененной средой коммуникации и появлением новых смыслов из текстов современных карикатур.

Такая работа по переводу способствует решению лингвистических и профессиональных задач, проведению многокритериального и многопозиционного оценивания информации текстов, которая переводится с иностранного языка.

Обратимся к приемам перевода лексики в ходе использования культурных кластеров: картинки-карикатуры, указание на контекст или ситуацию, похожие слова из родного языка, интернационализмы, иллюстрации), словари, (когда в текстах повышенной трудности почти нет интернационализмов, имен собственных, похожих слов из родного языка, иллюстраций т.п.).

Здесь иностранный язык является средством определения границ того самого смыслового пространства, в котором существует человек, это пространство зависит от социокультурных обстоятельств. Всегда можно использовать те же самые слова, но они приобретают иное значение. Только знания предмета помогут правильному переводу и пониманию смыслов иноязычной культуры. При переводе важна и интроспекция, то есть внутреннее наблюдение, внутренний взор за своим переводом.

Переводчик не должен быть дальтоником и видеть мир соответствующим образом. Например, в Китае есть иероглифы, и нет прямой понятийной системы. Если вы переводите, например, китайский стих, вы должны рядом

еще и рисовать картинку, потому что иероглиф – это еще и визуальный образ. В ходе работы постепенно происходит насыщение предметного содержания текстов страноведческим материалом, используется структурно-функциональный подход к отбору и организации языкового материала на основе карикатур, а также использование моделирования в сети на уровне предложений, словосочетаний и сверхфразовых единств. При этом перевод осуществляется от фактов языка к фактам культуры.

Лексика карикатуры предъясняется без эквивалентов, фоновых знаний, присущих носителям языка и отсутствующих, либо иначе трактуемых в иноязычной культуре. Часто в карикатурах используются невербальные средства общения, отражающие особенности национальной ментальности носителей языка, тактик речевого поведения в различных ситуациях общения как отражение культурных традиций в кино, литературе и художественных произведениях.

Культурная информация извлекается из самих единиц языка, а объектом рассмотрения смыслов таких текстов становятся особенности отражения в языке культуры его носителей.

Понятие «*protean self*» вводится Р. Лифтоном [4, с.9]. Само слово «*protean*» в английском языке имеет значения «многообразный, изменчивый, разносторонний, многогранный», а в применении к театральным действиям, реалиям может означать актера, играющего несколько ролей в одной и той же пьесе.

Таким образом, перевод с иностранного языка происходит при выделении в качестве целевой доминанты точной передачи смысла карикатуры. При этом работа ориентирует на межкультурное общение, когда появляется интерес к культуре и образу жизни носителя языка как отражение социокультурной реальности, национальной и общечеловеческой, как диалога культур. Диалог подразумевает раскрытие одной культуры для понимания другой. Поэтому

не всегда возможно простое заимствование или пересаживание культурных явлений на почву другой культуры при переводе.

При переводе текста карикатуры, мы входим в различные интерактивные диалоги как в специфическую языковую среду, стимулирующую к обретению нового языкового опыта. Это доказывает важность обеспечения связи между языком и национальной культурой той области, где используется данный язык.

Тогда мы получаем правильный перевод, точное понимание значений формальных структур изучаемого языка, что позволяет определить, какая из них может быть использована в данном речевом сообщении, в данной конкретной ситуации межкультурного дискурса. Это включает в себя процесс перевода гуманитарных целей в технические цели, связывающие разные дискурсивные универсумы. Литература как коммуникативная система всегда вступает в структурные сопряжения с другими коммуникациями охватывающей ее системы (с политикой, религией и т.д.).

Проблема социальной комплексности литературы как междисциплинарного вида в соединении с социально-сетевой коммуникацией, заключается в ее влиянии на структурные сопряжения литературы с другими социальными системами [3, с. 12].

Кратко объясним пересечение разных форм или областей знания, когда в эмерджентном интерфейсе возникают свойства, феномены или объекты, которые ведут себя как объекты, не имеющие, отчетливо распознаваемой границы. Они порождают рост сложности работы вследствие трудностей интерпретации, поскольку находятся между двумя взаимно несоизмеримыми языками.

Общим контекстом для возникновения эмерджентного интерфейса является ситуация «неожиданной встречи» разных областей знания. Когда интерфейс представлен в многообразии лингвистических, семиотических средств, через которые мир реальный или виртуальный выходит к переводчику, тогда он применяет приёмы перевода по принципу стратиграфии (от лат. *statum* ‘слой’) [1, с. 31].

Приемы перевода представляют собой фиксированные шаги продвижения через тексты, представляя на выходе транспарентность (от англ. *transparent* ‘явный, очевидный’), что облегчает перевод. Текст расскажет читателям все, как древняя книга, которая была сложной культурной ценностью. Таким образом, культура представляет собой текст с большой буквы, в котором зафиксированы значения, а значит, закодирован смысл.

Иностранная, как и другая культура, – есть закодированный текст, с которым переводчик ведёт диалог, и постепенно он даёт полную расшифровку этого диалога. Здесь важна интуиция переводчика, которая складывается из собственного знания иностранного языка, образного мышления, умения работать с информационным полем. А результатом такой деятельности будет формирование нового знания, которое основывается на уже имеющемся, а затем представлено в переводе.

Мы имеем дело с личностным знанием, внутренним пониманием переводчика, который как мастер чувствует материал. Это и есть итог творческого процесса. Чем более сложной является переводческая деятельность, тем в большей степени ее результаты определяются личностными знаниями переводчика, его креативностью.

Профессиональный переводчик обладает глубинными, внутренними знаниями. Он размышляет о предмете литературного перевода, что ему позволяет точно зафиксировать касающееся его знание, попросту говоря, обратить на него особое внимание, запомнить пришедшую в голову мысль. Это и есть имплицитное знание, неявное, латентное, его можно назвать личностным знанием, которое неразрывно связано со своим носителем. Это знание называют интуитивным.

В структуру перевода входит все то, что делает его фактом культуры, который сжат в литературном произведении до определённых признаков содержания; до современных ассоциаций; оценок, новых слов, которые не просто приплюсовываются к известным, а встраиваются в живую

функциональную речь. Такие образные ассоциации и аналогии, которые делают язык перевода живым, «привязывают» читателя к переводу.

- *Was steht da auf Ihrer Weste? – Abstand halten! Masken auf!*

В контексте современного подхода к иноязычному переводу важна готовность переводчика к осознанию социальной важности и значимости своей профессии, что определяется тем, что он является медиатором литератур и культур, проводником в постижении зарубежной литературы. Его работа основывается на самоконтроле и совершенствовании.

Переводчик должен быть готовым и способным к отбору литературных средств, соответствующих коммуникативному контексту и поставленным профессиональным задачам. Тогда происходит процесс диффузии дискурсов науки, культуры, литературы и общества, который расширяет культурологический, лингвистический и коммуникативный опыт переводчика, и который позволяет организовать работу по переводу через повышение уровня владения иностранным языком, уровень профессиональной подготовки переводчика как самостоятельной формы, через энергию языков, культуры и искусств, постигаемой переводчиком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдова, Т.А. Монография. Дорожная карта для изучения иностранных языков в гипертекстовой сети [Текст] / Т.А. Болдова. – Киров, 2016. – 446 с.

Boldova, T.A. Monografiya. Dorozhnaya karta dlya izucheniya inostrannykh yazykov v gipertekstovoj seti [Tekst] / T.A. Boldova. – Kirov, 2016. – 446 s.

2. Болдова, Т.А. Обучение студентов старших курсов иностранному языку на основе использования электронных гипертекстов (немецкий язык, Boldova, T.A. Obuchenie studentov starshikh kursov inostrannomu yazyku na osnove ispol'zovaniya ehlektronnykh gipertekstov (nemeckij yazyk, yazykovoј vuz) / T.A. Boldova. – Avtoref. ... d-ra ped. nauk. – M., 2014. – 53 s.

3. Landow, P. Hypertext. Critical Theory and New Media in an Era of Globalization / P. Landow. – Hopkins University Press. 2000. – 135 p.

4. Lifton, R.J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. R.J. Lifton. – N.Y., 1993.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ - НАИМЕНОВАНИЕМ ЭМОЦИИ В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Настоящее исследование посвящено моделированию фрагмента русской, английской и немецкой языковой картины мира, отражаемого фразеологическими единицами с компонентом-наименованием эмоции. Исследование выявило ряд областей нематериального мира, типично отражаемых такими фразеологизмами, которые характерны для трех анализируемых лингвокультур, а именно: идея о силе эмоций, идея о сосуществовании полярных эмоций, идея о негативных последствиях эмоций, идея о том, что эмоциями можно управлять.

В лингвистике издавна закрепилось представление о фразеологии языка как о ценном источнике сведений о культуре и менталитете народа. В. Н. Телия указывает, что фразеологизмы ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет [4, с. 9]. Группа фразеологизмов с компонентом-наименованием эмоции представляет особый интерес для исследователя, поскольку отношение к проживанию той или иной эмоции различается в зависимости от культурной принадлежности носителя языка, а значит, их изучение позволяет выявить универсальное и национальное в картинах мира различных национальных сообществ.

Материалом для настоящего исследования послужили русско-, англо- и немецкоязычные фразеологизмы, имеющие в своем составе наименования эмоций, отмеченных В.И. Шаховским как наиболее частотные: любовь, радость, страх, горе, гнев/злость, любопытство/интерес, стыд, счастье, зависть, жалость, гордость [5, с. 137–138], при этом первые пять из них исследователь относит к фундаментальным [5, с. 34]. Фразеологизмы с вышеуказанными

наименованиями эмоций извлечены методом сплошной выборки из следующих источников: «Словарь образных выражений русского языка» под редакцией В. Н. Телии [3] (55 единиц), «Большой англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина [2] (43 единицы), а также «Немецко-русский фразеологический словарь» Л. Э. Биновича [1] (39 единиц).

Кратко охарактеризуем отобранный материал с точки зрения наиболее важных критериев – критерия семантической слитности и структурного критерия. С точки зрения семантической слитности самыми многочисленными группами фразеологизмов для немецкого и английского языков оказались фразеологические единства (англ. – 18 ФЕ, или 42%, нем. – 13 ФЕ, или 33%) и фразеологические выражения – для русского и немецкого языков (русс. – 18 ФЕ, или 33%, нем. – 17 ФЕ, или 44%). С точки зрения структуры преобладающими в трех языках являются многовершинные фразеологизмы, т.е. те, которые имеют в своей структуре более двух знаменательных слов, что особенно характерно для немецкого языка (русс. – 14 ФЕ, или 25%, англ. – 13 ФЕ, или 30%, нем. – 19 ФЕ, или 49%).

Самыми многочисленными в подгруппе русскоязычных оказались фразеологизмы с наименованиями эмоций **любовь** (10 ФЕ, 20%), **страх** (8 ФЕ, 15%) и **зависть** (8 ФЕ, 15%), в подгруппе англоязычных – фразеологизмы с наименованием эмоций **love** ‘любовь’ (6 ФЕ, 15%) и **pride** ‘гордость’ (7 ФЕ, 17%). Среди немецкоязычных фразеологизмов наиболее многочисленными являются фразеологизмы с наименованием эмоций **Glück** ‘радость / счастье’ (13 ФЕ, 30%), **Liebe** ‘любовь’ (5 ФЕ, 13%) и **Schande** ‘стыд’ (5 ФЕ, 13%).

Выделим области нематериального мира, типично отражаемые фразеологизмами с компонентом-наименованием эмоции в исследуемых языках, классифицируя отобранные фразеологизмы в соответствии с заложенными в них идеями.

Самой многочисленной оказалась группа фразеологизмов, актуализирующих **идею о силе эмоций**: фразеологизмы, соотносимые с этой категорией, были найдены во всех трех языках (русс. – 15 ФЕ, или 27%, англ. –

11 ФЕ, или 26%, нем. – 5 ФЕ, или 13%): *Потерять голову от любви; По уши влюбиться; Пьяный от любви; Любить до гроба; Прыгать от радости; Быть вне себя от радости; Радости полные штаны; Светиться от счастья; Счастливые часов не наблюдают; Дрожать от страха; У страха глаза велики; Гложет зависть; Точит зависть; Сгореть со стыда (рус.); *Be fathoms deep in love (=be up to the ears in love)* ‘быть влюбленным по уши’ (англ.); *Love cannot be compelled* ‘насильно мил не будешь’ (англ.); *Love laughs at locksmiths* ‘любовь не знает преград’ (англ.); *Happy as a king* ‘очень рад / на седьмом небе от счастья’ (англ.); *Anger is a sworn enemy* ‘дойти до белого каления’ (англ.); *Be dead to shame* ‘Потерять стыд’ (англ.); *Green with envy* ‘Позеленевший от зависти’ (англ.); *As proud as a peacock* ‘Гордый как павлин’ (англ.); *Burning shame* ‘Стыд и срам’ (англ.); *vor Schande vergehen* ‘Сгореть со стыда’ (нем.); *Wo die Liebe treibt, ist kein Weg zu Weit* ‘для мила дружка семь верст не околица’ (нем.); *Furcht macht Beine* ‘у страха глаза велики’ (нем.); *Die Furcht hat tausend Augen* ‘у страха глаза велики’ (нем.); *Dem Glücklichen schlägt keine Stunde* ‘счастливые часов не наблюдают’ (нем.).*

В каждом из исследуемых языков были выявлены фразеологические единицы (русс. – 4 ФЕ, или 7, 3%, англ. – 1 ФЕ, или 2, 3%, нем. – 4 ФЕ, или 10%), раскрывающие идею о **сосуществовании полярных эмоций**. Немецкий язык характеризуется сопоставлением эмоции **der Leid** ‘горе’ с такими эмоциями, как **die Freude** ‘радость’ и **die Liebe** ‘любовь’: *In Lieb und Leid* ‘и в радости, и в горе’ (нем.); *Freud muss Leid, Leid muss Freude haben* ‘в радости есть горе, в горе есть радость’ (нем.); *Freud und Leid mit j-m teilen* ‘делить с кем-то радость и горе’ (нем.); *Kein Leid ohne Freud* ‘нет горя без радости’ (нем.).

В английском языке имеется эквивалент данному фразеологизму – *No joy without alloy* ‘нет розы без шипов / нет радости без того, что ее омрачит’. Однако в английском варианте формально не наблюдается сопоставления двух эмоций: в состав данного фразеологизма входит только одно наименование эмоции – **joy** ‘радость’.

В русском языке были выявлены такие противопоставления эмоций, как **счастье – зависть; счастье – несчастье, гнев – милость**: *Где счастье, там и зависть; Не было бы счастья, да несчастье помогло; Сменить гнев на милость* (рус.).

В трех языках была выделена группа фразеологизмов (русс. – 3 ФЕ, или 5, 5%, англ. – 4 ФЕ, или 10%, нем. – 3 ФЕ, или 7, 7%), отражающих **идею о том, что эмоции могут иметь негативные последствия для человека**: *Любовь зла – полюбишь и козла; Любопытной Варваре на базаре нос оторвали; Гложет / точит зависть* (русс.); *Anger is a sworn enemy* ‘гнев плохой помощник’; *Anger is a short madness* ‘гнев сродни безумию’; *Pride goes before a fall* – букв. ‘высокомерие предшествует падению’; *Curiosity killed a cat* ‘много будешь знать – скоро состаришься’ (англ.); *Was sich liebt, das neckt sich* букв. ‘то, что ты любишь, поддевает/поддразнивает тебя’; *Gelb vor Neid* букв. ‘желтый от зависти’; *Hochmut kommt vor dem Fall* букв. ‘высокомерие предшествует падению’ (нем.).

Обратим внимание, что в качестве причины негативных последствий упоминаются как отрицательные, так и положительные эмоции (любовь).

Проживание эмоций может иметь и **положительные последствия**, о чем говорит фразеологизм, наличествующий в трех исследуемых языках: *Счастливые часов не наблюдают; Happiness takes no account of time; Dem Glücklichen schlägt keine Stunde* – ‘счастливые часов не наблюдают’ (русс.; англ.; нем.). Кроме этого, в немецкоязычной части отобранного материала обнаружен фразеологизм, отражающий идею о **положительных последствиях отрицательных эмоций**: *Furcht macht Beine* – ‘страх заставляет бежать быстро’.

В русском, английском и немецком языках был выделен ряд фразеологизмов (русс. – 3 ФЕ, или 5, 5%, англ. – 10 ФЕ, или 23%, нем. – 8 ФЕ, или 21%), отражающих **идею о том, что эмоциями можно управлять или выполнять над ними какое-либо действие**: *Страх потерять; Вызывать страх; Давить на жалость* (рус.); *Bear (have, hold, nurse) a grudge against smb*

‘иметь зуб против кого-то’; *Bring to grief* ‘довести до беды’; *Come to grief* ‘плохо кончить’; *Put smb out of conceit with smth* ‘отбить охоту’; *Bring shame on oneself* ‘опозориться’; *Put to shame* ‘опозорить’; *Put fear in smb’s heart* ‘нагнать страху на кого-то’; *Pocket one’s pride* ‘проглотить свою гордость’; *Wound one’s pride* ‘Задеть чье-л самолюбие’; *Sup sorrow* ‘хлебнуть горя’ (англ.); *Einen Groll gegen j-m hegen* ‘Иметь зуб против кого-то’ (англ.; нем.); *J-s Stolz beugen* ‘задеть чью-то гордость; затаить злобу против кого-л’ (нем.); *Sein Glück machen* ‘составить свое счастье’ (нем.); *Sein Glück verscherzen* ‘легкомысленно упустить свое счастье’; *j-m Schamröte ins Gesicht treiben* ‘вогнать в краску стыда’; *j-m Schande bringen* ‘навлечь позор на кого-л.’; *j-m Schande machen* ‘осрамить’ (нем.).

В то же время, в некоторых фразеологизмах английского и русского языков проводится идея о том, что на такое чувство, как любовь, повлиять нельзя (русс. – 2 ФЕ, или 3, 6%, англ. – 2 ФЕ, или 4, 7%): *любовь все возрасты покорны; любовь зла – полюбишь и козла* (рус.); *Love laughs at locksmiths* ‘любовь не знает преград’; *Love cannot be compelled* ‘насильно мил не будешь’ (англ.).

Настоящее исследование позволило выявить области нематериального мира, типично отражаемые фразеологизмами с компонентом - наименованием эмоции в русском, английском и немецком языках. Среди таковых – идея о силе эмоций (особенно характерна для русской и английской лингвокультур), идея о сосуществовании полярных эмоций (характерна для трех анализируемых лингвокультур). Идея о том, что эмоции могут иметь негативные последствия для человека, проявилась во фразеологическом фонде трех языков, при этом наиболее ярко – в английской лингвокультуре. Фразеологизмы, отражающие идею о положительных последствиях проживания эмоций, очень немногочисленны в трех анализируемых лингвокультурах. Идея о том, что эмоциями можно управлять, в большей мере присуща немецкой и английской лингвокультурам.

Таким образом, анализ фразеологизмов с наименованиями эмоций позволяет сделать вывод о том, что видение мира у представителей русско-, англо- и немецкоязычных лингвокультур имеет сходные черты, различия наблюдаются в степени выраженности (а, следовательно, и значимости) таких идей для национального сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин; Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах, К. Агрикола. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1975. – 656 с.
2. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь = English-Russian phraseological dictionary: ок. 20000 фразеол. единиц / А. В. Кунин. – 6-е изд., испр. – М.: Живой язык, 2005. – 942 с.
3. Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева и др.; под ред. [и с предисл.] В. Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 386 с.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Шаховский, В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учеб. пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студ., магистрантов и асп. Ин-та иностр. яз. Волгогр. гос. пед. ун-та / В. И. Шаховский. – Волгоград: изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ СЛЕНГА ГРАФФИТИСТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

В статье представлен сравнительный анализ сленга граффитистов в англоязычной и русскоязычной культуре. Выявляются основные причины использования определенных лексических единиц, и их значения. Рассматривается вопрос о том, как общественное восприятие мира может повлиять на формирование нового языка или стать частью уже существующего.

С течением времени языку свойственны некоторые изменения, которые в той или иной сфере могут влиять на наше понимание и восприятие окружающей реальности. Эти изменения могут адаптироваться к определенной культуре или субкультуре, которые будут отражать ту самую принадлежность. Сленг, который так часто используется нами сегодня – не исключение.

Сленг – это слова, которые часто рассматриваются как нарушение норм стандартного языка. Это очень выразительные, ироничные слова, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни. Необходимо отметить, что некоторые ученые относят к сленгу жаргонизмы, не выделяя их как самостоятельную группу, и таким образом определяют сленг как особую лексику, используемую для общения группы людей с общими интересами [1].

Явление граффити также составляет неотъемлемую часть современной культуры, а именно хип-хоп культуры, которая в свою очередь считается частью молодёжной субкультуры. Субкультура – это присущая данному обществу или большой социальной группе система ценностей, представлений о жизни

и поведенческих кодов, определяющих образ жизни, то есть нечто специфическое в способе самовыражения индивида, социальной группы [2].

Такие сообщества чаще всего имеют наиболее яркую представленную сленговую картину, которая характеризуется основными видами деятельности участников, а также основными взглядами на окружающую обстановку. Наблюдая общую картину сленга граффитистов и других современных субкультур, можно проследить, что обычно заимствование лексических единиц происходит из англоязычных культур.

Молодежному сленгу граффитистов свойственна некоторая размытость границ. Вычленив его как замкнутую подсистему, как объект наблюдения, можно только условно. Изучение и сравнение стилей разных языков приводит к выводу, что сленг не иссушает и не загрязняет устную речь того, кто им пользуется, а является в какой-то мере необходимой частью этой системы [3].

Сленг у граффитистов довольно динамичный и уникальный. Ему свойственны изменения в зависимости от окружающей обстановки. Но с новыми сленгом, не исчезает и старый, который уже занял прочное место в культуре граффитистов, и без него даже не представляется существование этого направления.

Для более полного понимания культуры сленга англоязычных и русскоязычных граффитистов можно составить таблицу с некоторыми наиболее популярными примерами.

Таблица 1. – Сленг англоязычных и русскоязычных граффитистов

Английский сленг	Русский сленг	Значение
All City King	Ол сити кинг, король всего города	Граффитист, рисующий по всему городу и получивший за это славу.
Bite	Байт	Плагиат. Байтить, сбайтить – украсть рисунок.
End2end	Энд-ту-энд	Полностью расписать стену.
Fat	Фэт	Колпачок аэрозольного баллона для широких линий.
Line	Лайн(ы)	Рисовать вдоль железнодорожных путей.
Stencil	Стенсил	Трафарет для граффити и созданное с его помощью изображение.
Toy	Той	Неопытный художник, новичок, подражатель.

Анализируя таблицу, (см. таблицу 1), можно заметить значительную долю заимствований сленга из английского языка. Такое явление может показывать доминантность одной культуры над другой. Это может происходить из-за того, что история граффити как раз берет свое начало на западе, и наибольшую популярность это явление приобрело именно в англоязычных странах, в особенности в США. Также в культуре граффитистов и людей, имеющих некий бэкграунд в искусстве, знают о Бэнкси – самом популярном уличном художнике из Великобритании, который стал популяризатором направления граффити во всем мире. Возможно, именно эти факторы могут быть частью того самого влияния на сленг в культуре граффитистов.

Обратить внимание необходимо и на лингвистику. Можно заметить, что слова, используемые граффитистами, олицетворяют именно восприятие окружающей среды и ассоциации, которые они приписывают определенным явлениям/ситуациям.

Рассмотрим пример слова *Toy*. Дословный перевод на русский – ‘игрушка’. Значение – новичок в своем деле, которому свойственно подражание. В данном случае можно провести параллель с тем, что игрушки, в общепринятом понимании, предназначены для детей. То есть ребенок, который ведет себя как новичок, не имеющий опыта и не проникшийся правилами граффитистов, чьи работы еще не дотягивают до принятых норм профессионалов.

Несмотря на это, причиной выбора именно данной лексической единицы может являться и её простота. Данное слово удобно для произношения в двух культурах.

Примером для рассмотрения можно взять сленговое слово *stencil* – ‘стенсил’, ‘трафарет’. В русскоязычной культуре граффитисты используют два варианта, что может являться следствием того, что большинство русскоязычных граффитистов и (уличных) художников в ходе обучения чаще использовали слово *трафарет*, т.к. это является абсолютной нормой значения

и сущности того, что они подразумевают. Слово *stencil* нечасто употребляется в лексике русскоговорящих. Чтобы понять, в чем тут могут быть различия, можно рассмотреть такой пример. Такие слова как *line*, *toy*, *bite* русскоговорящие культуры довольно часто встречают в повседневной жизни, в разных ситуациях, что и дает определенный отпечаток в сознании людей и уже знакомую им ассоциацию. В то время как слово *stencil* можно назвать узкоспециализированным, не имеющим особой ассоциации. Поэтому можно заключить, что употребление слова ‘трафарет’ вместо ‘стенсил’ является более обоснованным и, возможно, в некотором роде будет зависеть от принятого внутреннего обозначения действительности человека.

Необходимо выделить и переводческие трансформации, которые могут возникать в ходе заимствования англоязычного сленга.

Во-первых, это лексическая трансформация, которая представляется в виде транскрипции слов. Происходит полное уподобление произношению слов из английского языка. Исключением выступают случаи, где есть транскрипция + культурная особенность звучания и грамматики языка-реципиента. Пример: *line(s)* – ‘лайн(ы)’.

Во-вторых, синтаксическое уподобление или дословный перевод, когда синтаксическая структура языка-донора передается аналогичной конструкцией в переводе. Можно это проследить в примерах *all city king* – ‘король всего города’, *stencil* – ‘трафарет’.

В русскоязычном сленге также присутствует оригинальный сленг, который не находит отражения в англоязычной культуре граффитистов.

Таблица 2. – Оригинальный русскоязычный сленг

Сленговая единица	Значение
Крокодил	Кабина локомотива. Названа так, из-за того что красятся они в зеленый цвет и имеют устрашающий вид который занимается сцепкой и расцепкой грузовых вагонов и цистерн.
Лисы	Железнодорожные работники. Как правило ходят в оранжевых сигнальных жилетах, и тут есть плюс их можно заметить издали, из-за цвета и сигнальной полосы

	привлекающей внимание и отражающая солнечный свет (блеск).
Перо	Нож.
Собака	Электричка. Названа так, потому что электричка подобна собаке, которая останавливается у каждого столба (на каждой остановке-станции) .
Чайка	Контролер, ревизор, который может вас увидеть и уведомить об этом полицию .

По приведенным примерам можно отследить, что русскоязычный сленг в основном представлен в виде ассоциаций. Прослеживается сравнение сленга с приписываемым ему значением. Так можно заметить семантику цвета, которая играет ключевую роль: *крокодил* зеленый – кабина локомотива (в большинстве случаев) зелёная; *лисы* оранжевые – железнодорожные работники носят ярко-оранжевые жилеты.

Просматривая пример с *собакой* и *чайкой*, можно отметить, что ключевую роль сыграли физические характеристики животных.

Пример ножа отражает внешние особенности.

Не исключено, что в дальнейшем русскоязычный сленг будет пополняется отечественными словами, которые будут иметь более привычный оттенок восприятия для данной культуры.

В заключение, можно отметить, что в связи с большим потоком информации и коммуникативных сетей, у общества появляется больше возможностей сделать свой язык намного богаче. Чаще всего эти изменения происходят с определенными субкультурами, так как они из личного интереса чаще всего более осведомлены об изменениях, происходящих в этой же субкультуре в другой стране. Благодаря этому, именно коммуникация находится в более выгодном положении. Чтобы соответствовать новым принятым нормам и появляются язык-донор и язык-реципиент. Происходит почти полная передача лексических единиц, которые в определенной степени совпадают с ценностями другой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сленг как явление в современной лингвистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lingvotech.com/sleng>. – Дата доступа: 24.01.2023.
2. Отраднов А.С. Граффити как феномен культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/84926/1/klovsm_2009_04-05_050.pdf. – Дата доступа: 24.01.2023.
3. Ужинская Т.В. Англоязычный сленг в русской речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.art-talant.org/publikacii/26352-angloyazychnyy-sleng-v-russkoj-rechi>. – Дата доступа: 24.01.2023.

ПЕРЕВОДЧИК С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Статья посвящена проблеме машинного перевода. Актуальность изучения и решения проблем, связанных с машинным переводом, и важность его практического применения в преодолении языкового барьера обусловлена значительным увеличением объема переводимых документов, нехваткой профессиональных переводчиков для многочисленных специализированных областей и отдельных языковых пар. В статье раскрывается суть работы современных систем машинного перевода, основанных на использовании технологии искусственного интеллекта.

До наступления эпохи искусственного интеллекта (ИИ) слово «переводчик» ассоциировалось исключительно с человеком. Перевод научных статей, художественных произведений, технических и юридических документов выполняли профессиональные переводчики. Однако с появлением ИИ начал развиваться нейронный машинный перевод: сначала в интересах науки, а затем бизнеса, государства и всех, кому были доступны современные интеллектуальные технологии. В наши дни нейронный машинный перевод демонстрирует беспрецедентную скорость и столь же беспрецедентное качество, ежедневно им пользуются более полумиллиарда человек [2].

С помощью современных лингвистических решений можно получить связный и абсолютно точный текст на другом языке, не требующий редактирования человеком, за считанные секунды. Эту возможность нам дает применение ИИ, в частности, самообучающихся нейронных сетей, разработкой которых занимаются ведущие научные центры и университеты мира: Эдинбургский университет в Шотландии, Массачусетский, Стэнфордский и Колумбийский университеты в США, Монреальский университет в Канаде, а также МГУ имени М.В. Ломоносова и Российский НИИ искусственного интеллекта. Последние несколько лет компании, являющиеся мировыми

лидерами в области информационных технологий OpenAI, Promt, Facebook AI Research Lab, Google и Microsoft внедряют технологии нейронных сетей в системы машинного перевода.

Благодаря нейронным сетям существенно улучшилось качество машинного перевода. Данные, опубликованные компанией Google [6] и представленные ниже в таблице, свидетельствуют о том, что качество перевода, выполненного с помощью нейронных сетей в некоторых языковых парах, практически соответствует человеческому.

Таблица 1. – Сравнительный анализ качества перевода, выполненного нейронной сетью и профессиональным переводчиком

Языки	Нейронная сеть	Человеческий перевод
английский — испанский	5,428	5,550
английский — французский	5,295	5,496
английский — китайский	4,594	4,987
испанский — английский	5,187	5,372
французский — английский	5,343	5,404
китайский — английский	4,263	4,636

За основу взята 6-балльная система оценивания качества перевода. 6 – максимальная оценка, 0 – минимальная оценка.

Нейросетевой машинный перевод не просто ищет и сопоставляет слова и выражения двуязычных корпусов, с его помощью становится возможным глубже проникнуть в связи, существующие между словами, и путем сложного анализа каждого переводимого образца изучить их взаимоотношения для выяснения контекста.

Нейронная сеть анализирует «окружение» каждого слова, даже если слова находятся в разных частях предложения, что позволяет правильно определить контекст, который, в свою очередь, обеспечивает связь слов в предложении при переводе. Нейронной сети необходимо время, чтобы самообучиться. На начальном этапе могут выдаваться несогласованные фразы. Такие проблемы решаются за счет статистического метода, в частности, использованием модели

языка, которая содержит свод знаний о языке, выраженный в вероятностном значении.

Нет необходимости программировать нейронную сеть, такая сеть учится на основе примеров или же методом проб и ошибок. Одним из наглядных результатов подобного обучения может служить способность нейросетей обобщать и соотносить данные. После успешного обучения нейронная сеть может найти логичное решение для проблем, с которыми она до этого не сталкивалась.

Нейросеть не только переводит предложения максимально близко к естественному языку, но и производит определенную проверку, проводит каждое слово через модель языка во избежание несогласования и устранения любых грамматических или орфографических ошибок

Несмотря на все очевидные достоинства нейронной сети в переводе, существуют и некоторые недостатки. При переводе незнакомого фрагмента текста нейросеть пропустит его или начнет «придумывать» что-то свое и будет ждать, пока это слово окончательно войдет в широкое употребление. Особенно это касается недостаточно распространенных имен или названий, редких слов и выражений, сленга или намеренного искажения слов, которое, например, часто встречаются в заголовках газет.

Другая проблема состоит в том, что для обучения нейронной сети требуются корпуса больших объемов, чем для статистической системы, а следовательно, требуется чрезвычайно большая вычислительная мощность. Несмотря на все преимущества, нейронному переводчику необходимо время для самообучения. Нейронный переводчик обрабатывает целые предложения, а статистический – делит его на n-граммы, при этом нейронный переводчик не может рассчитать модель языка, тогда как статистический может. Таким образом, на данной стадии развития нейронных сетей в переводе наиболее продуктивным является использование гибридных систем, с помощью которых можно компенсировать недостатки двух разных подходов к переводу.

Разработка технологии нейронных сетей способствовала появлению термина – «цифровой перевод», определяющего новый вид не только технологии, но и философии перевода, открытую систему сетевого взаимодействия переводчика и искусственного интеллекта [1].

Цифровой перевод ориентирован на повышение эффективности переводческой деятельности и качества переводческой продукции. Благодаря созданию искусственных нейронных сетей, стало возможным не только их программирование, но и их обучение, что существенно отличает современные компьютерные алгоритмы межъязыковых переходов от прежних версий.

Следует отметить, что, несмотря на то что в названии подхода содержится термин «нейронные сети», ассоциируемые с нервной системой человека, ничего даже отдаленно связанного с моделированием мыслительной деятельности человека в области машинного перевода, в этом подходе нет.

По данным, опубликованным в научном журнале *New Scientist* [5], в 2022 была создана и успешно протестирована модель ИИ, которая может осуществлять письменный перевод с 204 языков. Модель, получившая название *No Language Left Behind (NLLB)*, опережает систему *Google Translate*, которая в настоящее время работает на 133 языках, и систему *Microsoft Translator*, которая обслуживает 110 языков. Модель *NLLB* поддерживает такие языки, как ачехский, на котором говорят 4,7 миллиона человек в Индонезии и Малайзии, и фриульский, на котором говорят всего 600 000 человек в северо-восточной Италии, а также может выполнять высококачественные переводы на 55 африканских языков. Несмотря на свое название, *No Language Left Behind* охватывает лишь незначительную часть из почти 7000 языков, существующих во всем мире.

По мнению экспертов компании *Prompt*, «качество нейросетевого перевода достигло такого уровня, что применение данных технологий отразится на профессии переводчика. Благодаря скорости, качеству и гарантии конфиденциальности машинный перевод будут использовать во всех отраслях, в том числе – в бизнесе и науке, а профессиональные переводчики все чаще

будут заниматься постредактированием и готовить данные для обучения систем машинного перевода» [2]. Конечно, в ближайшем будущем ИИ не сможет заменить человека, однако в сфере перевода будут происходить изменения требований к знаниям и навыкам работников.

Результаты исследования «The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation» [4], опубликованного на сайте Оксфордского университета, также свидетельствуют о том, что развитие цифровых технологий призвано оптимизировать работу переводчиков. Авторы исследования К. Б. Фрей и М.А. Осборн отводят профессии письменных и устных переводчиков 265 место из 702 профессий, восприимчивых к полной или частичной автоматизации.

Сложные алгоритмы и разработки в области ИИ, основанные на больших данных, позволяют сегодня автоматизировать многие нестандартные задачи. Но действия, включающие сложные задачи восприятия и осознания, задачи творческого интеллекта и задачи социального интеллекта, трудно автоматизировать. Искусство перевода, будь то устная или письменная его форма, включает в себя задачи, свойственные творческому интеллекту и, конечно, задачи социального интеллекта.

Результаты исследования профессора М. Боден, которое проводилось на факультете информатики Университета Сассекса, свидетельствуют о том, что «основным препятствием для автоматизации искусства перевода является сложность или невозможность классификации творческих ценностей таким образом, чтобы их можно было кодировать в программе» [3].

Эксперты полагают, что под воздействием современных интеллектуальных технологий профессия переводчика не исчезнет, но будет видоизменяться. ИИ войдет в инструментарий профессионалов, поэтому целесообразно развивать технологии искусственного интеллекта в РБ и создавать оригинальные отечественные системы машинного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбовский, Н. К. Цифровой перевод / Н.К. Гарбовский – взаимодействие интеллектов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/375114586/>. – Дата доступа: 02.03.2023.
2. Стельмах, С. Нейросетевой перевод: рутина - машине, творчество - человеку / С. Стельмах / IT week Газета для пользователей информационных технологий и решений. – 2019. – № 6 (949) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lib.ugtu.net/media/files/2019/09/17/no6-17-2019.pdf>. – Дата доступа: 02.03.2023.
3. Boden, M. A. The creative mind: myths and mechanisms / M. A. Boden – [Electronic resource]. – Mode of access: <https://fulldisclosure.info/Files/Books/The%20Creative%20Mind%20%20Myths%20and%20Mechanisms.pdf>. – Date of access: 02.03.2023.
4. Frey, C.B. Osborne, M.A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? / C.B. Frey – [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf. – Date of access: 02.03.2023.
5. Sparkes, M. Meta's AI can translate between 204 languages / M. Sparkes// Newscientist. – [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.newscientist.com/article/2327061-metas-ai-can-translate-between-204-languages-including-rare-ones/>. – Date of access: 02.03.2023.
6. Yonghui, Wu. Google's Neural Machine Translation System: Bridging the Gap between Human and Machine Translation / Wu. Yonghui – [Electronic resource]. – Mode of access: <https://research.google/pubs/pub45610/>. – Date of access: 02.03.2023.

РЕЧЕВОЙ КОНТАКТ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Коммуникативный процесс служит для передачи и обмена информацией между двумя собеседниками. Прежде чем приступить к содержательному обмену сообщениями, к самой коммуникации, адресанту необходимо каким-то образом привлечь внимание адресата, вступить в контакт, обратиться к нему. Среди различных средств установления речевого контакта основным является обращение, при выборе которого учет социокультурного аспекта речи выступает как значимое условие успешности коммуникации. Искусный выбор и приемлемое употребление ты- или Вы-форм обращения в соответствии с национальными традициями, создает благоприятную атмосферу общения и дает возможность говорящему продемонстрировать всю палитру личных и социально заданных отношений, а также добиться поставленной иллокутивной цели.

Коммуникативный процесс представляет собой двустороннюю речевую деятельность, осуществляемую двумя участниками (собеседниками): говорящим (адресантом) и слушающим (адресатом). Любое речевое высказывание имеет своего автора и того, кому оно адресовано. Целью данного взаимодействия между людьми является не только передача, но и обмен информацией посредством принятых в соответствующей культуре знаковых систем, т.е. языков.

Коммуникативная функция иностранного языка заключается в обеспечении межкультурного общения. Так как в процессе коммуникации принимают участие люди из разных стран, успешность общения во многом зависит

от принятия во внимание социокультурного аспекта речи. Собеседники используют в речи языковые структуры, сформировавшиеся под влиянием определенных социокультурных факторов. Высказывания могут быть поняты

по-разному. Для полноценного освоения иностранного языка необходимо учитывать социокультурные аспекты, такие как национально-культурные особенности речевого и социального поведения носителей языка, их менталитет, обычаи, традиции и нормы этикета, а также информацию о стране изучаемого языка. Без этих знаний невозможно достичь полного понимания языка и его использования в соответствии с культурными нормами и ожиданиями носителей языка. Социокультурная характеристика коммуникации заключается не только в грамматической и стилистической компетентности, оперировании соответствующей ситуации лексикой, но и в учете мировоззренческих взглядов собеседника, адекватной трактовке явлений иноязычной культуры.

Фундаментом любой формы общения (письменной или устной) является обращенность к адресату, не просто передача ему соответствующей информации, а сознательная ориентация речи на ожидаемые от него реакции, установление контакта с ним. Знание социокультурных параметров иноязычной коммуникации проявляется в первую очередь в выборе надлежащих лексических единиц.

Как правило, при передаче информации говорящий не просто повествует о фактах, но и интерпретирует их сознательно, с целью получить соответствующую реакцию от собеседника. Со стороны последнего, внезапная речь (при не включенном внимании адресата) может остаться не воспринятой, воспринятой частично, или не услышанной.

Для правильной организации речевого общения в конкретной социокультурной коммуникации необходимо использование определенных средств, выполняющих фактическую функцию, направленную на включение/переключение внимания адресата на сообщаемую ему информацию, поддержание на нужном уровне внимания адресата в процессе коммуникации, а также, при необходимости, на прерывание уже установленного речевого контакта.

Контакт в социальном контексте представляет собой действие, направленное на установление формальных связей с другими участниками коммуникации или, наоборот, на их прекращение. Выделяют три семиотических типа контакта, различающихся по своей автономности от иной деятельности и по функциональной маркированности: 1) изолированный контакт (в коммуникативном пространстве происходит распознавание и заполнение «пустот»); 2) включенный контакт (осуществляется инициативный шаг и обратная коммуникативная связь) и 3) пролонгированный контакт (установление связи и идентификация коммуникантов) [4, с. 130].

Средствами реализации двух первых типов контакта являются, прежде всего, ритуальные стереотипные формулы. При изолированном контакте это формулы приветствия, а при включенном контакте это формулы, служащие поддержанию контакта, например, *Was kann ich für Sie tun? Was meinst du?; How can I help you? What about you?* - Чем могу Вам помочь? А как ты? и т.п. Способом заполнения так называемых «пустот» при изолированном контакте может служить также неритуальный социальный стереотип, не имеющий целью обмен информацией (например, беседа о погоде) [4, с. 133].

Ритуальные стереотипные формулы часто сопровождаются обращениями, которые подчеркивают направленность речи к конкретному адресату: „*Gute Nacht, Stefan*“, „*Guten Morgen, Herr Schulz*“; „*Good night, Andrew*“, „*Good afternoon, Mr. Jackson*“.

Пролонгированный контакт проявляет себя в способах называния коммуникантов и их идентификации, т.е. возможностях взаимного распознавания для успешного осуществления последующей коммуникации. Главным средством реализации данного типа контакта выступают личные имена, социально нейтральные и социально-дифференцирующие формы обращения. Существует также и другой вариант установления пролонгированного контакта, осуществляемый с помощью «разговорных вопросов» (на бытовую или профессиональную тематику), которые традиционно задают в ситуации знакомства для укрепления контакта [4, с. 138].

Все средства речевого контакта объединены в функционально-семантическую категорию, структурированную по принципу поля, где обращение является центральным элементом. Обращение играет важную роль в установлении связи между участниками коммуникации и их высказываниями.

На периферии поля, ближе к обращению, располагаются междометия. Далее следуют побудительные и вопросительные предложения.

Однако, выбор междометного выражения в качестве способа установления или поддержания контакта зависит от степени знакомства между коммуникантами: чем меньше говорящий знает об адресате, тем больше вероятность использования междометия: *He! Ist hier jemand? Leg doch mal 'ne andere Scheibe auf, hey! Ach, lass mich in Ruhe; Hey, help me! Bah leave me alone.*

Обращение и междометие имеют функциональную общность, которая проявляется в частом совместном употреблении этих средств речевого контакта. Однако, существуют и различия между ними: обращение явно называет адресата речи, тогда как междометие не требует детальной идентификации адресата и может осуществлять адресацию без уточнения конкретного получателя высказывания: *He, Kinder, lauft nicht fort, war doch nicht so gemeint. / Hey, Jim, I'm here. Come this way.*

Побудительные и вопросительные предложения, а также формулы речевого этикета играют важную роль в обеспечении эффективности речевого общения и уточняют направленность речи к собеседнику. Однако, когда в общении участвуют более двух коммуникантов, использование только побудительных или вопросительных предложений недостаточно для идентификации адресата. Только обращение может явно указать на нужного адресата и содержать информацию об этом человеке, определяя его по различным параметрам.

В коммуникативном процессе обращение инициирует и ускоряет контакт между собеседниками. Оно содействует фокусировке и концентрации внимания адресата, переключает его на восприятие адресованной ему информации и

исключает вероятность возникновения коммуникативных неудач, вызванных отсутствием четких знаков привлечения внимания.

Рассмотрим особенности выбора форм обращения представителями английской и немецкой культуры, обусловленные широкой географией распространения и популярностью данных языков. В каждом языке существует множество лексических форм обращения, употребление которых зависит от коммуникативной ситуации и психологического настроения участников коммуникации, а также от культурных ценностей, отраженных в них, и от национальных этикетных правил языка, выбор которых зависит от социокультурного аспекта.

Обращение играет важную роль в интерперсональном аспекте коммуникации и зависит от социокультурного контекста. В английском и немецком языках используются как имена собственные, так и имена нарицательные в качестве обращения. Для выражения вежливости, как правило, используют лексему обращения Господин/Госпожа (*Herr/Frau*) или *Mister/Madam* (*Mr./Sir/Madam*), которые часто сочетаются с фамилией (*Frau Nomsen, Madam Chantel*). В некоторых случаях можно использовать сочетание слов *Frau/Herr* с именем и фамилией (*Frau Sarah Streuli/ Mr. Jim Hopkins*). В общении между близкими знакомыми людьми часто используется обращение только по имени.

Имена людей могут сочетаться с различными атрибутами, такими как “дорогой”, “милый”, “уважаемый” и другими. Они часто сопровождаются притяжательными местоимениями, например, “*mein*”; “*my*”, как в выражении “*meine verehrte Frau Nomsen*”; “*My honorable Mrs. Nomsen*” ‘моя почтенная госпожа Номсен’.

В близких отношениях между собеседниками в немецком и английском языках, так же, как и в русском языке, используют гипокристики (уменьшительно-ласкательные имена). В немецком языке они образуются при помощи суффиксов *-i* (*Hansi, Rosi*), *-chen* (*Kurtchen*), *-lein* (*Tonilein*) или через словопроизводство (*Susi* от *Susanne*, *Andi* от *Andreas*). В английском языке это

происходит с помощью суффиксов *-y/-ie, -ling* (*Andrew/Andy, Constance/Conny*) и через словопроизводство (*Geff* от *Geffrey, Lisa/Liza* от *Elizabeth*). Уменьшительно-ласкательные имена могут сопровождаться атрибутами, носящими регулятивный характер и усиливающими положительное отношение адресанта к адресату. Собранные нами примеры показывают, что чаще всего в роли такого атрибута выступает прилагательное *liebe (lieber)/dear* – ‘дорогая (-ой)’, ‘любимая (-ый), милая (-ый)’.

Личные и неличные имена нарицательные могут также использоваться в качестве обращения. К именам нарицательным, обозначающим профессию или должность адресата, в немецком языке обычно добавляют слова *Frau/Herr* (*Herr Doktor*).

В качестве обращений, характеризующих межличностные отношения коммуникантов, в немецком языке используются также субстантивированные прилагательные. Например, обращение *Süsse/Honey* ‘сладкая’ может передавать ласковое отношение к подруге, жене; *mein Lieber, Bester* ‘мой дорогой (любимый, милый), самый лучший’ – ласковое отношение к другу, мужу; *Alter* ‘старина, дружище’ – дружеское обращение среди подростков мужского пола.

Дейктические словесные знаки являются специфическим классом лексем в позиции обращения. Они выполняют указательную функцию. Наиболее употребительными дейктическими лексемами являются личные местоимения (*Du, Onkel; you, Freddy*).

Обращения имеют важное значение для определения социальной позиции и отношений между участниками коммуникации. Они указывают на статусные роли собеседников, такие как пол, возраст, национальность, образование и профессия, а также занимаемую должность, которая является ключевым показателем социального статуса.

В конкретной ситуации общения адресанту приходится ориентироваться в своем социальном положении и положении партнера по коммуникации и выбирать наиболее «уместную» форму обращения, прежде всего на «ты» или на «Вы».

Обращения на «ты» и на «Вы» распределены в немецком языке так же, как и в русском. Вежливая форма обращения “*Sie*” – ‘Вы’ (3 лицо множественного числа личного местоимения) используется при обращении к одному или нескольким, незнакомым или малознакомым адресатам, прежде всего, в официальной обстановке общения.

Обращение “*du*” – ‘ты’ (во множественном числе “*ihr*” – ‘вы’), так называемая доверительная форма обращения (*vertrauliche Anredeform*), используется знакомыми друг с другом собеседниками в семейной сфере и среди близких друзей, в общении взрослых с детьми и маленьких детей с взрослыми, т.е. в неофициальной обстановке, а также в не строго официальной обстановке среди коллег, занимающих одинаковое служебное положение.

В английском языке, с его нейтральным *You* ‘ты / Вы’, проблем с этим нет. Однако при переводе приходится более глубоко анализировать коммуникативную ситуацию, чтобы сделать выбор между «ты» и «Вы».

Обращения могут быть носителями нейтральной и/или эмоциональной информации. Для передачи эмоций, которые испытывает говорящий к адресату, в качестве обращения используются различные эмоционально-оценочные номинации, характеризующие адресата по разным признакам и выражающие его оценку адресантом.

Например, обращения *du Satan/You old devil* ‘ты, дьявол’ или *verrückter Kerl* ‘сумасшедший’ могут передавать негативное отношение адресанта, расстроенного и разозленного поведением или поступком адресата, характеризуя также эмоциональное состояние и самого говорящего. Обращение *Schatzi/darling* ‘сокровище’, в свою очередь, выражает нежное, ласковое, близкое отношение к адресату.

В «Словаре немецкой разговорной речи» Кюппера [5] приводится ряд устойчивых обращений, передающих определенные межличностные отношения коммуникантов в немецком языке.

Обращения *Püppchen, Würmchen, Zuckerdose* являются в немецком языке обращениями к маленькой девочке, выражающими ласковое, „теплое“

отношение к ней взрослого человека. *Zuckermännchen* – ласковое обращение к маленькому мальчику.

Mitteleuropäer, ihr Hübschen, ihr Schönen – шутливые обращения, а *mein lieber Schwan, Hutsimpel* несут оттенок иронии. Используя такие обращения, адресант, с одной стороны, показывает свое веселое, ироничное расположение духа, а, с другой стороны, передает положительное, дружелюбное или же насмешливое, презрительное отношение к адресату.

Обращения *Männeken, Männchen, Freundchen* имеют угрожающий характер, идентифицируя враждебное отношение говорящего к собеседнику.

Alter Knochen, altes Möbel несут оттенок доверительности, показывая, что адресант считает своего собеседника надежным человеком, на которого можно положиться в любой ситуации.

Формы обращения *treue Tomate, alter Schwede* являются добродушными, доброжелательными, дружескими обращениями собеседников, знакомых друг с другом продолжительное время.

Knabe является укоризненным обращением среди подростков.

Таким образом, обращения способны выражать различные отношения между коммуникантами: дружеские, враждебные, фамильярные, уважительные, «теплые», «холодные» и др.

Выбор формы обращения зависит от параметров коммуникативной ситуации: интенции адресанта, его иллокутивной цели; характера взаимоотношений коммуникантов, их степени и длительности знакомства, равенства/неравенства по возрасту, служебному положению; социального статуса; ситуации общения; норм культуры, носителем которой является говорящий и т.д.

В процессе коммуникации эти условия, как правило, не реализуются в «чистом» виде, а взаимообуславливают выбор подходящей формы обращения.

Обращение бесспорно инициирует общение, маркируя социальные отношения между коммуникантами, включая в себя различные характеристики

участников общения и выражая межличностные связи между ними и успешность этих связей с учетом социокультурного фактора.

Несоответствие стереотипов коммуникативного поведения может привести к непониманию в межкультурном общении. Поэтому на начальных этапах обучения важно ознакомить студентов с культурой и традициями страны, язык которой они изучают, а также учить их анализировать сходства и различия в коммуникативном поведении людей из разных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюковская, А.В. Социокультурные аспекты процесса иноязычной коммуникации / А.В. Крюковская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/sotsiokulturnye-aspekty-protssessa-inoyazychnoj-kommunikatsii.html>. – Дата доступа: 02.02.23.

2. Сосна, Т. В. Наука – образованию, производству, экономике: материалы Девятой междунар. научно-техн. конф. Минск, апрель 2011 / Т. В. Сосна / Белорус. нац. техн. ун-т; редкол.: Б.М. Хрусталева, Ф.А. Романюк. – Том 4. – Минск: БНТУ, 2011. – С. 354-357.

3. Сосна, Т. В. Обращение как средство отражения межличностных и социальных отношений коммуникантов / Т. В. Сосна // Межкультурная коммуникация и современные технологии иноязычного образования. Материалы Международного онлайн круглого стола 7 апреля 2011 г. – Минск: БНТУ, 2012. С. 179-184.

4. Токарева, И. И. Этнолингвистика и этнография общения / И.И. Токарева. – Минск: Минск. гос. лингв. ун-т, 2001. – 244 с.

5. Küpper, H. Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper // Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1997. – 959 S.

АНГЛИЙСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ПОСТОЯННЫМ КОМПОНЕНТОМ *NEVER MIND*

В статье рассматриваются английские синтаксические фразеологизмы с постоянным компонентом *never mind*. Установлено, что *never mind* является лексическим фразеологизмом, на основе которого вследствие действия принципа конструктора образуются синтаксические фразеологизмы модели *never mind X*. На материале Британского национального корпуса выделены 6 значений, в которых они употребляются, – ‘незначимость’, ‘неактуальность’, ‘несвоевременность’, ‘отсутствие касательства / отношения’, ‘соединение’, ‘уступка’. Выявлено, что синтаксические фразеологизмы модели *never mind X* имеют одинаковую с лексическим фразеологизмом *never mind* семантику незначимости и соединения, а также приобретают четыре не совпадающих с ним значения.

Одной из продуктивных моделей синтаксических фразеологизмов (далее – СФ) в английском языке является фразеосхема *never mind X*. Условием образования СФ этого типа выступает десемантизация слов *never* и *mind*, составляющих постоянный компонент, обуславливающая невыводимость значения СФ из суммы значений их элементов. Позицию переменного компонента *X* может занимать существительное (*never mind the quality*), номинативное сочетание (*never mind their ridiculous wages*), местоимение (*never mind him*), герундиальная конструкция (*never mind not being hungry*), придаточное дополнительное предложение (*never mind what I said*).

В результате контекстологического анализа 100 английских СФ типа *never mind X* из Британского национального корпуса [1] и британских электронных информационных изданий установлено, что они используются в 6 значениях: 1) незначимость, 2) неактуальность, 3) несвоевременность, 4) отсутствие касательства / отношения, 5) соединение, 6) уступка.

СФ с семантикой незначимости выражают отношение говорящего к предмету обсуждения как к неважному, не заслуживающему внимания: *Never mind what they say, luv, if you want to dress up as a woman that's your business* (В. Howell) 'Не важно, что они говорят, любимая, если ты хочешь нарядиться как леди, это твое дело'; *'Thank you,' Theda said faintly. 'I'm n-not very hungry.'* *'Never mind not being hungry,' Taggy said firmly. 'You'll eat it!'* (Е. Bailey) '«Спасибо», – тихо сказала Теда. «Я н-не очень голодна». «Не важно, что не голодна», – твердо сказала Тэгги. ' В этом семантическом варианте СФ могут подвергаться эллипсису и употребляться без переменного компонента, например, *'Cut off,' she said. 'Never mind. It's all right. He's finished in Dresden and he's coming back tomorrow'* (Р. Carter) '«Прервалось», – сказала она. «Неважно. Все в порядке. Он закончил все дела в Дрездене и завтра возвращается»'; *'I can recognize it's in Russian, but no, I can't translate it myself, old chap,' said George. 'Never mind, leave it with me'* (М. J. Staples) ' «Я понимаю, что это на русском, но нет, я не могу перевести это сам, старина», – сказал Джордж. «Неважно. Я с этим разберусь» '.

СФ с семантикой неактуальности характеризуют предмет обсуждения как не имеющий большого значения в момент речи по причине приоритетности чего-то другого: *"It was there I won my Scripture prize."* *"Never mind about your Scripture prize. I'm not talking about your Scripture prize"* (Р. G. Wodehouse) '«Именно там я получил награду за знание Священного Писания». «Сейчас не важно, что ты получил награду за знание Священного Писания. Я не говорю о твоей награде за знание Священного Писания»'; *"Have you had a luncheon?"* *"Never mind luncheon! What do you say to this?"* (Е. Bailey) '«Вы обедали?» «Вопрос обеда сейчас неактуален! Что вы скажете на это?»'. В отличие от предыдущего семантического варианта СФ *never mind X*, в данном случае говорящий не считает *X* не важным вообще, но лишь в определенный момент времени. В первом примере мнение о неактуальности воспоминаний о награждении в школе, выражаемое при помощи СФ, связано с тем, что Гасси в данный момент говорит о другом, что передается предложением *I'm not*

talking about your Scripture prize ‘Сейчас я не говорю о твоей награде за знание Священного Писания’ со сказуемым в форме настоящего продолженного времени. Во втором примере неактуальность *X* обусловлена желанием говорящего обсудить нечто иное, более существенное, что выражается немедленным предложением сменить тему разговора (*What do you say to this?* ‘Что вы скажете на это?’).

СФ со значением несвоевременности передают мнение говорящего об *X* как о не соответствующем по времени: *‘But what about Christmas?’ wailed the little ‘un.’ ‘Never mind Christmas. We can have that when we get to where we’re going. We could have it in London!’* (P. Scobie) ‘«А как же Рождество?» – плача спросил малыш. «Сейчас не время праздновать Рождество. Мы можем отметить его, когда доберемся до места. Мы можем отметить его в Лондоне!»’; *Mrs. Weasley returned from Diagon Alley around six o’clock, laden with books and carrying a long package wrapped in thick brown paper that Ron took from her with a moan of longing. “Never mind unwrapping it now, people are arriving for dinner, I want you all downstairs,” she said* (J. K. Rowling) ‘Миссис Уизли вернулась с Дайэгон-Эллей около шести, нагруженная книгами и несущая длинный сверток в толстой коричневой бумаге, который Рон, издав стон вожделения, выхватил у нее. «Сейчас не время разворачивать его, гости приходят к ужину, я хочу, чтобы вы все спустились вниз», – сказала она’. Правомерность нашей интерпретации значения СФ в приведенных контекстах подтверждается тем, что после СФ в них идет речь либо о времени, когда можно будет осуществить *X* (в первом примере – ‘мы можем отметить Рождество, когда приедем в Лондон’), либо о том, что следует делать в данный момент (во втором примере – спускаться к ужину), т.е. развивается именно тема времени.

СФ с семантикой отсутствия касательства / отношения характеризуют *X* как никаким образом не связанный с кем-либо / чем-либо: *Alexander died from a broken neck due to a fall from his horse. Never mind the stupid prophecies and their curses!* (P. C. Doherty) ‘Александр умер от перелома шеи в результате падения с лошади. Глупые пророчества и их проклятия здесь ни при чем!’; *‘Where are you*

going? ’ *Signe asked from the rear seat. ‘Never mind where I’m going. You just do as you’re told.’* (L. Deighton) ‘ «Куда ты?», – с заднего сиденья спросила Сайни. «Куда я иду, тебя не касается. Просто делай, что тебе говорят» ’. В первом случае СФ утверждает отсутствие связи гибели Александра с некими пророчествами и проклятиями, а в предложении, предшествующем СФ, называется настоящая причина смерти, т.е. объясняется, почему одно не имеет отношения к другому. Во втором примере мнение говорящего о том, что его собеседницы не касается, куда он идет, вероятно, обусловлено необходимостью того, чтобы Сайни сконцентрировалась на выполнении полученных указаний: именно они имеют первостепенную важность в данном контексте, они должны находиться в центре ее внимания, и поэтому ей не следует отвлекаться ни на что иное, ее не должно интересовать ничто иное.

СФ модели *never mind X* в структурном варианте $X_1 \text{ never mind } X_2$ обозначают соединение, передавая при этом градацию, в которой сказанное об X_1 в еще большей степени относится к X_2 , за счет чего X_2 акцентируется: *He found it hard to think, never mind talk; all he could do was wait* (N. Bartlett) ‘Ему было тяжело думать, тем более говорить; все, что он мог, – это ждать’; *Of course, that uncle of yours didn’t have the manners to write, never mind the decency to come* (J. McGahern) ‘Конечно, этому твоему дядюшке не хватило хороших манер, чтобы написать, и тем более не хватило порядочности, чтобы прийти’. СФ типа *never mind X* со значением соединения отличаются от других семантических вариантов СФ этой модели тем, что переменным компонентом в них может быть любая знаменательная часть речи, в то время как у СФ в остальных значениях есть морфологические ограничения на заполнение этой позиции.

В нашем фактическом материале также выявлены случаи выражения СФ модели *never mind X* уступки: *The “semi-official” Vatican newspaper L’Osservatore Romano has given the latest 007 movie the Catholic seal of approval, never mind the fact that James Bond is hardly a poster boy for Christian charity with his womanising, killing and otherwise A-moral lifestyle* (The Independent) ‘В

«полуофициальной» газете Ватикана «Л'Оссерваторе Романо» дается положительная оценка католицизмом последнего фильма об агенте 007, несмотря на то, что Джеймс Бонд вряд ли является воплощением христианских добродетелей – он бабник, он совершает убийства, и в других аспектах его образ жизни аморален'; *According to Ben, she had waited for him and he had failed her; never mind that the real fault was not his, or that he had lain at death's door, or that he had been loath to go to her as a cripple, with nothing to offer but a life of struggle* (J. Cox) 'По словам Бена, она ждала его, а он ее подвел, хотя на самом деле он ни в чем не виноват, он был при смерти, он не хотел возвращаться к ней калекой, не имея возможности ничего предложить ей, кроме жизни, полной трудностей'. В основе выражаемого СФ значения уступки лежит противопоставление двух фактов, которые одновременно имеют место, в чем говорящий видит противоречие: в первом примере образ жизни Бонда (факт 1) не соответствует тому, чтобы фильм о нем получал положительную оценку в ватиканской газете (факт 2); во втором примере с Беном случилось несчастье, он является жертвой обстоятельств (факт 1), при этом считает виноватым себя (факт 2), что кажется говорящему нелогичным.

В Оксфордском словаре английского языка для учащихся продвинутого уровня представлено три фразеологизма с *never mind*: это *never mind* со значениями 'не волнуйся, не расстраивайся', 'не важно', 'тем более'; *never mind (about) (doing) something*, выражающий побуждение не думать о чем-либо или не делать чего-либо в связи с неважностью по сравнению с чем-то иным или намерением говорящего сделать это самому; *never mind the fact that*, передающий удивительный контраст двух фактов [2]. Все они маркированы авторами как идиомы (*idioms*) без последующей дифференциации, но, как мы видим по их форме, являются устойчивыми образованиями разных видов: *never mind* с его фиксированным лексическим составом – лексическим фразеологизмом, *never mind (about) (doing) something*, имеющее как постоянный (*never mind*), так и переменный компонент со свободным лексическим наполнением (*doing something*), – фразеосхемой. Третью идиому *never mind the*

fact that мы рассматриваем как структурную разновидность фразеосхемы *never mind (about) (doing) something*, в которой *the fact that* является одним из возможных вариантов наполнения переменного компонента *something*. Правомерность нашей трактовки подтверждается тем, что указанное в словаре значение *never mind the fact that* ‘контраст’ и связанная с ним уступка передаются не только сочетанием *never mind* с *the fact that*, но и с другими переменными компонентами, прежде всего с придаточным дополнительным предложением с *that*: ***Never mind that he can single handedly win a game, he’s not in with the crowd*** (The BBC) ‘Хоть он и может в одиночку обеспечить победу, он не в команде’; *His character, his “bottle”, falls under the microscope for failing to win. Never mind that he is beating the vast majority of players on a weekly basis* (The BBC) ‘Когда ему не удастся победить, его характер, его выдержка рассматриваются под микроскопом. Хотя он еженедельно выступает лучше подавляющего большинства игроков’.

В том, что *never mind* представлен в словаре и как отдельный фразеологизм, и как часть устойчивой синтаксической модели, нет противоречия: этот случай является примером действия принципа конструктора – одного из сформулированных М. В. Копотевым принципов синтаксической идиоматизации, обуславливающих образование в языке синтаксических фразеологизмов, в соответствии с которым лексический фразеологизм (в данном случае – *never mind*) может стать основой для развития синтаксического фразеологизма (*never mind (about) (doing) something*) [3]. СФ модели *never mind X* имеют ту же, что и ЛФ *never mind*, семантику незначимости и соединения, однако также приобретают еще четыре значения, в которых ЛФ не употребляется, – ‘неактуальность’, ‘несвоевременность’, ‘отсутствие касательства’, ‘уступка’.

Действие принципа конструктора мы наблюдаем и в белорусском языке. Так, например, на основе лексического фразеологизма *мала што* с семантикой незначимости [4; 5] в ходе развития языка образовалась фразеосхема *мала што X*. Анализ нашего фактического материала, источником которого послужил

Беларускі N-корпус [6], показал, что строящиеся по этой модели СФ выражают не только незначимость (*Тады Зелянушчанак толькі рукою махнуў: «Слухай ты рапуху гэтую, мала што яна верашчыць»*) (У. Караткевіч) ‘не важно, что она говорит’), но и неопределенность, неограниченное количество вариантов, множественность (– *Чаму не паступлю? – Ды мала што бывае... Ведаеш, які конкурс!*) (І. Шамякін) ‘может произойти всякое’), уступку (*У Польшчы ня быў ні разу, мала што жыў пры мяжы*) (В. Быкаў) ‘хоть он и жил возле границы, в Польше ни разу не был’), соединение в сочетании с отрицательной оценкой (*Мала што ты калека, дык яшчэ і «баба»...*) (Я. Брыль) ‘ты не только калека, но и «баба»’). Как и в случае с английскими СФ модели *never mind X*, белорусские СФ типа *мала што X* имеют ту же семантику, что и лежащий в их основе ЛФ, но также и другие значения, которые у ЛФ *мала што* отсутствуют, на основании чего можно вывести следующую зависимость: при образовании синтаксического фразеологизма на основе лексического СФ сохраняет семантику ЛФ, приобретая при этом и новые значения.

Проведенное исследование показывает, что английские СФ модели *never mind X* имеют 6 семантических вариантов и выражают незначимость, неактуальность, несвоевременность, отсутствие касательства, соединение, уступку. В пяти значениях из шести (во всех кроме соединения) переменный компонент *X* может быть представлен существительным, номинативным словосочетанием, местоимением, герундиальной конструкцией, клаузой; в СФ с семантикой соединения позиция *X* заполняется любой знаменательной частью речи. СФ с семантикой незначимости могут употребляться в виде эллиптической конструкции, т.е. с исключением из их состава переменного компонента, а СФ с семантикой соединения – в структурном варианте $X_1 \text{ never mind } X_2$, отличающемся от формы СФ в остальных значениях. В основе СФ модели *never mind X* лежит лексический фразеологизм *never mind*, что является результатом реализации принципа конструктора. СФ совпадают с ЛФ в его значениях ‘незначимость’ и ‘соединение’, но также имеют другие

значения – неактуальности, несвоевременности, отсутствия касательства, уступки.

ЛИТЕРАТУРА

1. British National Corpus (BNC) [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. – Date of access: 04.02.2023.

2. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/mind_2#mind_idmg_35. – Date of access: 14.02.2023.

3. Копотев, М.В. Принципы синтаксической идиоматизации / М. В. Копотев. – Хельсинки : Helsinki University Press, 2008. – 126 с.

4. Капылоў, І.Л. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / І.Л. Капылоў // Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, Мінск : 2016. – 968 с.

5. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. : каля 7000 фразеалагізмаў /. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 2008.

6. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <https://bnkorporus.info/korporus.html>. – Дата доступа: 15.01.2023.

А.Д. Гильди, А.Р. Вострикова, Недбайлик С. Р.

г. Петрозаводск, Институт иностранных языков
Петрозаводского государственного университета

О ПРОБЛЕМЕ ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

В статье затрагивается проблематика «ложных друзей переводчика», а также рассматривается само понятие «межъязыковых псевдоаналогизмов». В этой связи дается анализ различных примеров ошибочных идентификаций, возникающих при переводе с английского, французского, итальянского и других языков. Также предлагаются возможные пути и способы предупреждения языковой интерференции.

«Ложные друзья переводчика» представляют собой очень интересное и неоднозначное явление, являясь предметом многочисленных разночтений в языкознании. Исторически эти единицы есть ничто иное, как результат взаимных языковых влияний, в некоторых случаях – продукт случайных совпадений, а в родственных языках они имеют генетическую базу в виде слов, восходящих к общим прототипам [1, с. 67–69]. Фактически, даже имея общее происхождение, такие слова в разных языках могут полностью расходиться семантически. Например, польское слово *uroda* означает ‘красота’, болгарское *gora* – ‘лес’, а сербохорватское *pozorishte* – это ‘театр’, английское *artist* означает ‘художник’, а французское *artiste* – ‘актер’, испанское *artista* означает ‘человек искусства’, ‘художник в целом’, немецкое *Artist* означает ‘цирк’, в то время как русское *артист* обычно означает ‘актер любого театра’ [3, с.156–197]. Французское *attendre* ‘ждать’ кажется лексико-семантическим эквивалентом итальянского *attendere*, однако полного тождества в этом случае не наблюдается. В итальянском языке эта лексическая единица (ЛЕ) употребляется в данном значении только в ситуациях «счастливого, благоприятного или просто желательного ожидания», в то время как аналогичный французский глагол подобного лексико-семантического оттенка не имеет. Поэтому по-итальянски нельзя сказать *l'accusato attende la sentenza-*

‘обвиняемый ожидает приговора’, а по-французски глагол *attendre* в подобном предложении был бы вполне уместен [3, с. 154–214].

Ошибочные идентификации, возникающие при переводе слов, объясняются их возможным сходством в графическом, фонетическом, грамматическом и даже семантическом базовом характере с различиями в денотативном соотношении, стилистических, эмоциональных и оценочных коннотациях, лексической совместимости, концептуальном содержании, а, соответственно, общем семантическом объеме. Таким образом, французские, английские и русские слова такого рода в большинстве случаев являются прямыми или косвенными заимствованиями из общего третьего источника. Особенно часто сложности такого рода возникают при устных и письменных переводах интернациональной лексики, широко распространенной в СМИ и художественной литературе, имеющей, как правило, греко-латинское происхождение и тождественную либо сходную фонетико-графическую форму в большинстве европейских языков. Например, словосочетания *le secrétaire d'Etat* (фр.) и *Secretary of State* (англ.) содержат интернациональное слово *secrétaire / secretary* и нередко переводятся на русский язык одинаково с помощью кальки – ‘государственный секретарь’. Тем не менее, американский *Secretary of State* – это ‘министр иностранных дел’, *Secretary of State for Education* – ‘министр образования’. В то же время, французский *le secrétaire d'Etat* – это всего лишь ‘заместитель министра’. Вполне очевидно, что причиной ошибочных трактовок в таких случаях является именно сходство внешней формы словосочетаний.

Приведем еще несколько примеров типичных ошибок при переводе интернациональной лексики французского и английского языков (Таблица 1).

Таблица 1 – Перевод интернациональных слов

Интернациональные слова или словосочетания	Буквальный перевод	Перевод на основе контекста и других дополнительных факторов (знание тематики, наличие

		опыта и т.д.)
le programme dynamique; programme	a dynamic programme	Динамическая программа
Le a paragraphe	paragraphe;	Параграф
l'administration nationale; administration	national	Национальная администрация
a progress report, un rapport de progrès		Доклад о прогрессе
		Доклад о ходе работы

Также такие лексические единицы, как: *faculty* (англ.) / *faculté* (франц.) благодаря внешнему сходству и созвучию с русским словом ассоциируются в нашем сознании со значением ‘факультет’, ‘преподавательский состав’, в то время как их первое значение – ‘возможность, способность, свойство, дарование’; слова *institution* (англ.) / *l'institution* (франц.) зачастую даются в переводах в значении ‘институт’, в то время как в действительности их основное значение – ‘учреждение’, ‘заведение’, ‘(сиротский) приют’.

Так называемые ловушки для переводчика нередко создаются и вследствие отсутствия реального эквивалента сходной формы в языке перевода. Так, русское слово *автобаза* не может быть переведено на французский язык как *autobase*, хотя во французском языке есть и морфема *auto-*, и слово *base*. Подобные слова, возникающие иногда в речи переводчиков, названы Н.К. Гарбовским «межъязыковыми псевдоаналогизмами». Они трактуются как ЛЕ, существующие только в одном из сопоставляемых языков, но по своей фонетической форме и словообразовательной модели кажущиеся возможными в языке перевода. Так, можно привести ряд примеров из словаря «ложных друзей переводчика»: *bilanter* вместо *faire un bilan* ‘подводить итог’, *flexibiliser* вместо *rendre souple* ‘делать более гибким’ и т.п.

Возможные ошибки такого рода не всегда являются свидетельством недостаточного владения иностранным языком или очевидной небрежности

говорящего (пишущего). Как утверждается в современной лингвистической теории, овладение вторым языком не может быть полностью безупречным [2]. Поэтому неудивительно, что многие люди, в совершенстве владеющие иностранными языками, могут допускать подобные неточности в общении и переводах. В то же время, исследователи различных научных школ часто отмечают значительное расхождение между письменной и устной речью [3; 4]. Таким образом, если при устном переводе вполне возможно «обойти» сложное или не совсем понятное слово, то в письменном это недопустимо. Именно поэтому проблема «ложных друзей» в переводоведении существует, в первую очередь, в письменной речи.

Для устранения «буквализмов», нарушений языковых норм и других возможных ошибок при интерпретации подобных ЛЕ, нередко имеющих более одного значения, в переводческой практике необходимо пользоваться тематическими справочниками и специальными двуязычными словарями «ложных друзей переводчика», содержащими полные комментарии и дающими описание всех значений слова, а также отражающими его важнейшие семантико-стилистические, грамматические, эмоционально-экспрессивные характеристики. Кроме того, рекомендуется исходить из лексической сочетаемости и реального контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойцова, О.В. Материалы II Международной научной конференции «Актуальные проблемы филологии» / О.В. Бойцова // Инновация, 2016. – С. 67-69.
2. Будагов, Р.А. Человек и его язык. / Р.А. Будагов. – М., Изд-во Моск. ун-та. – 1976. – 429 с.
3. Гарбовский, Н.К. Теория перевода. / Н.К. Гарбовский. – Москва, 2007. – С.154-214.

4. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода. / А.В. Фёдоров. – Москва, 2002. – 303 с.

СПЕЦИФИКА ТРЕЙЛЕРОВ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ АНГЛОЯЗЫЧНЫМ КИНОФИЛЬМАМ

В статье рассматриваются особенности создания кинороликов (трейлеров) к англоязычным художественным фильмам и специфика их перевода на русский язык. Отмечается пригодность использования известной рекламной формулы AIDA к созданию трейлера. Поясняются причины использования наиболее частотных приемов перевода трейлеров с английского языка на русский: модуляции, добавления и опущения. Отмечается важность сохранения эмоционального фона трейлера на протяжении всего хронометража в комплексе аудиовизуальных приемов.

Просмотр фильмов является неотъемлемой частью жизни современного человека, для проведения досуга или в учебных целях. Для продвижения фильмов к зрителю существует такой рекламный инструмент как трейлер, или иначе киноролик, который часто предвещает выход художественного фильма на большой экран. Трейлеры стали распространенным средством в мире предлагаемой кинопродукции, которые позволяют познакомить с фильмом любителей кино задолго до его выхода.

Многие фильмы, предлагаемые к кинопрокату, представлены на английском языке, что предполагает осуществление качественного перевода на другие языки, как самого фильма, так и рекламного продукта к нему.

Для достижения необходимого результата, а именно благоприятного воздействия на аудиторию и активизацию ее желания посмотреть фильм, трейлеры к англоязычным фильмам переводятся с учетом особых правил, без знания которых трудно создать качественный продукт.

Под трейлером понимается видеопроизведение, хронометраж которого составляет не более двух с половиной минут, анонсирующее и рекламирующее фильм. Трейлер, состоит из эффективных, наиболее

впечатляющих по действию либо визуальному ряду кадров и отдельных (иногда урезанных) сцен фильма [1, с. 94].

Вслед за В.С. Милютиним под трейлером будем понимать один из важных современных инструментов для продвижения продуктов в сфере киноиндустрии, так как трейлер передает информацию одновременно в аудио- и видео измерениях, равно как и сами рекламируемые ими фильмы [2, с. 30].

В ходе выполненного нами исследования было выявлено, что в трейлерах, равно как и в рекламе, активно используется формула американского рекламиста Э. Левиса под условным сокращением AIDA, где A – Attention (внимание), I – Interest (интерес), D – Desire (желание), A – Action (действие) [3], которую можно, на наш взгляд, успешно применить к анализу трейлеров для выявления эффекта, производимого трейлером на аудиторию.

Проанализируем перечисленные компоненты представленной выше формулы Э. Левиса, опираясь на наш практический материал.

Стадия Attention (внимание) по времени и цели совпадает с открывающей трейлер сценой, задача которой заключается не только в передаче атмосферы фильма, но и вовлечении в нее зрителя.

Самыми распространенными способами привлечения внимания зрителей к кинопродукции являются: использование сильных вербальных или невербальных средств – символов, воздействующих на любого человека, даже вопреки логике. К ним относятся:

– шокирующая ситуация или диссонанс (в ролике могут допускаться грамматические ошибки, использоваться двусмысленные выражения): *«Таких женщин почти не бывает. Ты уже мужчина»* (трейлер к фильму «Кейт и Лео» (“Kate & Leopold”) 2001 года выпуска, режиссер Джеймс Мэнголд);

– сверхвыраженность качеств: *«Среди великих умов человечества Стивен Хоккинг сделал открытие, которое изменило все»* (трейлер к фильму «Вселенная Стивена Хоккинга» (“Theory of Everything”) 2014 года выпуска, режиссер Джеймс Марш);

– контраст (достигается за счет выбора тех или иных лингвистических единиц и иногда намеренного нарушения правил сочетаемости между ними): *«Может удобнее деньги сразу на счет переводить? – Не знаю. Я спрошу у Генри. – Ему же всего 11»* (трейлер к фильму «Книга Генри» (“The Book of Henry”) 2016 года выпуска, режиссер Колин Треворроу;

– парадокс (представление известных фраз и афоризмов в разговорном стиле или карикатурном виде);

– юмор, ирония, сатира, сарказм: *«Я самая обыкновенная. – Протестую, Ваша Честь»* (трейлер к фильму «Гостья» (“The Host”) 2013 года выпуска, режиссер Эндрю Никкол;

– новизна (часто создаются новые слова для той или иной кинокартины или наделяются уже существующие новым смыслом). Например: *“Okay-Okay”* в фильме «Виноваты звезды» (“The Fault In Our Stars”) 2014 года выпуска, режиссера Джоша Буна;

– оригинальность (использование словообразовательных элементов, образность) – *«А что если я обращаю время вспять, чтобы узнать, что было в начале времени? – Переведешь часы назад. – Переведу часы назад»* (трейлер к фильму «Вселенная Стивена Хоккинга»);

– узнаваемость (своеобразные слова, понятные фанатам);

– интрига (незаконченные предложения, опущение информации) – *«Фокусник берет этот самый обычный предмет и делает с ним что-то необычное. – Я должен узнать его секрет»* (трейлер к фильму «Престиж» (“The Prestige”) 2006 года выпуска, режиссер Кристофер Нолан).

– соответствие фильма потребностям зрителей: использование маркеров *«самый кассовый фильм года», «по всемирно известной книге...», «номинарован на премию Оскар», «для всей семьи»;*

– броский заголовок (лаконичность в составлении, тщательный подбор лексических единиц) – *«Кейт & Лео»* (“Kate & Leopold”) вместо «Кейт

и Леопольд», «*Величайший шоумен*» вместо «Самый великий», «*Гостья*» вместо «*хозяйка*» или «*принимающая сторона*», что следует из сюжета фильма.

На этапе Interest подчеркивается исключительность продвигаемого фильма. Демонстрируется, что просмотр данного фильма окажется правильным выбором.

Этап Interest подкрепляют с помощью следующих приемов:

– умалчивание, иначе не полностью выражена мысль, в результате чего происходит экспрессивный обрыв высказывания, дающий зрителю возможность домыслить то, что остается невысказанным: «*Приятно знать, что рядом тот, на кого можно положиться. Ведь ты мой... – Стажер*» (трейлер фильму «Стажер» (“The Intern”) 2015 года выпуска, режиссер Нэнси Майерс);

– представление схожести героев с аудиторией;

– использование личных и притяжательных местоимений, что указывает на непосредственную адресованность потенциальному зрителю;

– использование эпитетов для создания необходимого образа в воображении аудитории: «*Теперь увидишь нечасто... подлинную магию*» (трейлер к фильму «Престиж»);

– использование риторических вопросов – «*А кто молодец?*» (трейлер к фильму «Стажер» (“The Intern”));

– парцелляция, наделяющая текст ритмичностью, что благоприятно влияет на его запоминаемость и узнаваемость. Например, “*In 1876 Leopold Duke of Albany was a bachelor...with few prospects. In 2001... Kate McKay has a successful career... and no life*” (трейлер к фильму «Кейт и Лео»).

На этапе Desire интерес зрителя должен перерасти в желание обладать рекламируемым объектом (в нашем случае – посмотреть фильм), что зачастую достигается путем эмоционального воздействия на зрителя.

Для этого обращаются к игре с многозначностью слов и со словообразованием; использованию стилистических тропов; лексическим заимствованиям; различным коммуникативным типам предложений; особому фонетическому оформлению слова / высказывания.

На этапе Action трейлер дает зрителю необходимую информацию для воплощения своего желания в действие (указывается название фильма и дата релиза).

Рассмотрим данную модель на примере трейлера к фильму «Величайший шоумен» (“The Greatest Showman”) 2017 года выпуска, режиссера Майкла Грейси.

Принцип AIDA реализуется в трейлере к данному кинофильму следующим образом:

1. А – Attention – внимание зрителя привлекают трюки с огнем и яркое музыкальное вступление. Бросаются в глаза улыбки на лицах главных персонажей. Лишь после этого включается заставка кинокомпании. Это весьма необычно для трейлера, так как зачастую заставка опережает кадры из рекламируемого фильма.

2. I – Interest – интерес подкрепляется красивой и ритмичной музыкой песни, слова к которой также помогают зрителю понять, о чем будет фильм. Однако ни одна песня, ни в трейлере, ни в фильме, не дублирована на русский язык, что, на наш взгляд, является минусом для русскоязычной аудитории, но типично для мюзиклов.

3. D – Desire – желание посмотреть фильм укрепляется благодаря приближенности истории к обычной жизни, которой живут зрители, несмотря на то, что в фильме рассказывается о выдающемся человеке, Финейсе Тейлоре Барнуме, который придумал и привнес в общество нечто новое, до него не существовавшее, а именно – цирк.

4. A – Action – трейлер призывает к действию (покупка билетов, просмотр фильма) в форме демонстрации ключевой информации о времени, когда можно будет посмотреть фильм (повторяются надписи «в январе 2018», «скоро в кино»).

Трейлер оформлен динамично, он постоянно удерживает внимание зрителя на экране за счет резких переходов от одной сцены к другой, что сопровождается громкими звуковыми спецэффектами. Между сценами

в трейлере демонстрируется информация о кинокомпании, актерском составе, времени выхода фильма и дублируется название фильма. Во всех сценах присутствует саундтрек “This Is Me” в исполнении американской актрисы и певицы Килы Сеттл.

При выполнении перевода трейлера с одного языка на другой в процессе перевода важно следовать следующим принципам:

- сохранять жанровое соответствие трейлера рекламируемому фильму;
- сохранять необходимые структурные элементы трейлера: знакомство с героем, основная сюжетная линия и кульминация;
- отражать главную линию повествования в фильме;
- сохранять привлекательные стороны фильма, включая известных актеров и необычные повороты сюжета;
- выдерживать интригу;
- учитывать нелинейность соединения клипов в трейлере;
- учитывать, что песни часто несут много значительной информации.

Проанализировав частотность использования приемов и способов перевода отобранных англоязычных трейлеров на русский язык, было установлено, что самыми распространенными переводческими трансформациями при работе с трейлерами являются добавление (27%), модуляция (18%) и опущение (14%).

Причинами их активного использования являются желание прояснить происходящее на экране ввиду того, что сцены демонстрируются вырванными из контекста; имеет место адаптация трейлера к иным реалиям зрителей, являющихся жителями другой лингвокультурной среды; а также – необходимостью скрыть ключевые моменты, которые будут раскрыты в самом фильме.

Для примера рассмотрим следующие фразы из отобранных трейлеров и их переводы.

I'd rather die. ‘Ни за что!’ (трейлер к фильму «Гостья» (“The Host”).

В данном случае используется прием модуляции. Такой вариант перевода

с помощью приема модуляции, иначе, смыслового развития лексических единиц, при котором осуществляется замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы, оказывается распространенным приемом в переводах трейлеров с английского языка на русский язык.

В трейлере к фильму «Гостья» звучит фраза «*Заполучив ее воспоминания, мы сможем найти сопротивление*». Однако в самом фильме эта фраза отсутствует. В данном случае используется прием добавления для передачи имплицитных, подразумеваемых, оставшихся невыраженными смысловых частей оригинала.

В оригинале фильма «Виноваты звезды» звучит фраза: *'Cause it's better for my Psycho Social Development, for me to interact with the peer group at a normal school environment.* 'Для моего психосоциального развития мне полезно находиться в среде обычных сверстников'. Опущена фраза *to interact with the peer group*. Прием опущения позволяет держать интригу сюжета до просмотра всего фильма. Прием опущения необходим для избежания преждевременного раскрытия важной сюжетной информации, которая разрушает задуманную авторами интригу для зрителя, а также для экономии хронометража трейлера, которые, как правило, не превышают двух-трех минут.

Таким образом, можно заключить, что трейлер – это один из важнейших современных инструментов для продвижения аудио-видео продукта в сфере киноиндустрии, который имеет много общего с рекламой. Самой примечательной схожестью трейлера и рекламы является использование инструментов AIDA (Attention, Interest, Desire, Action), которые помогают привлечь кинозрителей. В основе трейлера лежит единая структура, в то время как нарративные различия, дополнительные повествовательные элементы определяются жанровой принадлежностью рекламируемого фильма и существенно влияют на применение переводческих трансформаций при переводе трейлеров различных жанров. При работе над переводом трейлеров необходимо учитывать их лаконичность, отсутствие возможности ознакомиться

с полным контекстом отображаемых ситуаций, необходимость визуальной синхронности артикуляции говорящих, адаптацию материала для страны, в которой будет демонстрироваться трейлер.

ЛИТЕРАТУРА

1. AIDA Formula: How to Apply it And Drive Results with Your Copy [Electronic resource] / ed. Scott Martin. – Mode of access: <https://www.crazyegg.com/blog/aida-copywriting-formula/>. – Date of access: 10.02.2023.
2. Буланов, Е.В. Трейлер как феномен современной экранной культуры / Е.В. Буланов. – М.: Наука телевидения, 2017. – С. 93–105.
3. Милютин, В.С. Влияние ценностного содержания трейлера на формирования интереса к фильму / В.С. Милютин. – М.: Социодинамика, 2018. – С. 29–35.

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *БОЛЬ* В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

В статье рассматриваются примеры актуализации концепта *боль* в некоторых русскоязычных и англоязычных фразеологических единицах из словарей русского и английского языков. Показано, что общего и отличного в семантическом объеме таких единиц, включающих лексему *боль*. Отмечается важность адекватной передачи подобных фразеологических единиц на русский / английский языки.

Понятие «концепт», как и закрепленный за ним термин, давно существуют в научной литературе, но продолжают интересовать исследователей и ученых разных дисциплин, включая лингвистику, когнитивную лингвистику, семантику, прагматику, лингвокультурологию, свидетельством чего является изданная Антология концептов в 8 томах под редакцией В.И. Карасика и И.А. Стернина [1].

В Антологии анализируются концепты с точки зрения их структуры, семантики, методологии изучения, ассоциативных связей, вопросов типологизации, классификации и др. Среди множества концептов, описанных в Антологии, представлен подробный семантический анализ таких, как *добро, зло, жизнь, труд, красота, здоровье, свобода, правда, ложь, дружба, любовь, семья* и многих других.

Несмотря на интерес к когнитивному направлению в лингвистике термин «концепт» по-прежнему остается дискуссионным, поскольку, использование понятия «концепт», подразумевает, прежде всего, мыслительное, ментальное образование как результат личной познавательной деятельности человека или всего сообщества, а значит и особое восприятие того или иного концепта.

В исследованиях по когнитивной лингвистике, концептологии существуют многочисленные подходы к определению термина «концепт». Изучение

концепта находится в центре внимания многих русскоязычных ученых: А.П. Бабушкина, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой И.А. Стернина и др.

Ученые придерживаются различных подходов к объяснению сущности концепта, на что указывает использование 45 терминов в его определении в научном комплексе дисциплин, включающих когнитивную лингвистику, психолингвистику, лингвокультурологию, лингвистику, философию, культурологию и другие науки. Такой комплекс свидетельствует о сложном и многомерном феномене концепта. Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным под концептом будем понимать «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества, несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношением общественного сознания к данному явлению или предмету» [5, с. 24].

Предметом нашего научного интереса является концепт *боль* в силу недостаточной его изученности в комплексе медицинских, психологических, лингвистических, социальных, лингвокультурологических и переводоведческих дисциплин.

Известно, что *боль* как когнитивный концепт чаще всего связывают с физиологическим явлением. В Большой Медицинской Энциклопедии боль определяется как «своеобразное психическое состояние человека, определяющееся совокупностью физиологических процессов центральной нервной системы, вызванных к жизни каким-либо сверхсильным или разрушительным раздражением <...>. С точки зрения эмоционального переживания болевое ощущение имеет гнетущий и тягостный характер...» [2, с. 74].

В процессе эволюции органического мира боль превратилась в сигнал опасности для живых существ, оказалась важным фактором, обеспечивающим сохранение жизни. По выражению выдающегося физиолога И. П. Павлова, боль стоит на страже анатомической целостности организма, отбрасывая всё, что угрожает жизненному процессу, что нарушает уравнивание организма со средой [2, с.74].

Следовательно, появление боли может мобилизовать защитные силы организма на устранение болевых раздражителей и способствовать восстановлению нормальной деятельности органов. Под болью понимается реакция организма для защиты от внешних негативных сил, воздействующих как на физическую, так и на духовную сферу человека. Научные исследования в области медицины, физиологии, нейрофизиологии, личный опыт человека показывают, что боль является важным сигналом для человека действовать в нужном направлении.

В лингвистических источниках, например, в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля, под болью понимают *самое чувство, телесное страдание*, как в примере: *Он испытывает боль в спине*. Боль также обозначает *чувство горя, истомы, страданий душевных; скорбь, грусть, тоску, кручину, жаль, сокрушение, журбу*. Соответственно, *больной человек – это слабый, нездоровый, немогущий, хворый, недужный, хилый, скорбный; болеющий, хворающий, одержимый какою-то болезнью, болью* [3, с.111–112].

Словарь современного русского литературного языка под редакцией В.И. Чернышева определяет физическую боль как «ощущение страдания, вызываемое сильным раздражением чувствительных нервов» [7, с. 555].

Отметим также определение боли из Философского словаря Андре Конт-Спонвиля, где упоминается о том, что такое боль, лучше всего нам рассказывает наше собственное тело, и этот «рассказ» стоит любых определений. Автор сравнивает характер физической боли с болью, вызванной душевными переживаниями. Личный опыт каждого из нас легко подскажет нам, что такое боль. «Боль – нечто большее, чем неприятное или тягостное

ощущение; это такое ощущение, которое невозможно забыть, которое захватывает нас целиком, отрезая от благополучия, расслабленности, отдыха; это ощущение, которое способно достигать такой интенсивности, что для его преодоления требуется настоящий героизм» [4, с. 73].

Согласно толковым и энциклопедическим словарям русского языка боль рассматривается как чувство физического и душевного страдания, т.е. о боли нам может рассказать не только тело, но и душа. Боль – это еще и индивидуальное и интроспективное ощущение, поскольку неотделимо от испытывающего его субъекта и исключает какой бы то ни было доступ к нему других лиц (кроме сочувствия), а единственным способом верификации боли является ее вербальное описание. Следовательно, боль индивидуальна.

Оксфордский словарь английского языка определяет боль следующим образом: *pain is the feeling that you have in your body when you have been hurt or when you are ill; mental or emotional difficulty; a person or a thing that is very annoying* ‘боль – это чувство, которое вы испытываете в теле, когда вам больно, или, когда вы больны; умственное или эмоциональное напряжение; человек или что-то, что сильно раздражает’ (перевод наш) [8].

Приведем еще одно определение боли из Кембриджского словаря: *pain is a feeling of physical suffering caused by injury or illness, emotional or mental suffering, a bad or unpleasant physical feeling, often caused by injury or illness, that you want to stop, or an emotional feeling of this type.* ‘Боль – это чувство физического страдания, вызванного травмой или болезнью, эмоциональными или психическими страданиями, плохим или неприятным физическим чувством, часто вызванным травмой или болезнью, которое хочется остановить, или эмоциональным чувством подобного типа’ (перевод наш) [7].

Таким образом, боль в лингвистическом понимании – это семантическая универсалия, и поскольку ее испытывает каждый человек, время от времени, независимо от возраста и пола, социального статуса, данный концепт требует конкретной вербализации для описания ее характера и, возможно, причин появления.

Во всех источниках, связанных с описанием боли, подчеркивается, что помимо физической боли, существует душевная боль, поскольку боль как сложное явление включает не только психофизиологический аспект, но и личностный, культурный, социальный аспекты жизнедеятельности человека.

Следовательно, боль всегда субъективна. Каждый человек в том или ином возрасте постигает, что такое боль через свой собственный опыт, связанный с некой физической или душевной травмой.

На собственном опыте мы понимаем, что бывает сложно описать свои болевые ощущения. Не случайно концепт *боль* часто актуализируется через метафору, фразеологизм, которые служат не просто украшением речи, но и являются механизмом мышления, позволяющим описать абстрактное через конкретное, например, *режущая боль*, *ноющая боль*, или *стреляющая боль*.

И в русском, и в английском языках существует множество образных фразеологических единиц, пословиц и поговорок, связанных с концептом *боль*. Фразеологические единицы содержат информацию о системе обычаев, традиций, законов, обыденных представлений о мире, выработанных обществом и передаваемых из поколения в поколение. Указанные факты позволяют характеризовать фразеологические единицы как средства вербализации тех или иных концептов, в том числе и концепта *боль*. Приведем ряд примеров.

В русском языке существует фразеологизм *больной вопрос*, что значит 'вопрос, не дающий собеседнику покоя'. Здесь реализуется такая коннотация как *беспокойство*. Другой фразеологизм *сваливать с больной головы на здоровую* означает 'слагать свою вину на другого человека'; *больное место* означает 'слабое, уязвимое место'. Значение этого фразеологизма можно выразить другим известным фразеологизмом *Ахиллесова пята*.

Английский фразеологизм *a pain in the neck* указывает на 'человека, предмет, ситуацию, которые раздражают, утомляют, вызывают беспокойство'. Так говорят о человеке, который создает большие неприятности, а данный фразеологизм помогает описать чувство раздражения, досады, боли.

Английская идиома *a pain in the neck* имеет русский аналог ‘кость в горле’, но есть и другие варианты перевода, такие как ‘головная боль’ в значении ‘то, что беспокоит’ и вариант ‘зануда’ в значении ‘надоедливый человек’.

Раскрывая свои переживания перед другими людьми, можно сказать: «У меня душа болит», в английском варианте ‘my soul is crushed’, или ‘it makes my heart ache’. В данных сочетаниях выражена боль не физического, а психологического свойства, с активным использованием слова *сердце*: *боль собственного сердца, боль в сердце, боль на сердце*. При этом сердце может выступать и как объект физической боли, и как объект душевной боли: *чувствовать боль в сердце, на сердце боль, что-то наполнило сердце до боли*. Такие метафоры, как: *душа болит, болеть душою за кого-либо* отражают переживания человека.

Отметим, что наречие «больно» также связано либо с телесными, либо с духовными страданиями и переживаниями, томлением и означает ‘то, что болит, что-то больное, то, что возбуждает чувство боли, рождает боль’: *Бог долго терпит, да больно бьет. Упал-то больно, да встал здорово* [3, с.110–111].

В указанных фразеологических единицах данное наречие можно заменить синонимами *весьма, очень, гораздо, крепко, сильно*: *Уж, больно ты мне мил. Девка больно пригожа; до боли знакомый человек*.

В русском языке фразеологизмы служат не только средством передачи информации, но и народной мудрости. В некоторых фразеологизмах с лексемой *боль*, передается мотивационное значение: *Поддайся одной боли, да сляг – другую наживешь* [3, с.110–111]. Здесь актуализируется идея борьбы не только за свое здоровье, но и за себя в целом: звучит призыв не падать духом, не расстраиваться, не унывать, а, напротив, выходить из болезненного состояния, чтобы не постигла еще одна болезнь.

Народная мудрость заложена и в английской фразеологической единице *No pain, no gain*, что переводится на русский язык с помощью фразеологического аналога ‘без труда не вытащишь и рыбку из пруда’.

Отметим, что слову *pain* в английской фразеологической единице соответствует фразеологический аналог ‘труд’ в переводе на русский язык. В другом варианте перевода: ‘под лежащий камень вода не течет’ используется смысловое развитие. Данные примеры отражают различия в картинах мира англоговорящих и русскоговорящих представителей. В русской картине мира заложена идея необходимости упорного труда для достижения определенной цели.

В английской картине мира подмечено, что хороший результат при этом не достигается без боли: для того, чтобы чего-то достичь, нужно претерпеть боль. Человеку, который претерпевает эту боль, необходимо, к тому же, приложить немало усилий: *to be at pains to do smth.*, то есть ‘сильно стараться’, ‘приложить усилия’, ‘всеми силами стремиться’: *She is at pains to show how much she has done.* ‘Она всячески старается показать, сколько сделала’. Фразеологизм *to be at pains to do smth.* [9] имеет фразеологический вариант перевода ‘прилагать усилия, страстно стремиться’ Передача эмоциональной окраски значения ‘прилагать усилия’ может быть усилена за счет иной фразеологической единицы *из кожи вон лезть*. Для выражения усилий, стараний человека в английском языке существуют такие фразеологические единицы как *to take pains over, to take great pains with, to spare no pains* [9]. Фразеологизм *for one's pain* имеет значение ‘в обмен на чьи-либо старания, усилия’. Отметим идиому *Genius is an infinitive capacity for taking pains* ‘Гениальность – бесконечная способность прилагать усилия’. В английском языке лексема *pain* чаще всего ассоциируется с коннотациями старания в работе, труда для получения результата.

Фразеологизм *to feel someone's pain* [9] дословно передает значение ‘чувствовать чью-либо боль’ и актуализирует то же значение в буквальном смысле. Однако в определенном контексте для адекватной передачи значения данной единицы применяется прием конкретизации с вариантом перевода ‘сочувствовать’: *You have lost all the contacts with your son. I feel your pain.* ‘Я Вам сочувствую – Вы потеряли связь с сыном’.

Фразеологизм *to be racked with pain* переводится как ‘сводить что-то от боли’: *Her neck was racked with pain* ‘Шею свело от боли’. Дословный перевод с буквальным значением ‘быть сломленным болью’ не представляется адекватным, хотя предлог и указывает на причинно-следственную связь ‘быть сломленным по причине боли’. Поэтому возникает необходимость адаптации под нормы переводящего языка: ‘сводить от боли’. Фразеологическая единица *to feel pain* может сочетаться и с прямым указанием на причину боли: *it is altogether different to feel hunger and thirst, as states of pain, and to desire or will their appeasement* ‘испытывать боль от голода или жажды и желать утолить их – две совершенно разные вещи’, что подчеркивается в переводе на русский язык использованием приема целостного преобразования и изменением порядка слов.

На материале краткого анализа английских и русских фразеологизмов с репрезентантом концепта *боль*, можно заключить, что семантический объем концепта *боль* во фразеологических единицах достаточно широк. В русском языке концепт *боль* связан с указанием на болезнь, недуг или неприятное дело, нерешенный вопрос, а также душевные переживания.

В англоязычных фразеологизмах, пословицах, устойчивых выражениях концепт *боль* реализует не прямое значение, а именно значение ‘усердного труда, стремления, результата’. Для адекватной передачи семантического объема концепта *pain* с английского языка на русский язык используются различные лексические и лексико-грамматические трансформации. Достаточно часто перевод с английского языка на русский осуществляется с помощью подбора фразеологического аналога.

Мозг человека собирает свой опыт боли, физической или душевной, в единый комплекс и становится очевидным, что с концептом *боль* связано много признаков и ассоциативных рядов в зависимости от жизненного, субъективного опыта индивида. И каждый раз при необходимости перевода мы оказываемся в ловушке «А как это сказать? А в каком смысле больно?», раздумывая, как избежать искажения смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология концептов: В 8 т. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005–2011. – Т. 1. – 2005. – 352 с.
2. Большая Медицинская Энциклопедия: В 36 т. / гл. ред. А.Н. Бакулев. – М.: Гос. изд-во мед. лит. – Т. 4. – 1958. – 1183 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус.яз., 1998. – Т. 1: А – З. – 1998. – 699 с.
4. Конт-Спонвиль, Андре. Философский словарь / Андре Конт-Спонвиль / Пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна, 2012, – 752 с.
5. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 226 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Академия Наук СССР; редкол. В.И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – Москва-Ленинград: Изд-ство АН СССР, 1950 – 1965. – Т. 1. – 1950. – 767 с.
7. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org>. – Date of access: 11.01.2023.
8. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. – Date of access: 16.09.2022.
9. The Free Dictionary by Farlex [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thefreedictionary.com>. – Date of access: 25.11.2022.

КРУЧСКИЙ ЯЗЫК – САМЫЙ МОЛОДОЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается искусственный язык, называемый кручским или *baazdul Krozol'* (слово *baazdul* «язык» происходит от слова *bazda* «располагать», а слово *Krotol'* (или *Krozol'*) происходит от слова *kroozo* «дух»). В лексическом фонде языка имеется около 2 500 слов. Это язык агглютинативного строя, имеющий сложную грамматику и уникальные морфологические особенности. В нём около двадцати падежей и более десяти грамматических времен. Кручский язык использует три системы письма: собственную письменность, латиницу и кириллицу.

Кручский язык можно по праву считать эстетическим языком, созданным на искусственной основе. Говоря о письменности языка, необходимо отметить, что он использует три системы письма: собственную письменность, латиницу и кириллицу. На представленном ниже изображении даны все буквы кручской письменности и их варианты на латинице (буквы с 32 по 47, а также буква 26 и знак 50 используются только в заимствованных словах) [2]:

1 ʌʌ M	18 ʀ R	35 ɔɔ Ng
2 ɕɕ Sh	19 ʁʁ KhI	36 ʊʊ Ä (ba)
3 ʎʎ C	20 ɟɟ Dz	37 ʁʁ t (bl)
4 ʃʃ V	21 ɔɔ U	38 ʉʉ Ö
5 ʋʋ F	22 ɔɔ S	39 ʈʈ W
6 ʎʎ B	23 ɔɔ O	40 ʒʒ Zh
7 ɕɕ D	24 ɔɔ I	41 ɔɔ X [0], [I], [II], [ɕ], [!]
8 ɟɟ K	25 ɕɕ N	42 ɕɕ Ę [e] (b)
9 ʁʁ Kh	26 ʋʋ P	43 ɔɔ ʃ [c] (K)
10 ʋʋ J, zh	27 ɕɕ Z	44 ʃʃ Tt
11 ɟɟ L	28 ɔɔ S	45 ʃʃ Ө [θ]
12 ɕɕ E	29 ɕɕ Ye	46 ɕɕ Ө [ð]
13 ɕɕ Ch	30 ʀʀ R, rh	47 ɕɕ Q
14 ʋʋ Y	31 ɕɕ Ll	48 ʃʃ ʋ
15 ʃʃ A	32 ɕɕ Ü	49 ʃʃ ʋ
16 ɕɕ G	33 ɕɕ Gh (f)	50 ʃʃ ~
17 ʃʃ T	34 ʃʃ'	

Фонетический строй языка также отличается определенным своеобразием.

В нем пять гласных фонем: *a, u, o, y, э*. Причем все они произносятся очень чётко, могут быть долгими и краткими, что отмечается удвоением буквы, хотя

долгота редко меняет значение слова. В фонетической системе имеются также дифтонги и трифтонги. Что касается согласных круцкого языка, то они не имеют придыхания и на конце слов никогда не оглушаются, однако могут смягчаться. Также имеет место геминация, т.е. долгие согласные: *taizeda* «запрещать» – *taiz^{dd}eda* «не запрещать». Ударение в круцком языке неустойчивое, оно может меняться при изменении формы слова.

Говоря о морфологическом строе круцкого языка, необходимо отметить, что у существительного имеются три числа (единственное, множественное и имеющее значение 'все'), около 25 падежей (не все обязательны к использованию), однако нет родов. Падежные флексии могут изменяться в зависимости от типа окончания слова. Прилагательные в круцком языке в большинстве случаев не изменяются по падежам и никогда не изменяются по числам. Они могут иметь окончания четырёх падежей: творительного, транслатива, компаратива и падежа, имеющего значение 'в качестве кого-то, чего-то', но только в том случае, если отсутствует опорное существительное. Окончания сравнительной и превосходной степени зависят от окончания основы прилагательного в начальной форме. Прилагательные могут иметь грамматическое значение длительности, выражаемое путём прибавления к основе личного окончания глагола (об этом ниже): *ashagel'* 'красивый' + *-dza* (личное окончание второго лица единственного числа) = *ashagel'dza* 'ты сейчас выглядишь красиво' (но не всегда).

У глагола в круцком языке – множество временных форм, большая часть которых имеет высокую частотность использования. Глаголы спрягаются только в продолженных временах. Отглагольные причастия могут иметь лишь форму настоящего времени. Почти все глаголы круцкого языка могут иметь полное формоизменение. Некоторые не имеют, например, формы настоящего совершенного времени, как глагол *эк* 'идти, ходить'. Образование форм простого настоящего времени не требует никаких изменений глагольной основы. Для образования форм простого прошедшего времени необходимо использовать «прошедшую» форму местоимения. Для образования форм

простого будущего времени необходимо добавить окончание *-yo* к любому слову в предложении. Для образования форм настоящего совершенного времени необходима «совершенная» форма местоимения, а также приставка *-e-* для глаголов; если местоимений в предложении нет, используются слова *duk* (единственное число) и *duk* (множественное число), которые ставятся в конце предложения, они появились из глагола *duki* 'иметь'. Для образования форм будущего совершенного времени необходимы «совершенная» форма местоимения и окончание *-yo*. Для образования форм настоящего совершенного времени с добавочным значением необходимы «прошедшая» форма местоимения и приставка *-e-*. Для образования форм будущего совершенного времени с добавочным значением необходимы «совершенная» форма местоимения и окончание *-te / -ne* для глагола. Для образования форм настоящего продолженного времени необходимо использовать основу глагола (глаголы делятся на группы в зависимости от правил определения основы, но есть также исключения) и добавить к ней окончание лица и числа, причем окончания одинаковы для всех глаголов. Для образования форм прошедшего продолженного времени можно добавить окончание *-khe* к личному окончанию, либо использовать спряжение и «прошедшую» форму местоимения. Для образования форм будущего продолженного времени необходимы спряжение и окончание *-yo*. Для образования форм совершенного продолженного времени необходимы спряжение и «совершенная» форма местоимения. Для образования форм сослагательного наклонения необходима приставка *okhl-*. Причастия образуются с помощью окончаний *-igu*, *-gu* и *-u* в зависимости от окончания глагола. Деепричастия образуются посредством добавления к основе глагола окончания *-yarhu*. Формы страдательного залога образуются посредством добавления к глаголу приставок *ve-* и *yo-*. Возвратные глаголы образуются посредством приставки *o-*. Для образования форм повелительного наклонения чаще всего добавляется окончание *-n'* или смягчается последний согласный глагола, глагол в повелительном наклонении не изменяется по числам. Для образования каузативных форм используется инфикс *-rha-*.

Глагол «быть» не спрягается, в настоящем времени он имеет вид приставки или частицы *-(e)n*: *Naga voshug-yon* ‘Ты мой друг’, *Viktor Coyk engel'ved bessug* ‘Виктор Цой – хороший певец’ (к фамилии добавляется *-k* потому, что собственные и нарицательные имена, заканчивающиеся на *-y*, не могут склоняться).

Местоимения в кручком языке также могут иметь формы времени: настоящего, прошедшего и совершенного. Местоимения третьего лица единственного числа имеют формы рода. Все местоимения в настоящем времени изменяются по падежам. Местоимения прошедшего времени используются также как прошедшая форма глагола «быть» (например, *Bessug-do nais* ‘Я был певцом’. Существует и так называемая четвёртая форма местоимений, используемая вместо глагола «мочь»:

- *roivaza* «я могу, я мог бы»;
- *teiza, Teiza* «ты можешь, ты мог бы, вы можете, вы могли бы»;
- *keiza* «он может, он мог бы», *eiza* «она может, она могла бы», *chiyaza/dea* «оно/это может, оно/это могло бы»;
- *dorheza* «мы можем, мы могли бы»;
- *deirhaza, deirheza* «вы можете, вы могли бы»;
- *chigoza* «они могут, они могли бы».

Наречия в кручком языке образуются путём прибавления к основе прилагательных окончания *-ya*, причём последний гласный часто теряется: *siugella* «мудрый» — *siugellya* «мудро». Имеются исключения: *dayogon* «точный» – *dayogo, dagongo* «точно», *tomishoogel'* «абсолютный, совершенный, полный» – *tomishootu* «совершенно, полностью, абсолютно» и др. Как и прилагательные, наречия могут иметь грамматическое значение длительности: *arhkye* «здесь, тут» – *arhkyedzo* «я сейчас (нахожусь) тут», *tuzur* «вдруг, внезапно» – *in tuzurdzel'* «этого не ожидалось». Послелогои имеют в кручком языке большое значение, т.к. используются для образования форм притяжательных местоимений, наречия «очень» и отрицания (послелог *-ta*):

- *ak* «дом», *ak-yon* «мой дом», *ak-yan* «твой дом», *ak-yen* «его/её дом», *ak-yonu* «наш дом», *ak-yon'* «их дом», *ak-yan'* «ваш дом»;
- *domasii* «сильный» – *domasii-yol'* «очень сильный», *ashagel'* «красивый» – *ashagel'-toki* «очень красивый»;
- *domasii* «сильный» – *domasii-ta* «несильный», *Rou toiva m'yoke* «У меня есть кот» – *Rou-ta m'yoke toiva* «Кот есть не у меня».

Говоря о синтаксисе кручского языка, необходимо, прежде всего, отметить, что для него характерен почти свободный порядок слов в предложениях. Например, предложение «Я действительно люблю баскский язык» может быть записано как: *Eushkartol' baazdule enneya murhichi rou*; *Baazdule Eushkartol' rou murhichi enneya*; *Eushkartol' baazdule murhichi enneya rou* [1, с. 45] (*Eushkartol'* *baazdul* «баскский язык», *-e* – показатель винительного падежа, *enneya* «действительно», *murhichi* «любить (что-то)», *rou* «я»). При образовании вопросительных предложений может факультативно использоваться частица *zu* «ли»: *Zu varhumyo teirhu* «Ты придёшь?»; Придёшь ли ты?» = *Varhumyo teirhu?*.

Лексический состав кручского языка насчитывает около 2 500 слов. Причем немногочисленные заимствования есть из баскского и других языков. Например: *giyar* «мускул, мышца» (баск. *gihar*), *yarri* «крепкий, сильный» (баск. *harri* «камень»), *arhakhi*, *okekhla* «мясо» (баск. *haragi*, *okela*), *chori* «воздух» (баск. *txori* «птица»), *gossa* «варить, кипятить» (баск. *egosi*), *chundigami* «удивлять» (баск. *txunditu*) и др. Примеры заимствований из других языков: *ja* «чай», *islam*, *kenguru*. Большинство современных слов создаётся из «исконных» корней: *balgoozvul* «компьютер» = *balza* «знать» + *goozvul* «машина, аппарат», *berhedarekhi* «автомобиль» = *berhez* «сам» + *dareka* «двигать», *naseucarri* «интернет» = *naseeyrhu* «большой» + *carri* «сеть» и другие. Имеется также множество сложных слов:

- *shlizg*, *shlikh* «вода» = *shin-* «жизнь» + *khliiz*, *khliikh* «нужда», то есть «необходимое для жизни»;
- *micumekhla* «весна» = *micu-* «новый» + *mekhla(z)* «смысл»,
- *Shamdzoikhla* «апрель» = *sham-* «надежда» + *ikhla* «месяц»,

- *rokatoiva* «обижать, оскорблять» = *rok* «удар» + *toiva* «иметь»;
- *ashafuekhlaз* «эстетика» = *ash-* «красота» + *fuekhlaз* «жажда»;
- *amegorri* «романтичный» = *amego* «мечта» + *gorri* «красный»;
- *tarhkye* «там» = *-ta* «не» + *arhkye* «здесь»;
- *arochaakhlizh* «ужин» = *arocha* «вечер» + *aakhlizh* «еда»

Таким образом, можно вполне обоснованно утверждать, что кручский язык – это искусственный язык, имеющий агглютинативную грамматику и использующий три разных системы письма. Грамматика языка имеет несколько уникальных особенностей, в частности: грамматическое время у местоимений, длительность прилагательных, существительных и наречий (что позволяет выражать короткие предложения одним словом), почти полностью свободный порядок слов и др. На сегодняшний день полный словарь кручского языка содержит около 2 500 слов, большинство из которых были созданы, а не заимствованы из других языков. Среди заимствований преобладают заимствования из баскского языка, являющегося изолятом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриценко, В. Н. *«Икадзээг бааздулу Кротоль: Учебник кручского языка»* / В.Н. Гриценко. – Петрозаводск, 2019. – 386 с.
2. Гриценко, В. Н. Бааздулу Кротоль сатума кишингэль фротойвуг: Современный словарь кручского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://drive.google.com/file/d/1tQ5RUX14UBGx8FTqnBG0Moz9psileUbL/view?usp=sharing>. – Дата доступа: 12.04.2023
3. Trask, R. L. *Etymological dictionary of Basque* / R.L. Trask. – UK: University of Sussex, 2008. – 654 p.
4. Forni, G. *First Etymological Dictionary of Basque as an Indo-European Language.* / G. Forni. – UK: University of Sussex, 2013. – 1024 p.

5. Kimmo K. & Lingsoft O. Finnish Morphological Analyser / K. Kimmo, O. Lingsoft. – Tokyo: Lingsoft Language Solutions, 1995–2011. – 387 p.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙ «ИНФЛЯЦИЯ» И «ДЕФЛЯЦИЯ» В СЛОВАРНЫХ СТАТЬЯХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье проводится сопоставительный анализ употребления понятий «инфляция» и «дефляция» в английском и русском языках на материале этимологических, толковых и экономических словарей.

В условиях глобального экономического кризиса экстралингвистические факторы привели к возникновению новых реалий и терминов, требующих отражения в языке. В связи с развитием и расширением международных связей экономические термины становятся источником пополнения общелитературной лексики. В нашем исследовании рассмотрим понятия «инфляция» и «дефляция».

Дефиниция «инфляция» возникла в США и впервые была использована в экономическом дискурсе для обозначения «вздутия» наличной денежной массы в период войн за независимость 1775–1783 гг., и получила распространение после гражданской войны в Северной Америке в 1861–1865 гг. [12]. Существует множество причин и факторов этого социально–экономического феномена. Самой главной причиной такого вздутия является дисбаланс товарной и денежной массы.

В экономическом дискурсе понятия «инфляция» и «дефляция» противопоставляются друг другу. Инфляция – это процесс обесценивания денег, вследствие переполнения каналов товарного обращения денежной массой.

Дефляция является противоречием инфляции, что означает, что цены или стоимость товаров снижаются. Дефляция – это постоянное снижение уровня

потребительских цен на товары или постоянное повышение покупательной способности денег из-за уменьшения доступных кредитов и денег.

Рассмотрим терминосистему понятий «инфляция» и «дефляция», проанализировав толковые (“Cambridge English Dictionary”, “Collins English Dictionary”, “Longman Dictionary of Contemporary English Online”), этимологические (“Online Etymology Dictionary”) и экономические (“Economics Dictionary”) словари английского языка.

Согласно “Online Etymology Dictionary” [11] слово *inflation* заимствовано в английский язык в середине XIV века из латинского *inflationem* и изначально обозначало ‘надутость, дуновение; метеоризм’.

Слово *deflation* появилось значительно позже (1891 г.) и обозначало «выпуск воздуха», а с 1916 года употребляется применительно к валютной и экономической ситуации.

“Cambridge English Dictionary” дает следующие дефиниции понятий «инфляция» и «дефляция»:

1. *Inflation is a continuing rise in prices caused by an increase in the money supply and demand for goods.* – ‘Инфляция – это продолжающийся рост цен, вызванный увеличением денежного предложения и спроса на товары’.

2. *Deflation is a reduction of the supply of money in an economy, and because of this a reduction of economic activity, which is often part of an intentional government plan to reduce prices.* – ‘Дефляция – это сокращение предложения денег в экономике, и из-за этого сокращение экономической активности, которое часто является частью намеренного плана правительства по снижению цен’ [7].

Таким образом, трактовка понятия «дефляция» шире, чем «инфляция». При этом следует отметить, что в данном словаре присутствует по одной трактовке данных понятий, без пометки о том, что лексические единицы относятся к экономической специальной лексике.

В словарной статье “Longman Dictionary of Contemporary English Online” [10] приводятся более обширные трактовки данных понятий. Так, например,

понятие «инфляция» трактуется не только как термин типичный для экономического дискурса, но и с точки зрения общеупотребительной лексики. Во втором значении инфляция рассматривается как ‘наполнение воздухом, наполнение газом, напыщенность, раздутость, вздутие, инфлирование’. Приведем оригинальные формулировки термина «инфляция»:

1. *a continuing increase in prices, or the rate at which prices increase.* – ‘постоянный рост цен или темп роста цен’.

2. *the process of filling something with air.* – ‘процесс наполнения чего-либо воздухом’.

Термин «дефляция» встречается в нескольких словарях серии Longman, объединенных в рамках онлайн версии данного словаря в единую словарную статью. Так словарь современного английского языка Longman приводит толкование данной лексемы с пометкой *technical*: *Deflation is a reduction in the amount of money in a country's economy, so that prices fall or stoprising → inflation.* – ‘Дефляция – это уменьшение количества денег в экономике страны, так что цены падают или перестают расти → инфляция’.

В отличие от предыдущего словаря в данном при трактовке понятия «дефляция» есть отсылка к термину «инфляция».

Словарные статьи из “Collins English Dictionary” [8] также достаточно обширны. Так для термина «инфляция» приводится трактовка с пометкой *business*: *Inflation is a general increase in the prices of goods and services in a country.* – ‘Инфляция – это общий рост цен на товары и услуги в стране’.

Однако данный словарь отдельным пунктом приводит дефиниции данного понятия с точки зрения British English. При этом описывается достаточно объемная словарная статья. В данном словаре определения приводятся с пометкой *business, economics* и *informal*.

1. *(business) the act of inflating or state of being inflated;* – ‘(бизнес) процесс надувания или состояние надувания’;

2. *(economics) a progressive increase in the general level of prices brought about by an expansion in demand or the money supply (demand-pull inflation) or*

by autonomous increases in costs (cost-push inflation); – ‘(экономика) прогрессивный рост общего уровня цен, вызванный увеличением спроса или денежной массы (инфляция спроса) или путем автономного увеличения затрат (инфляция издержек)’;

3. *(informal) the rate of increase of prices.* – ‘(неформально) темп роста цен’.

Термин «дефляция» также имеет в данном словаре несколько значений. В начале словарной статьи приводится значение данного термина с пометкой *business*, которое звучит следующим образом: *Deflation is a reduction in economic activity that leads to lower levels of industrial output, employment, investment, trade, profits, and prices.* – ‘Дефляция – это снижение экономической активности, которое ведет к снижению уровня промышленного производства, занятости, инвестиций, торговли, прибыли и цен’.

Однако в терминосистеме понятия «дефляция» выделяются также толкования с пометкой *economics* и *geology*. В итоге в разделе “British English” приводятся следующие дефиниции:

1. *the act of deflating or state of being deflated;* – ‘акт дефляции или состояние дефляции’;

2. *(economics) a reduction in the level of total spending and economic activity resulting in lower levels of output, employment, investment, trade, profits, and prices;* – ‘(экономика) снижение уровня общих расходов и экономической активности, что приводит к снижению уровня производства, занятости, инвестиций, торговли, прибыли и цен’;

3. *(geology) the removal of loose rock material, sand, and dust by the wind.* – ‘(геология) удаление рыхлого каменного материала, песка и пыли ветром’.

Таким образом, только в словаре “Collins English Dictionary” приводятся определения понятия из области геологии.

Далее приведем пример употребления терминов «инфляция» и «дефляция» в специализированном экономическом словаре “Economics Dictionary” [9].

Термин «инфляция» имеет в данном словаре следующую трактовку: *a rise in the average level of prices in the economy over time, measured by the percentage change in the Consumer Price Index (CPI)*. – ‘рост среднего уровня цен в экономике с течением времени, измеряемого процентным изменением индекса потребительских цен (ИПЦ)’.

Термин «дефляция» трактуется в данном словаре следующим образом: *a decrease in the average price level of a nation's output over time*. – ‘снижение среднего уровня цен на продукцию страны с течением времени’.

Таким образом, определения относятся к экономическому дискурсу и предназначено для людей, имеющих базовые экономические знания.

Таким образом, мы проанализировали различные трактовки понятий «инфляция» и «дефляция», относящиеся к специализированной лексике таких областей, как экономика, бизнес, техника и геология.

Далее мы рассмотрим терминосистему понятий «инфляция» и «дефляция» в словарных статьях русского языка.

Согласно «Этимологическому словарю русского языка» Н. М. Шанского [6], слово «инфляция» было заимствовано в русский язык из английского в 20-е годы XX века.

Значение термина «дефляция» в этимологических онлайн словарях выявлено не было. Можно предположить, что, как и термин «инфляция», «дефляция» заимствовано в русский язык из английского языка.

«Большой словарь иностранных слов» [3] дает следующую трактовку понятия «инфляция», относящуюся к области экономики: *чрезмерное увеличение количества обращающихся в стране бумажных денег, сопровождающееся обесценением их*. Что касается трактовки понятия «дефляция», в нем приводятся следующие определения:

1. *Сокращение количества находящихся в обороте денежных знаков и банкнот (фин. экон.). Дефляция ведет к затруднениям в области кредита.*

2. *Шлифование горных пород минеральными частицами с помощью ветра (горн.).*

Таким образом, словарь приводит дефиниции из области экономики и горного дела.

«Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова [5] приводит лишь одну дефиницию понятия «инфляция», которая звучит следующим образом: *Инфляция – чрезмерное увеличение количества обращающихся в стране бумажных денег, сопровождающееся обесценением их.*

При этом в словарной статье помечается, что данная лексема относится к экономической специальной лексике.

В отличие от термина «инфляция» «дефляция» имеет несколько значений в данном словаре, все они относятся к специальной лексике:

1. *Сокращение количества находящихся в обороте денежных знаков и банкнот (финансы, экономика). Дефляция ведет к затруднениям в области кредита.*
2. *Шлифование горных пород минеральными частицами с помощью ветра (горное дело).*

Таким образом, как и в английском языке, в русском выделяется определение дефляции, относящееся к горному делу.

«Большой бухгалтерский словарь» [2] приводит следующее определение термина «инфляция».

Инфляция – обесценение бумажных денег вследствие выпуска их в обращение в размерах, превышающих потребности товарооборота, что сопровождается ростом цен на товары и падением реальной заработной платы.

Так как данный словарь узкоспециализированный, в нем мы находим лишь одно определение изучаемого нами понятия, относящее к экономической специализированной лексике. При этом приводится достаточно подробное и объемное определение. Именно исходя из этого определения, строится и терминосфера понятия «дефляция». Т.е. дефляция противоположна процессу инфляции.

Дефляция – общее падение уровня цен; противоположность инфляции.

Стоит также отметить, что терминосистема английского языка шире, нежели в русском. Так, например, «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова [4] приводит дефиницию понятия «инфляция», схожую со словарем Д. Н. Ушакова: *Чрезмерное (по отношению к государственному золотому запасу) увеличение количества обращающихся в стране бумажных денег, вызывающее их обесценивание*. Однако в его словаре нет толкования понятию «дефляция».

«Англо-русский экономический словарь» [1] трактует понятие «инфляция» следующим образом:

1. *Общее: надувание; наполнение (газом).*
2. *(экономика): рост общего уровня цен или цен отдельной группы товаров; обычно вызывается увеличением денежной массы или неблагоприятным изменением условий предложения.*

В этом же словаре выделяется и понятие «дефляция»:

1. *Снижение уровня цен на товары и услуги, и повышение покупательной способности денег в связи с уменьшением количества денег в обращении относительно товарной массы.*
2. *Явление, которое противоположно инфляции.*

Следовательно, выделяется общее значение и специализированное.

Таким образом, терминосфера понятий «инфляция» и «дефляция» в русском языке в основном сводится к употреблению их как экономических терминов.

Проанализировав функционирование понятий «инфляция» и «дефляция» в словарных статьях английского и русского языков, можно сделать следующие выводы.

Сопоставительный анализ понятий «инфляция» и «дефляция» в английском и русском языках показал, что в терминосферах английского и русского языка имеется как общее, так и отличное.

Было установлено, что оба термина в английском языке значительно старше и именно из английского были заимствованы в русский. Таким образом,

в английском языке понятия «инфляция» и «дефляция» имеют больше значений, нежели в русском языке. Это можно заметить на примере сравнения английского этимологического словаря (XIV в.) и русского этимологического словаря Н. М. Шанского (XX в.).

Терминосистемы исследуемых понятий в английском языке шире, чем в русском. Так, русские определения более лаконичные, не все словари приводят несколько дефиниций. Необходимо отметить, что в большинстве английских словарей понятие «инфляция» относится не только к экономической сфере, но также и к сфере физических явлений (надувание газом), или же описывает состояние (надутость), процесс наполнения воздухом и т. д. Понятие «дефляция» в английских словарях также находит отражение в геологической сфере (удаление песка или пыли ветром). Не все словари русского языка обладают толкованием понятия «дефляция». Возможно, причина заключается в том, что в онлайн словарях не было зафиксировано этимологии термина «дефляция». Из общего следует отметить, что исследуемые понятия в обоих языках употребляются в такой сфере, как экономика, в частности финансы и бизнес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eng-rus-economy-dict.slovaronline.com>. – Дата доступа: 10.11.2022.
2. Большой бухгалтерский словарь / под ред. А. Н. Азрилян. – М.: Институт новой экономики, 1999. – 574 с.
3. Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/foreign_words. – Дата доступа: 12.11.2022.
4. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru>. – Дата доступа: 14.11.2022.
5. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://ushakovdictionary>. – Дата доступа: 15.11.2022.

6. Этимологический словарь Шанского [Электронный словарь]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/shansky>. – Дата доступа: 10.11.2022.

7. Cambridge English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. – Date of access: 9.10.2022.

8. Collins English Dictionary Online [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. – Date of access: 20.10.2022.

9. Economics Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://glossary.econguru.com/>. – Date of access: 22.10.2022.

10. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.ldoceonline.com/>. – Date of access: 22.10.2022.

11. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.etymonline.com>. – Date of access: 10.10.2022.

АВТОРСКИЕ СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРЯМОЙ РЕЧИ ГЕРОЕВ В
ПРОИЗВЕДЕНИИ ОСКАРА УАЙЛЬДА «МАЛЬЧИК—ЗВЕЗДА» НА
ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ «SAID», «ANSWERED», «CRIED»

Объектом анализа послужили конструкции с прямой речью, сопровождаемые авторской ремаркой, используемые в оригинальном художественном тексте «*The Star-Child*» by Oscar Wilde 1891 (Мальчик-Звезда. Оскар Уайльд).

При проведении анализа авторских сопровождений были выделены постоянно повторяющиеся элементы, ими оказались глаголы: *said* ‘сказал’, *answered* ‘ответил’, *cried* ‘крикнул’

Авторские сопровождения, включающие в свой состав глагол *said*.

Примеров употребления глагола *said* ‘сказал’ в тексте нашлось наибольшее количество (60 вхождений). Так, например, в следующем фрагменте в интерпозиции по отношению к прямой речи расположено авторское сопровождение с двумя компонентами: глаголом *said* и указанием на говорящего: '*Nay, 'said the Star—Child, 'but thou art too foul to look at and rather would I kiss the adder or the toad than thee [1].'* ‘ – Нет, – **сказал** Мальчик—звезда, – ты слишком омерзительна, и мне легче поцеловать гадюку или жабу, чем тебя [4]. ’

Исходя из приведенного выше примера, можно сделать следующие выводы: авторские сопровождения, включающие в себя глагольное сказуемое *said* ‘сказал’ являются однокомпонентным, так как включает в свой состав лишь одно глагольное сказуемое, которое является неиллокутивным, так как просто говорит о факте речи, не намерении героя.

Встречались случаи, что авторские сопровождения, которые вводили прямую речь героев, состояли из более чем одного глагольного компонента. Например: '*And the Star—Child frowned and said to himself, 'What is this that they*

say to me? I will go to the well of water and look into it, and it shall tell me of my beauty [1]. 'Тогда Мальчик—звезда **задумался** и **сказал** себе: – Что такое они говорят? Я пойду к водоему и погляжусь в него, и он скажет мне, что я красив [4].'

Как можно заметить положение авторского сопровождения, препозиционное: '*And there **came** to him the little daughter of the Woodcutter, and she **put her hand** upon his shoulder and **said**, 'What doth it matter if thou hast lost thy comeliness? Stay with us, and I will not mock at thee* [1].' 'Тут **подошла** к нему маленькая дочка Лесоруба, и **положила** ему руку на плечо, и **сказала**: – Это ещё не беда, что ты утратил свою красоту. Оставайся с нами, и я никогда не буду дразнить тебя [4].'

Здесь мы видим, что информация о факте совершения речевого акта представлена в авторских сопровождениях, в которых содержится одиночный глагол со значением «сказать». Также, отличает эту группу от предыдущей то, что авторские сопровождения здесь неоднocomпонентные. Можно заметить, что в некоторых примерах встречается по два и более глагольных сказуемых, которые в основном несут в себе информацию о паралингвистическом сопровождении акта, информацию о сопутствующих речи несемiotических движениях персонажа, описывают эмоциональное состояние героя, что дает нам возможность «заглянуть в душу» к персонажу, узнать о его внутренних переживаниях, конфликтах и наиболее полно представить себе картину произведения. Например: *And he **sobbed** again, and **said**: 'Mother, my suffering is greater than I can bear. Give me thy forgiveness, and let me go back to the forest.'* *And the beggar — woman put her hand on his head, and **said** to him, 'Rise,' and the leper **put his hand** on his head, and **said** to him 'Rise,' also* [1]. 'И снова **зарыдал** Мальчик—звезда и **сказал**: – О мать моя, это страдание мне не по силам. Даруй мне своё прощение и позволь вернуться в наш бор. И нищенка **положила руку** на его голову и **сказала**: – Встань! И прокажённый **положил руку** на его голову и тоже **сказал**: – Встань [4]!'

Авторские сопровождения, включающие в свой состав глагол *answered* ‘ответил’.

Рассмотрим следующие примеры употребления глагола *answered* ‘ответил’ в авторских сопровождениях (20 вхождений).

And the Mole answered, 'Thou hast blinded mine eyes. How should I know [1]?' ‘Но Крот отвечал: – Ты выколол мне глаза, как же я мог её увидеть [4]?’

And the Linnet answered, 'Thou hast clipt my wings for thy pleasure. How should I fly [1]?’ ‘Но Коноплянка отвечала: – Ты подрезал мне крылья ради забавы. Как же могу я теперь летать [4]?’

And the woman answered him, 'I am thy mother [1].’ ‘И женщина ответила ему: – Я – твоя мать [4].’

Как можно заметить, авторские сопровождения, включающие в себя глагол *answered* ‘ответил’ являются однокомпонентными и информируют нас об иллокуции речевого акта. Положение авторских ремарок в данных примерах разнообразно, оно может занимать, препозицию, постопозицию, так и разрывать чужую речь.

Также, встречаются примеры неоднородных авторских сопровождений, включающие в себя сочетание двух глагольных сказуемых *answered and said* ‘ответил и сказал’. Интересно то, что при переводе этих словосочетаний переводчик опускал один из глаголов, либо заменял сочетание на синонимичное. Например: *And the Hare answered him, and said: 'Surely thou hast given me freedom, and what shall I give thee in return [1]?’ ‘А Зайчонок ответил ему так: – Да, ты даровал мне свободу, скажи, чем могу я отблагодарить тебя [4]?’*

Авторские сопровождения, включающие в свой состав глагол *cried* ‘крикнул’.

В тексте было найдено наименьшее количество вхождений в состав авторского сопровождения (15). Однако, стоит отметить, что семантика данного глагола является многогранной так как она описывает именно

эмоциональную сторону высказывания. Так, встречаются такие варианты перевода глагола *cried* как, ‘вскричал’, ‘сказал’, ‘воскликнул’, ‘твердили’. Положение авторского сопровождения в данных примерах занимает постпозицию либо разделяет чужую речь, находясь внутри нее. Например: *'Nay,' he **cried, laughing**, 'but we will sell the foul thing for a slave, and his price shall be the price of a bowl of sweet wine [1].'* ‘– Ну нет, – **рассмеявшись, сказал** тот, – мы продадим это мерзкое создание в рабство, и цена его будет равна цене чаши сладкого вина [4].’

Встречаются случаи употребления, как однокомпонентных, так и неоднокомпонентных авторских слов. Ремарки, включающие в свой состав глагольное сказуемое *cried* обозначают речь и одновременно указывают на манеру и способ произнесения реплики.

*'Alas! **cried** the Star — Child, 'I have but one piece of money in my wallet, and if I bring it not to my master he will beat me for I am his slave [1].'* ‘– Увы! – **вскричал** Мальчик—звезда. – У меня в кошельке есть только одна—единственная монета, и если я не отнесу её моему хозяину, он приберёт меня, потому что я его раб [4].’

*'How shall I reward thee,' **cried** the Star—Child, 'for lo! this is the third time thou hast succoured me [1].'* ‘– Как могу я отблагодарить тебя! – **воскликнул** Мальчик—звезда. – Ведь уже третий раз ты выручаешь меня из беды [4].’

Таким образом, благодаря включению авторских сопровождений в произведение мы имеем возможность множественности интерпретаций реплик героев и большему «погружению в произведение. В данном произведении, благодаря авторским сопровождениям писатель помог нам проследить за внутренним духовным ростом главного персонажа, звездного мальчика, узнать о переживаниях и мыслях персонажей. Все это показывает, как важны авторские сопровождения и как писатель может их использовать в художественной литературе для своих целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. THE STAR-CHILD, by Oscar Wilde [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://users.uoa.gr/~nektar/arts/tributes/oscar_wilde/the_star-child.htm. – Дата доступа: 19.01.2023.
2. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. – Дата доступа: 19.01.2023.
3. Соколова, Л.А. Несобственно-авторская / несобственно-прямая речь как стилистическая категория / Л.А. Соколова. – Томск: Изд-во Томского государственного ун-та, 1968. – 280 с.
4. Уайльд, О. Мальчик-звезда: рассказы и сказки / Оскар Уайльд, пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель: – Полиграфиздат, 2012. – 316 с.

СТРУКТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРОНИМОВ В РУССКОМ, АРМЯНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена описанию структурно-языковых особенностей паронимов в русском, армянском и английском языках. Сопоставительный анализ паронимов в трех языках показал, что их классификации и способы словообразования различаются. Большинство английских паронимов образовано аффиксальным способом, между тем как в армянском языке преобладают так называемые глагольные паронимы. Классификация паронимов в русском языке более обширна и имеет несколько подходов к ее систематизации.

Паронимы являются объектом изучения на протяжении многих лет, однако в современной науке о языке отсутствуют как единый подход к их изучению, так и единство точек зрения на их лингвистический статус. Сравнительное исследование эквивалентных языковых структур позволяет выявить общие и специфически национальные черты языков сравнения. Проведение подобных исследований необходимо для установления признаков, характеризующих лексикон любого языка, для типологии лексико-семантических систем по совокупности выделенных черт. Анализ паронимических единиц на различных уровнях с целью установления общих и индивидуальных черт русского, армянского и английского языков позволяет увидеть, что превалирует – межъязыковое сходство или межъязыковое различие – а также, по возможности, объяснить то и другое.

Материалом для исследования послужили: «Словарь паронимов русского языка» О. В. Вишнякова [3], «Русско-армянский словарь синонимов, антонимов, омонимов, паронимов» Р. Э. Агаяна, Н. А. Байбуртяна, Р.Р. Грдзеляна [1] и «Словарь паронимов английского языка» И. Мизининой [5].

Само понятие паронимии не имеет единой трактовки в лингвистике, что является сложностью точного его определения. Лингвисты не всегда считали паронимию самостоятельным лексическим феноменом, многие относили такие слова к синонимам или омонимам. До восьмидесятых годов прошлого века в лингвистической литературе было широко распространено мнение, что паронимия представляет частный случай взаимодействия омонимии и синонимии. Также существовала точка зрения, что смешение паронимов происходит лишь в речи людей, недостаточно владеющими языком.

Первые исследования в области паронимии имели исключительно прикладной характер и были направлены на устранение и предупреждение ошибок в речи. Ю. А. Бельчиков и М. С. Панюшева стали авторами первого словаря паронимов русского языка, в который были включены все слова, имеющие даже случайное звуковое подобие [2].

Все существующие в русском языкознании определения паронимов можно свести к двум основным: 1) паронимы – любые созвучные слова, имеющие разные значения и ошибочно употребляющиеся одно вместо другого; 2) паронимы – созвучные однокорневые слова, не совпадающие по значениям и принадлежащие к одному логико-грамматическому ряду.

Паронимы входят в состав лексико-семантической системы языка вместе с синонимами, омонимами и многозначными словами.

Возникновение паронимов в языке – сложный и многоступенчатый лексико-словообразовательный процесс. Необходимо обращать особое внимание на их употребление, так как их смешение в речи недопустимо. Иногда возникновение речевой ошибки происходит в результате невозможности различения стилевой принадлежности слов. Нередко наблюдается сближение книжных и стилистически нейтральных слов с разговорными или просторечными (*бессмысленность – бессмыслица; гнилец – гнильца*).

Паронимы (в отличие от синонимов) соотносятся с разными, хотя и близкими понятиями: ‘абонент’ – лицо, ‘абонемент’ – документ. Их смысловые различия можно подчеркнуть подбираемыми к ним синонимами и антонимами:

‘эффективный’ – полезный, оперативный; антоним – бесполезный, безрезультатный;

‘эффектный’ – яркий, выразительный; антоним – невзрачный, убогий.

Однако близость паронимов к синонимам иногда бывает очень явной, не всегда позволяющей эти явления разграничить (мистический – мистичный, одеть – надеть). Это свидетельствует о том, что паронимы бывают нескольких типов и по смыслу, и по структуре.

О. П. Вишнякова выделяет следующие типы паронимов [9]:

1) полные (истинные, абсолютные, максимальные) – однокоренные слова с ударением на одном слоге, относящиеся к одной части речи и одной лексико-семантической группе, различаются они только аффиксами: ‘мелодика – мелодия’, ‘советник – советчик’;

2) неполные – бывшие синонимы, еще не до конца размежевавшиеся семантически: ‘идеалистичный – идеалистический’, ‘автоматический – автоматичный’;

3) частичные (приблизительные, квазипаронимы) – однокоренные слова, различающиеся ударением, но совпадающие в сочетаемости: ‘дождевой – дождливый’, ‘женственный – женский’.

С точки зрения структуры различаются паронимы суффиксальные (‘аристократичный – аристократический’, ‘идеалистичный – идеалистический’), префиксальные (‘поглотить – проглотить’, ‘предоставить – представить’) и корневые (‘невежа – невежда’, ‘воскрешать – воскресать’). Смешению паронимичных слов способствуют также тесные семантические связи словообразовательных суффиксов: - н - и –ск-; - овит-, - ов - и - н-; - ство - и - ость - и других (‘изобретательский – изобретательный’, ‘деловитый – деловой – дельный’, ‘благоустройство – благоустроенность’).

В семантическом отношении среди паронимов обнаруживаются две группы:

1. Паронимы, различающиеся тонкими смысловыми оттенками: ‘беззаконие – беззаконность’, ‘решимость – решительность’, ‘длинный – длительный’, ‘желанный – желательный’, ‘дипломатичный – дипломатический’. Многие из них характеризуются особенностями в лексической сочетаемости: ‘экономические последствия – экономичное ведение хозяйства’, ‘богатое наследство – тяжелое наследие’; ‘выполнять задание – исполнять песню’.

2. Паронимы, резко различающиеся по смыслу: ‘постель – пастель’, ‘дефектный – дефективный’, ‘игривый – игристый’, ‘начертать – начертить’.

3. Паронимы, которые отличаются стилистической окраской: ‘жить (общеупотр.) – проживать’ (офиц.).

Некоторые ученые рассматривают паронимию как некую разновидность омонимии, а паронимы, следовательно, как «псевдоомонимы», указывая на их формальную близость. Однако при омонимии наблюдается полное совпадение в произношении разных по значению слов, а паронимичные формы имеют некоторые различия не только в произношении, но и в написании. К тому же семантическая близость паронимов объясняется этимологически: изначально у них был общий корень. А сходство слов-омонимов чисто внешнее, случайное (за исключением тех случаев, когда омонимия развивается в результате распада значений многозначного слова).

До XX века паронимы рассматривались как преднамеренные сочетания созвучных слов в поэтической/художественной речи, в начале XX века их рассматривали в культурном контексте с целью предупреждения возможных путаниц.

Различают лексические, фразовые и синтаксические типы паронимов, из которых нас интересуют лексические и фразовые, в частности, глагольные.

По словообразовательному признаку глагольные паронимы армянского языка делятся 1) на однокорневые, например: *Ազ ԱՏ ԱԳԴ ՎԵԼ* [азатагрвел]

(освобождаться) – *UQ US UQ Γ Ч Е L* [азатазркел] (‘лишать (лишить) свободы’), *UUUQ E L* [амачел] – *UUUQ E S U E L* [амачецнел] (‘стыдиться – стыдить’), *Гh uk L* [дитэл] – *η h ukp q E L* [дитаркэл] (‘смотреть – наблюдать’), *n l η u n p q E L* [ухэворвэл] – *n l η η q E L* [уххвэл] (‘путешествовать – исправляться’), *p u u E L* [кннэл] – *p u u шp q E L* [кннаркэл] (‘исследовать – обсуждать’); а также 2) на разнокорневые, например: *h p шшшp шq E L* [хратаракэл] – *h p шщшp шq E L* [храпаракэл] (‘публиковать – опубликовать’) и т. д.

Помимо семантических различий паронимы имеют фонетические: *q n p δ шп E L* [горцарэл] – *q n p δ шп u E L* [горцарнэл] (‘работать – функционировать’), *к η δ E L* [эхцэл] – *q E η δ E L* [кэхцэл] (‘улитка – подделать’), *h шп E L* [арэл] – *h шп u E L* [харнэл] (‘растянуть – подняться’), *З шp g шψп n δ E L* [арцапордзэл] – *h шp g n l ψп n δ E L* [харцупордзэл] (‘запросить – опросить’) и т.д. [4].

Фразовые паронимы более многочисленны, чем отглагольные. Они близки между собой по структуре, относительные/родственные по значению, которые морфологически отличаются друг от друга наличием/отсутствием артикля, играющего дифференцирующую роль по смыслу, например: *шz p h p u q u E L n l p h z u E p h g шп шu δ u шu шq* [ачки энкнэлуришнэриц арандзнанал] (‘выделяться: выделяться среди других’), *шz p h u p u q u E L шшшшш шp шp u E q h n l z шп p n l p] n l u p q p шq E L* [ачкин энкнэлпатаабар мэки ушадрутыонэ гравэл] (‘попасть в глаза: случайно привлечь чье-то внимание’).

Морфологический анализ английских паронимов позволяет прийти к выводу, что большинство паронимичных имен существительных образовано суффиксальным способом, например: ‘action – activity’, ‘shade – shadow’. 80% английских паронимичных глаголов образуются с помощью различных префиксов: ‘enquire – inquire’, ‘rise – arise’, ‘diffuse – defuse’.

В отличие от русского языка, где существуют даже специальные словари паронимов и даются различные их классификации, в английском языке явление

паронимии изучено недостаточно полно. Об этом свидетельствует наличие в современной лингвистической литературе противоречивых взглядов на проблему паронимии в английском языке, стремление обнаружить новые подходы к изучению этого явления, найти более адекватные способы описания паронимических отношений между словами.

В английском языке использование паронимов обладает целым рядом специфических особенностей. Являясь одним из видов игры слов, паронимическая аттракция находит широкое применение в речевых характеристиках, например, литературных персонажей и является важным и показательным фактором английской культурно-исторической традиции. Различные каламбуры, игра слов, основанная на омонимии, полисемии, деформации идиомы и так далее чрезвычайно распространены в английском языке и представляют собой один из наиболее характерных признаков речи англичанина.

Сопоставительный анализ паронимов в трех языках показал, что классификация паронимов и их словообразование различаются. Большинство английских паронимов образовано аффиксальным способом, между тем как в армянском языке преобладают так называемые глагольные паронимы. Классификация паронимов в русском языке более обширна и имеет несколько подходов к ее систематизации.

В отличие от русского языка, где существуют даже специальные словари паронимов и даются различные их классификации, в английском и армянском языках явление паронимии изучено недостаточно полно. Об этом свидетельствует наличие в современной лингвистической литературе противоречивых взглядов на проблему паронимии в этих языках, стремление обнаружить новые подходы к изучению этого явления, найти более адекватные способы описания паронимических отношений между словами.

Проблема паронимии требует более полного исследования на основе не только имеющегося словарного состава трех языков, но и разнообразия слов, постоянно пополняющих язык. Паронимия – важное свойство языка. Она не

только является причиной ошибок говорящих, но и средством упорядочивания информации, содержащейся в лексическом составе языка. Правильное употребление паронимов – признак грамотной речи, а смешение – признак низкой речевой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаян, Р. Э. Русско-армянский словарь синонимов, антонимов, омонимов, паронимов / Р. Э. Агаян, Н. А. Байбуртян, Р. Р. Грдзелян. – УЦՆՄԸԴ, 2016. – 464 с.
2. Бельчиков, Ю. А. Словарь паронимов современного русского языка / Ю. А. Бельчиков, М. С. Панюшева. – М.: Русский язык, 1994. – 455 с.
3. Вишнякова, О. В. Словарь паронимов русского языка / О. В. Вишнякова. – М.: Русский язык, 1984. – 352 с.
4. Голуб, И. Б. Секреты хорошей речи / И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталь. – М.: Международные отношения, 1993. – 280 с.
5. Мизинина, И. Н. Словарь паронимов английского языка / И.Н. Мизинина. – Москва, 2015. – 41 с.

ОБУЧЕНИЕ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ УСТНОМУ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ НА ОСНОВЕ КОММУНИКАТИВНО- КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

В настоящее время целью преподавания иностранных языков в языковом вузе, определяемой социальным заказом общества, является развитие способности и готовности обучаемых к межъязыковой и межкультурной коммуникации в различных сферах деятельности. Возрастание значимости владения будущими специалистами устным переводом обуславливает необходимость совершенствования качества подготовки переводчиков с учетом актуальных методических подходов. В статье рассматривается целесообразность применения коммуникативно-когнитивного подхода для обучения студентов старших курсов языкового вуза деятельности устного последовательного перевода.

В настоящее время курс обучения устному последовательному переводу (УПП) в языковом вузе предусматривает усвоение студентами основных закономерностей переводческой деятельности как вида межкультурной коммуникации, знание требований, предъявляемых к качеству выполненного перевода, умение выявлять переводческие трудности и преодолевать их в конкретных условиях [1]. В качестве стратегической цели выступает формирование переводческой компетенции, предусматривающей овладение знаниями и умениями, необходимыми для успешной профессиональной деятельности, и опытом их применения. По окончании обучения студенты должны уметь выполнять последовательный перевод в различных переводческих ситуациях, в том числе с использованием переводческой скорописи, осуществлять анализ выполненного перевода и определять степень его семантической, структурной и стилистической адекватности.

В условиях новой парадигмы языкового образования обучение УПП, на наш взгляд, может осуществляться наиболее эффективно в рамках коммуникативно-когнитивного подхода. Данный подход позволяет учитывать специфику обучения иностранному языку в целом и переводческой деятельности, в частности, и основывается на положениях общей психологии о единстве сознания и деятельности [2] и когнитивной психологии о взаимодействии когнитивных и коммуникативных факторов при речевосприятии и речепорождении [3].

Поскольку деятельность УПП определяется установкой на быстрое осознание, извлечение и обработку информации, содержащейся в исходном высказывании, и последующую передачу ее на языке перевода, использование коммуникативно-когнитивного подхода в обучении УПП даст возможность учитывать когнитивные аспекты деятельности устного последовательного перевода, которые предполагают: 1) репрезентацию воспринятых на исходном языке фрагментов текста в виде связного целого; 2) компрессию смысла исходного текста; 3) создание нового текста на языке перевода посредством декомпрессии [4].

В процессе приема информации переводчик осуществляет членение поверхностной структуры речи, в результате чего в исходном тексте выявляется несколько пропозиций, часть из которых присутствуют в поверхностной структуре, а другие выводятся из контекста или фоновых знаний и содержатся в долгосрочной памяти. В результате семантической переработки в кратковременной (оперативной) памяти эти структуры соотносятся с уже переработанной информацией. Если между ними возникают смысловые связи, они поступают сначала в кратковременную, а затем – в долговременную память. Если же корреляция отсутствует, переводчик обращается к долговременной памяти в поисках связующих структур или для извлечения аналогичной информации. В результате, помимо семантических образов отдельных предложений (микроструктур), в памяти переводчика возникают семантические образы более широкой

переводческой ситуации (макроструктуры), благодаря применению правил переработки информации. К числу таких правил, которыми должны овладеть будущие переводчики, можно отнести удаление несущественной или незначимой информации, генерализацию смысла воспринятого фрагмента, смысловое развитие высказывания говорящего при восприятии и обработке информации исходного текста. При воспроизведении текста на другом языке процесс переработки информации протекает в обратном порядке: от удаления несущественной для передачи основного смысла информации к добавлению информации, расширяющей контекст переводческой ситуации, и от генерализации смысла исходного текста к построению конкретного высказывания на языке перевода [4].

С учетом сказанного выше мы можем сделать вывод, что коммуникативно-когнитивный подход дает возможность организовать обучение УПП на основе осмысления этого вида речевой деятельности во всей его многоплановости и сложности, а именно: осуществлять планирование, реализацию и анализ переводческих действий в процессе осуществления устного последовательного перевода.

Коммуникативная направленность обучения УПП обусловлена спецификой устной переводческой деятельности, которая, прежде всего, состоит в том, что переводчик призван выполнять «важнейшую социальную функцию посредника между разноязычными и разнокультурными социальными общностями (или отдельными их представителями)» [5, с. 7]. В обучении УПП учитываются следующие методические положения, характерные для коммуникативного овладения иностранным языком: функциональность, ситуативность, индивидуализация и новизна [6; 7].

Функциональность в обучении УПП реализуется посредством учета особенностей функционирования данного вида речевой деятельности. С одной стороны, переводчик должен уметь быстро определять и адекватно интерпретировать структурно-композиционные, коммуникативно-функциональные и языковые особенности исходного текста, с тем чтобы

произвести отбор и зафиксировать письменно наиболее важную информацию, подлежащую переводу. В то же время, являясь посредником между представителями разных лингвокультурных сообществ, он должен мгновенно находить соответствия лексическим единицам и грамматическим структурам исходного текста. В этой связи будущим переводчикам важно располагать большим объемом языковых и речевых средств, позволяющих реализовать ту или иную речевую функцию. В частности, имеется в виду знание синонимических рядов, лексико-семантических групп, различных эквивалентов, имеющих особенности употребления в разных контекстах и стилях речи. Обучение УПП предполагает также овладение определенным репертуаром речевых клише, позволяющих выразить ту или иную функцию речевого этикета. В данном случае имеется в виду владение переводчиком набором готовых фраз и речевых штампов (“цветов”): формулы приветствия, прощания, открытия и закрытия мероприятия, выражения благодарности, поздравления, официальные тосты и т.д. Эти знания помогут переводчику выиграть время для оформления высказывания, заполнить возникшую паузу, переформулировать сказанное другими средствами, развить мысль говорящего и др.

Поскольку в УПП задействованы одновременно разные виды деятельности, функциональность предполагает также учет в структуре УПП особенностей таких видов речевой деятельности, как аудирование и говорения, а также, в определенной степени, письма и чтения. В процессе аудирования, важным является прогнозирование, с одной стороны, дальнейшего развития смысла исходного высказывания и, с другой стороны, языковых и речевых средств, используемых говорящим. На основе прогнозирования переводчик выделяет те смысловые блоки, которые должны быть переданы средствами языка перевода и определяет информацию, которая не является релевантной для передачи смысла и может опускаться [8]. Переводчик также должен принимать во внимание индивидуально-психологические характеристики говорящего, которые во многом

затрудняют понимание смысла текста, а также адекватно интерпретировать особенности его речевого поведения.

Значимость письма при осуществлении УПП заключается в том, что переводчик должен уметь кодировать выделенные им смысловые блоки и логические связи между ними с помощью символов переводческой записи. Такая символьная запись не зависит от исходного языка и языка перевода, представляя собой программу, опираясь на которую, переводчик формулирует высказывание на языке перевода. С этой целью переводчик осуществляет чтение своей записи, а точнее, быстро просматривает все логико-смысловые блоки для правильного декодирования зафиксированной информации сразу на языке перевода [9]. Для этого целесообразно предлагать студентам упражнения на расширение горизонтального и вертикального полей зрения.

Наконец, специфика говорения при УПП определяется тем, что оно носит дискретный характер. В этой связи переводчику необходим развитый механизм упреждающего синтеза, поскольку он формулирует каждое последующее высказывание с учетом уже созданной логико-смысловой цепочки исходного высказывания говорящего. При этом переводчик должен не только формулировать мысль на языке перевода, но и «подстраивать» свою речь под речь говорящего, в первую очередь, в отношении темпа и продолжительности говорения.

Ситуативность в обучении УПП проявляется как в отношении отбора ситуаций, типичных для различных сфер переводческой деятельности: производственной деятельности человека, бытовых отношений, общественно-политической деятельности и др., так и в отношении организации учебного процесса.

В процессе обучения последовательному переводу реализуется и принцип индивидуализации. Прежде всего, необходимо совершенствовать индивидуальные психологические качества переводчика, способствующие успешному осуществлению данного вида речевой деятельности. Речь идет

о таких качествах, как быстрота реакции, объем слуховой и зрительной памяти, устойчивость внимания, степень эмоциональности и др. Так, студентам, обладающим недостаточным объемом памяти, целесообразно предлагать задания, которые позволяют постепенно увеличить объем, в первую очередь, кратковременной памяти, что позволит им сокращать временной интервал между восприятием исходного текста и передачей его смысла в языке перевода (у опытных переводчиков этот интервал составляет не более 1,5 секунд). Что касается внимания, необходимо совершенствовать его распределение на решение одновременно нескольких переводческих задач, в частности: восприятие и понимание общей идеи исходного высказывания, переключение на другой языковой код, оформление высказывания на языке перевода и др. Этому способствуют конкретные задания, которые позволяют тренировать также интенсивность и устойчивость внимания.

Важно совершенствовать и такие качества переводчика, как устойчивость к интенсивным нагрузкам, физическому и умственному напряжению, способность быстро восстанавливаться после стрессовой ситуации и др. Это осуществляется, прежде всего, за счет смены нагрузки на слуховой и зрительный анализаторы и находит свое отражение в предлагаемых студентам упражнениях для формирования навыков УПП. Например, упражнения на расширение объема кратковременной памяти чередуются с упражнениями, направленными на тренировку механизма вероятностного прогнозирования, внимания и переключения, а также на быстрый подбор эквивалентов в языке перевода. Кроме того, обучаемые знакомятся с возможными вариантами аутотренинга и эффективными техниками регулирования речевого дыхания, которые помогают переводчику быстрее восстановить работоспособность. Профессиональные качества переводчика совершенствуются также в процессе ролевых игр, проводимых на основе видеоматериалов. Ролевые игры позволяют создать установку на преодоление трудностей, которые могут встретиться переводчику в реальной

деятельности.

Учебный материал, используемый для обучения УПП, должен характеризоваться новизной и информативностью. Здесь предполагается варьирование видов переводческих ситуаций, изменение факторов и условий переводческой деятельности, характера взаимоотношений и особенностей коммуникантов, предмета обсуждения и т.д. В силу сказанного для организации процесса обучения УПП отбираются образцы устной разноязычной коммуникации, демонстрирующие различные аспекты переводческой деятельности. Речь идет о подборе видеоматериалов, печатных и аудиовизуальных текстов, предлагаемых на разных носителях, что обеспечивает аутентичность и новизну учебного материала, его приближенность к реальным условиям устной переводческой деятельности. Новизна затрагивает также формы взаимодействия обучаемых (предусмотрены фронтальная и индивидуальная, групповая и парная формы работы).

Как указывает И.И.Халеева, важной целью подготовки будущих переводчиков является формирование у обучаемых способности осмысливать картины мира иного социокультурного сообщества. «Успешная профессиональная деятельность переводчика как посредника между двумя социумами и культурами будет успешной лишь в том случае, если он способен не просто лингвистически декодировать услышанный текст, но и оперативно подключать знания и представления о мире инофонной речевой общности» [5, с. 14]. В этой связи обучение УПП должно осуществляться с учетом когнитивных аспектов устной переводческой деятельности, предполагающих использование знаний о мире в процессе осуществления таких мыслительных действий, как категоризация, анализ, синтез, обобщение и др. В когнитивной теории к числу знаний о мире относят энциклопедические и процедурные знания [10].

Особую значимость в обучении УПП имеют энциклопедические (фоновые) знания, которыми располагают коммуниканты. Так,

необходимыми для успешного осуществления устной переводческой деятельности являются фоновые знания, приобретенные переводчиком в результате его социального опыта, знания о ценностных ориентациях говорящего, а также знания из различных сфер деятельности, в том числе, профессиональной, общественной и др. Они включают также знания о различных лингвистических и экстралингвистических факторах переводческой ситуации, которые обуславливают выбор переводческого решения. Применительно к условиям конкретной переводческой ситуации важными являются процедурные знания, связанные со стратегией действий переводчика в ходе решения переводческой задачи. Осуществление УПП предполагает необходимость категоризации и генерализации языковых явлений, группировки их в определенные схемы [4], в связи с чем важной задачей является формирование у будущих переводчиков знаний, позволяющих воспринимать и адекватно интерпретировать исходный текст, выбирать адекватную переводческую стратегию и осуществлять быстрый поиск соответствующих лексических и грамматических единиц в процессе УПП. В случае затруднений, связанных с выбором переводческих эквивалентов, процедурные знания позволяют переводчику прибегнуть к другой переводческой стратегии, воспользоваться такими способами решения переводческой задачи, как: описание, переформулирование, обобщение и генерализация с тем, чтобы наиболее точно передать смысл исходного текста.

Эти знания после поступления в сознание индивида проходят определенную обработку и становятся частью его памяти [5]. В этой связи важно отметить необходимость наличия в сознании переводчика различных сценариев (фреймов) переводческой ситуации. Всякая конкретная переводческая ситуация ассоциируется у переводчика с уже известным сценарием, хранящимся в его памяти. В случае отсутствия в памяти подходящего сценария, переводчик опирается на свои процедурные знания и, прибегая к аналогии, производит необходимую корректировку [11].

Что касается знаний о неречевом поведении переводчика (протокольные знания), в первую очередь, он должен владеть нормами проксемики. Так, если переводчик работает сидя, он располагается с внешней стороны воображаемой линии, связывающей коммуникантов, как бы на вершине треугольника. Если переводчик обслуживает только одного участника, он должен сидеть или стоять рядом с ним, не закрывая его от другой аудитории. Переводчик не должен использовать паралингвистические средства (мимику и жесты), а также эмоциональные средства, в частности интонацию, даже если речь говорящего отличается чрезмерной эмоциональностью. Некоторое исключение из этого правила делается только в случае устного перевода политического выступления (например, предвыборной агитации) и проповеди. В остальных случаях переводчик должен придерживаться нейтрального поведения и передавать только смысл исходного высказывания, поскольку эмоциональную составляющую аудитория воспринимает из поведения говорящего.

Таким образом, использование коммуникативно-когнитивного подхода способствует оптимизации обучения студентов языкового вуза последовательному переводу в условиях, приближенных к реальной межкультурной коммуникации, а также развитию индивидуально-психологических качеств переводчиков, обеспечивая, тем самым, высокий уровень их профессиональной деятельности и конкурентоспособность на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Образовательный стандарт. Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-23 01 02 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (по направлениям)». – Введ. 25.04.2022. – Минск: М-во образования Республики Беларусь, 2022. – 15 с.
2. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. –

М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

3. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. – М., 2016. – 600 с.

4. Kintsch, W. Toward a model for text comprehension and production / W. Kintsch, T.A. Van Dijk // *Psychological Review*. – Arlington. – American Psychological Association, 1978. – Vol. 85. – P. 363–394 с.

5. Халеева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков): автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02, 10.02.19 / И.И. Халеева. – М, 1990. – 32 с.

6. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учебное пособие для студентов лингвистических университетов и факультетов иностранных языков высших педагогических учебных заведений / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М.: Издат. центр «Академия», 2004. – 336 с.

7. Gile, D. Methodological Aspects of Research / D. Gile // *Bridging the Gap: Empirical Research in Simultaneous Interpretation*. – [Ed.: S. Lambert, B. Moser-Mercer]. – Amsterdam-Philadelphia: Benjamins, 2021. – P. 39–55.

8. Цуциева, М.Г. Обучение военных врачей устному двустороннему переводу в ситуациях выполнения профессиональной деятельности (на материале немецкого языка) / автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.02 / М.Г. Цуциева. – С.-Пб., 2006. – 26 с.

9. Улитина, С.Г. Формирование структурно-композиционных навыков иноязычного профессионально-ориентированного чтения у переводчиков в условиях деловой коммуникации (деловой английский язык) / автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 С.Г. Улитина. – Екатеринбург, 1999. – 20 с.

10. Краткий словарь когнитивных терминов / редкол.: Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац [и др.]. – М.: МГУ, 1996. – 220 с.

11. Маркова, Л.Ф. Когнитивная идентификация речевого жанра / дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.19 Л.Ф. Маркова. – Краснодар, 2003. – 149 л.

ЛАКУНЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ
ГРУППЕ «ОБРАЗОВАНИЕ»

В статье на материале сравнительного анализа реалий в сфере «Образование» в России и Великобритании рассматриваются лакуны в русском языке, которые образовались вследствие полного или частичного отсутствия характерных для культуры жителей Соединённого королевства явлений. Актуальность темы заключается в том, что исследование данных единиц поможет повысить уровень владения языком, что способствует не только механическому запоминанию тех или иных иноязычных сведений, но и углубленному пониманию языка и культуры Великобритании. Приводятся примеры лакун, выбранные в результате анализа наиболее репрезентативных культурных особенностей, а также сделаны попытки найти адекватный перевод или объяснение указанным терминам.

В настоящее время одной из наиболее активно развивающихся отраслей языкознания является лингвокультурология, которая понимается как «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [2, с. 36–37].

Взаимосвязь языка и культуры, языковая картина мира традиционно вызывают большой интерес, особенно в последние годы в связи с интенсивным развитием глобализации и межкультурной коммуникации. Познание другой культуры происходит через призму локальной, что может порождать определённые проблемы, связанные с пониманием специфических феноменов иного миропонимания.

Известно, что основным препятствием в процессе межкультурного общения становятся национальные и социокультурные несоответствия коммуникантов, которые проявляются на разных уровнях языка. Одной из причин возникающих трудностей в диалоге культур считается лакунарность языка.

В узком понимании лакуна – это «пропуск, отсутствие лексических эквивалентов в одном из языков (родном или иностранном)» [1, с. 120]. В более широком смысле лакуны являются культурными пробелами по причине самобытности каждого народа.

Понятие «лакунология» прочно закрепилось в отечественной науке в 1977 г. После публикации советского учёного Ю. А. Сорокина своего исследования «Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур» в книге «Национально культурная специфика речевого поведения» [4, с. 173]. № 4 – другой автор

Лакуны – неотъемлемая часть любого языка. Они проявляются только при сопоставлении культурно-языковых систем и служат своеобразными маркерами языкового сознания, которое определяет восприятие окружающей действительности. Причинами возникновения лакун могут служить как экстралингвистические факторы, которые включают в себя разнообразные культурные, исторические, духовные традиции народов, географические условия жизни, так и лингвистические, складывающиеся из внутренних изменений языка. Ключевую роль при сопоставительном анализе разных языковых систем выполняют межъязыковые лакуны.

Данная статья посвящена рассмотрению и изучению лакун и безэквивалентных единиц тематической группы «Образование». Образование является одной из важнейших ценностей человечества. Оно направлено на формирование личности, способной успешно ориентироваться в обществе. Кроме того, как известно, системы образования в Великобритании и России различаются, поэтому, бесспорно, одной из многочисленных семантических групп с высоким уровнем лакунарности является выбранная сфера.

Изучение лакун в языке – задача достаточно многокомпонентная, междисциплинарная, и поэтому как изучение терминологии, связанной с культурными особенностями и названием лексических единиц по теме «Образование», так и практическое их применение в языке представляются весьма важными, интересными и полезными.

Далее будут изучены самобытные феномены английской культуры через призму найденных в русском языке лакун.

Рассматриваемая область поделена на 9 подгрупп.

I. Плата за обучение

- 1) В образовательной системе России отсутствует плата за подачу заявления в отличие от европейских вузов, что породило следующую лагуну: *application fee* – ‘вступительный взнос, взимаемый со студента при поступлении в высшее учебное заведение за рассмотрение документов и приемное собеседование или экзамен’.
 - 2) *Exhibition* – ‘стипендия студента или школьника, которая идет в счет оплаты за обучение’. Данный термин требует более детального рассмотрения. Названная стипендия назначается как финансовая награда студенту за учебные заслуги. Например, в Оксфорде и Кембридже её присуждают обучающимся за наивысшие результаты на экзаменах или проекты, содержащие перспективные предложения по улучшению текущей образовательной программы. Необходимо отметить, что данную стипендию можно получить на любом курсе обучения. Главное условие – это продемонстрировать высокий уровень знаний в течение года.
- Разновидность экзаменов

- 1) *Great-go* – ‘последний экзамен на получение степени бакалавра гуманитарных наук и по математике (в Кембридже и Оксфорде)’. Данный термин частично можно приравнять к выпускному государственному экзамену при выпуске из российских образовательных учреждений высшего образования.

II. Здания и помещения

1) *Common room* – ‘комната отдыха в учебных заведениях’, то есть место, в котором студенты и преподаватели могут проводить от учебного процесса время.

III. Поведение и разрешения

1) *Absit* – ‘официальное разрешение не присутствовать на занятиях в течение короткого периода времени (в колледже или университете)’ [7].

IV. Одежда учащихся

1) *Academicals* – ‘парадная университетская форма учащихся и преподавателей, состоящая из мантии с капюшоном и квадратной академической шапочки’. В образовательных учреждениях России также принято надевать вышеуказанные предметы одежды на выпуск из учреждения высшего образования. В «Универсальном русско-английском словаре» был найден следующий перевод ‘академическая одежда’ [6].

V. Каникулярное время

1) *Half-term* – ‘короткий перерыв в середине учебного семестра в школе, который обычно состоит из одной недели’. Учебный год в школах и университетах Великобритании подразделяется на следующие промежутки: осенний период (сентябрь – середина декабря), весенний период (январь – конец марта), летний период (апрель – конец июня). В связи с этим краткосрочные каникулы проходят в феврале, мае и октябре.

VI. Работники учебного заведения и условия переподготовки

1) *Supply teacher* – ‘преподаватель в школе на временной или внештатной основе’. В отличие от постоянных учителей, которые работают в одной школе, временные заместители учителей могут работать в нескольких школах. Временные заместители учителей несут ту же ответственность и подготовку, что и постоянные учителя. Данную позицию обычно выбирают те, кто возвращается после перерыва к работе или собирается уходить на пенсию.

2) *Block release* – ‘освобождение от работы для прохождения профессиональной переподготовки’.

VII. Мероприятия в учебном заведении

- 1) *Scarlet day* – ‘день «алых мантий»’, под которым подразумевается торжественный день, когда профессора или руководители университета появляются в ярких мантиях. Среди дней, в которые принято надевать алые мантии, необходимо выделить День Святой Троицы и дни общего приёма студентов, желающих получить учёную степень.
- 2) *Freshers’ week* – ‘неделя первокурсника’. Неделя первокурсника даёт возможность новым студентам познакомиться с образовательным учреждением, его возможностями, кампусом, а также со своими одноклассниками. Несмотря на своё название, продолжительность может варьироваться от университета к университету. Кроме того, в течение недели первокурсников представлены все клубы университета, вступление в которые делает обучение более разносторонним. В российских образовательных учреждениях неделю первокурсника можно отнести ко Дню знаний, когда первокурсники также могут познакомиться ближе с деятельностью университета или института. Например, в МГУ им. Ломоносова студенты первого курса прослушивают лекцию ректора университета В.А.Садовниченко и затем посетить ярмарку клубов университета.
- 3) *Ents* – ‘концерты и вечеринки, проводимые в университетах для студентов’.
- 4) *Rag* – ‘благотворительные мероприятия’. За проведение данных мероприятий ответственны студенческие благотворительные организации, существование которых достаточно распространено в Великобритании.

IX. Наименования отдельных образовательных программ

- 1) *Access course* – ‘подготовительные курсы’. Данные курсы длятся 1-2 года и готовят людей без традиционной квалификации для обучения в университете, то есть тех, кто не получил аттестацию A-level (10-11

классы в российской образовательной системе). Такие курсы распространены в Англии и Уэльсе и доступны для лиц от 19 до 23 лет.

- 2) *Sandwich course* – ‘академическая степень или курс высшего образования, предполагающий практический опыт работы в дополнение к академической учебе’ [8]. Опыт работы часто называют производственным трудоустройством или стажировкой. Получение такой степени занимает четыре года, одни из которых студенты проводят на производстве, получая профессиональный опыт.

VIII. Учёные степени

- 1) *Pass degree* – ‘диплом бакалавра без отличия по двум или трём дисциплинам’.

Одним из вытекающих вопросов данного анализа является проблема заполнения лакун, то есть раскрытия смысла понятия, которое не принадлежит культурным реалиями реципиента.

Существует несколько видов заполнения лакун:

- 1) Заполнение-перевод, при котором лексическая единица транслитерируется (передача слов одной графической системы знаками другой системы без их перевода) на другой язык и при этом переводится на язык реципиента. В предложении элемент иноязычной культуры не только написано на другом языке, но и переведено [3, с. 192].

- 2) Заполнение – примечание, которое заключается в приведении пояснений национально-специфических элементов. Данный способ был использован в данной статье для объяснения культурных явлений Великобритании.

- 3) Компенсация, выражающаяся во введении понятия из культуры носителя относительно тождественного иноязычному концепту [5, с. 65]. Данный приём применяется с целью сделать читаемый текст наиболее понятным для читателя и произвести эффект, созданный оригинальным источником, средствами родной культуры.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что лакуны в тематической группе «Образование» составляют заметную долю национальной специфики английского языка, несмотря на то, что в данной статье были приведены одни из наиболее ярких и непривычных русской культуре феноменов, что и породило наличие лакун в русском языке и безэквивалентной лексики в английском.

В связи с этим, систематизация лакун способствует уточнению существующих в разных культурах элементов, их терминологии, национальных черт того или иного народа. Таким образом, расширяется языковая картина мира и снижается риск межкультурных недопониманий, что может привести к более результативной межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. – М.: Издательство ИКАР. 2009. – 448 с.
2. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: теория и методы. / В.В. Воробьев – М.: Издательство Российского университета Дружбы народов. 1997. – 331 с.
3. Гасанова, Д.Г. Гендерная лакуна в английском языке на фоне русского языка (лексикографический аспект) / Д.Г. Гасанова – Научные междисциплинарные исследования. Языкознание и литературоведение. 2021. №5. – С. 190-194.
4. Дашидоржиева, Б.В. История лакунологии: истоки, пути становления и развития / Б.В. Дашидоржиева – Вестник Бурятского государственного университета. Философия. Языкознание и литературоведение. – 2011. – №14. – С. 173-179.

5. Кшеновская, У. Л. Языковые лакуны в публицистическом тексте и способы их элиминирования в процессе перевода / У.Л. Кшеновская – Science for Education Today. – 2016. – №. 4 (32). – С. 60–67.

6. Универсальный русско-английский словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://universal_ru_en.academic.ru/. – Дата доступа: 13.04.2023.

7. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. – Дата доступа: 23.04.2022.

8. GoStudyUk dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gostudyuk.com/glossary/>. – Дата доступа: 20.04.2022.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ ЧТЕНИЯ

В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы преподавания интерпретации художественного текста в вузе в контексте формирования профессиональных компетенций студента-лингвиста.

В контексте непрерывного вариативного образования происходит становление новой стратегии приобщения к чтению «открытое чтение», рассматриваемой, по Е. И. Казаковой, как системное взаимодействия текста, читателя и социума и направленной на сохранение, порождение и передачу культуры и характеризующееся следующими тенденциями:

- открытость текста (его полифоничность, сочетание различных форм и технологий коммуникации);
- открытость читателя (формирование комплекса читательских компетенций постижения и порождения текстов различных уровней сложности и функционально-стилистической направленности);
- открытость сообщества чтения (активное участие социальной среды в развитии культуры чтения) [4, с. 53].

Современная скорость обновления информации и динамичное проникновение информационно-коммуникационных технологий во все аспекты образовательного процесса порождают новые объекты исследования и стимулируют разработку новых направлений, которой заняты различные отрасли педагогической науки, в т.ч. педагогика чтения и педагогика текста.

Т. Г. Галактионова определяет широкую область задач педагогики чтения как «гуманитарного знания о методах и формах воспитания читателя» [2, с. 135]: «педагогическое решение проблемы приобщения к чтению в рамках

учебной и внеучебной деятельности; эффективное использование воспитательного и дидактического потенциала чтения; оптимальные методы работы с текстами разной природы, в т.ч. в их взаимодействии» [2, с. 136].

В работе «Код приобщения к чтению: ретро- и неоформат» Т. Г. Галактионова выделяет 8 исторически сложившихся моделей приобщения молодежи к чтению в зависимости от образовательных и воспитательных задач как социального заказа общества на различных стадиях его развития: «Послушничество», «Наставничество», «Руководство», «Просвещение», «Агитация», «Пропаганда», «Развлечение», «Анархия» [1, с. 19].

В сегодняшнем обществе превалируют модели «Развлечение» (реализация развлекательной функции чтения и предпочтение легких жанров), «Анархия» (свобода выбора вне системного педагогического влияния, зачастую навязанная модой и рекламой книжного рынка) и «Пропаганда» (изучение идеологически «выдержанных» произведений с целью поддержания стабильности существующей общественно-политической ситуации) [1, с. 19]. По мнению исследователей, ни одна из данных стратегий не может в полной мере способствовать решению воспитательных и образовательных задач, что актуализирует поиск новых моделей чтения для образовательных целей. В этой связи сообразной особенностям современной социокультурной ситуации представляется модель приобщения к чтению «Диалог», где чтение «понимается как диалог с современным миром, характерной чертой которого является феномен многообразия» [1, с. 21]. Данная модель, базирующаяся на принципах теории множественности интеллектуальных способностей и семиотической дидактики, предполагает когнитивное многообразие представления содержательных понятий. При этом необходимая вариативность обеспечивается использованием целого ряда форматов подачи и обработки информации с учетом вербальных, логико-математических, визуальных, аудиальных, кинестетических, коммуникативных, рефлексивных, исследовательско-натуралистических и экзистенциальных предпочтений и возможностей обучающихся. Таким образом, проектирование стратегий

воспитания читателя является актуальным направлением педагогики и дидактики, имеются несомненные достижения, находки и перспективные идеи, однако ключевой вопрос о роли и ценности чтения в современном мире вообще и образовательном процессе, в частности, все же остается открытым.

Возникает парадоксальный эффект – с каждым днем стандарты и требования, предъявляемые обществом к индивиду как профессиональной и культурной личности, становятся все выше, возрастают объемы узкоспециальной и общей социокультурной информации, подлежащей освоению и усвоению. С другой стороны, огромный технологический скачок, позволивший обществу перейти на новый уровень развития (т.н. информационное общество), успешно осуществлен, и сегодня доступ к практически любой информации широк, дешев и комфортабелен как никогда прежде, и в то же время повсеместно наблюдается стремительное падение интереса к печатному слову и, в первую очередь, к художественной, родной и иностранной, литературе.

Кризис читательской культуры в среде учащейся молодежи является предметом глубокой озабоченности педагогов и широкой общественности, т.к. чтение было и остается средством приобщения к культуре и фактором профессиональной и личностной реализации. Большое количество исследований посвящено анализу причин пренебрежения чтением среди учащейся молодежи. Невзирая на то, что имеются все «необходимые условия и ресурсы – существуют институциональные структуры, предназначенные для хранения и распространения печатной продукции и письменных материалов, информационный рынок, развитая сеть библиотечных, образовательных, просветительских учреждений, активно трудится профессиональная среда писателей, издателей и продавцов печатной продукции» [3, с. 5], популярность чтения падает. По итогам многочисленных опросов и исследований ученые вынуждены констатировать, что «доля систематически читающей молодежи – менее трети, утрачивается традиция семейного чтения, ухудшается владение родным языком, в обществе нарастают представления и мнения о том, что роль

книги уменьшается в сравнении с Интернетом и вообще сойдет на нет при полном развитии его возможностей» [3, с. 5]. Общество подошло к критическому пределу пренебрежения чтением, после которого возникают общественно-политические риски. Первостепенной задачей социума и ВУЗа является «упорядочение социокультурного пространства чтения и укрепление инфраструктуры его поддержки и развития как эффективного информационного обмена» [3, с. 5].

Как правило, основной причиной ограниченности круга чтения сами молодые люди называют дефицит времени, но, как представляется, проблема носит комплексный характер. На основании анализа ряда источников, опыта преподавания и обмена опытом с коллегами, а также результатов регулярного ежегодного анкетирования студентов факультета английского языка МГЛУ и из бесед с ними в неформальной и доверительной обстановке, возможно сделать выводы о некоторых причинах, затрудняющих успешное изучение и снижающих востребованность чтения как учебной дисциплины, как средства саморазвития и самообразования и, наконец, как вида досуговой деятельности:

1. Изначально низкий уровень читательской компетентности студента.

К сожалению, методы преподавания родной литературы в средней школе в целом не способствуют закладке фундамента читательской компетентности: анализ художественного текста подменяется буквальным пересказом; вместо творческих форм письменных заданий, таких как сочинение либо эссе, проводится тестирование в электронном формате, нацеленное на проверку факта ознакомления с произведением, но не его интерпретацию; чтение/обсуждение аутентичного текста зачастую заменяется просмотром экранизации. В дальнейшем при изучении в вузе иноязычной художественной литературы и интерпретации художественного текста студенты испытывают серьезные, а порой и непреодолимые, трудности, связанные с недостаточным уровнем сформированности читательской компетентности. Объем, уровень сложности и темп прохождения материала в высшей школе рассчитаны на то, что обучающиеся уже обладают некоторыми навыками и компетенциями. На

практике же часто оказывается, что сформированы они в степени, не достаточной для эффективного усвоения материала. Значительная часть учебного времени тратится на формирование навыков самостоятельной и аудиторной работы и исследовательской деятельности, а не на их предполагаемое развитие и совершенствование. Подобное противоречие оказывает отрицательное влияние на качество усвоения учебного материала, ведет к отставанию от учебного плана, низкой успеваемости, падению мотивации.

2. Затруднения психологического порядка.

Постоянный рост объемов информации и образование неограниченного коммуникативного пространства, кроме очевидных выгод, влечет за собой некоторые негативные последствия для психологии человека. Э. И. Рузайкин, редактор журнала «Мир ПК», кратко формулирует сущность проблемы следующим образом: «Обилие информации обесценивает ее. Интернет стал пространством шума со всеми вытекающими проблемами – опасностью, неэффективностью общения, трудностью поиска. Человек получает больше информации, чем может переварить. В результате падает самооценка, развивается эмоциональная подавленность, тревожность, возникают неврозы, страхи. Такова плата за прогресс, за обилие информации» [6].

В многозначном, многополярном мире помимо количественного нарастания доступной информации наблюдается огромный разброс в ее ценностных ориентирах. В контексте непрерывных социальных изменений «текучесть» становится принципиальной характеристикой современности. Сегодня «знать» перестало означать «быть в чем-то уверенным» [7, с. 518]. «Наиболее распространенный диагноз, который исследователи ставят современному обществу – это состояние постмодерна. Сегодняшний мир, представленный как гипертекст, открыт к многообразному прочтению» [7, с. 518]. Однако многие (в т. ч. и неискушенный молодой читатель) воспринимают это не как веер возможностей, но как стрессовую, травмирующую ситуацию: «Границы «дозволенного» продолжают

расширяться. Апофеозом «вселенской вседозволенности» становится состояние постмодерна. Структуры, по отношению к которым человек осуществлял референцию (религия, профессиональное сообщество, гражданство) разрушаются... В связи с чем возникает ситуация «амбивалентности», которая характеризуется особой «слабостью и ранимостью» [7, с. 519]. «Свобода самоопределения граничит с расслоенностью и дисперсностью в рамках плюрализма дискурсивных практик. Такая свобода приводит в оцепенение, она сродни параличу» [7, с. 520].

Таким образом, в стрессовых условиях постмодерна человек защищается, ограничивая приток информации, что вполне может относиться и к чтению. При освоении программных произведений обучающиеся зачастую вместо 300 страниц оригинального текста прочитывают краткое содержание или рецензию длиной в 3 страницы, что, в принципе, создаст впечатление знакомства с книгой и позволит участвовать в обсуждении, обычно фокусирующемся, как уже отмечалось выше, на пересказе событийной стороны произведения. Настоящая читательская компетентность подменяется неким малоэффективным суррогатом псевдоэрудиции. «Поколение Z выросло на средствах разработки, на готовых решениях и не имеют вкуса работы с книгой» [6]. Вследствие естественной ограниченности, в силу возраста, читательского багажа и тезаурусных знаний и приверженности почти исключительно вторичной информации молодежь демонстрирует «клиповость сознания, неумение решать продолжительные задачи, поверхностное восприятие всего» [6].

3. Низкий уровень межкультурной и семиотической компетенций, интертекстуальной и интермедиаальной компетентности.

Если освоение родной литературы может протекать столь проблематично, то изучение иностранной литературы на языке оригинала в рамках формирования профессиональной личности еще более осложнено. Академические языковые компетенции и базовые энциклопедические знания многих обучающихся еще только развиваются, а то и закладываются. Однако

адекватное и продуктивное восприятие иноязычного художественного текста, как классического, так и современного, представляется возможным только через расшифровку значительного числа культурных кодов, в то время как межкультурная (владение совокупностью фоновой информации, обеспечивающей максимально эффективное взаимодействие и значительную экономию вербальных усилий) и семиотическая (знакомство со знаково-символической системой иной культуры) компетенции студента-лингвиста находятся еще в зачатке.

Произведения классической литературы содержат лингвокультурные коды, кардинально отличающиеся от современных (хронологически, географически и ценностно) и поэтому далекие от молодого читателя, и, к сожалению, актуальным остается определение классики М. Твенном как того, что все хотят знать, но никто не хочет читать. С другой стороны, при работе с произведениями современной литературы возникает не меньшее количество проблем. На нескольких из них остановимся подробнее.

Скудость читательского опыта и фоновых знаний препятствует продуктивному восприятию студентами современного художественного текста, являющегося интертекстом, т.е. требующего дешифровки связей и ссылок на другие литературные произведения и/или иные культурные явления. Писатель-постмодернист предлагает изменить привычную пассивно-потребительскую стратегию чтения и включиться в активное прочтение как динамическое генерирование смыслов. Для этого нужно не только располагать знаниями о традиционных кодах художественной литературы, но также развивать творческое и критическое мышление, не отвергать эксперимент, воспринимать пародию и иронию, позитивно относиться к жанровому и стилевому синкретизму, ценить красоту и гармонию новых гибридных литературных форм.

Открытость, интерактивность современного литературно-художественного текста требует воспитания продвинутого читателя с плюралистическим мышлением, ориентированного на позитивистское восприятие социокультурного разнообразия. «Смерть» автора, по выражению Р. Барта,

должна уравниваться рождением нового читателя, чья роль возрастает до уровня сотворчества, выражающегося в множественности интерпретаций, отыскании и сопоставлении многих смыслов и точек зрения. Поликодовая организация постмодернистского текста подразумевает одновременную реализацию многих жанровых и стилистических кодов; текст может носить развлекательный характер и в то же время предъявлять сверхтребования к эрудиции читателя. Привычка же исключительно к легкому чтению, чисто гедонистический подход заставляет даже простейший прием, нацеленный на минимальную обратную связь (вроде открытой концовки), воспринимать как выход из зоны комфорта, как оставление автором читателя на полпути к цели в тягостном недоумении, чем же разрешается конфликт.

Наконец, неискушенному читателю проще наблюдать традиционные для литературы интегративные процессы в рамках вымышленной личности со сходной шкалой ценностей, когда преодоление героем кризиса и разрешение конфликта предполагает обретение им новой, обогащенной идентичности (обычно в форме упрочения социального статуса, подъема по социальной лестнице, что и является предпосылкой к достижению персонажем внутренней гармонии). Однако в эпоху смены веж востребованы сюжеты и условия, в которых хэппи-энд не происходит. Литературный герой-маргинал, обитатель социокультурного пограничья, задействован писателем-постмодернистом даже с большей частотой, чем «стандартный» представитель культурного магистрального потока. Современный литературный персонаж может иметь самую разнообразную этническую, религиозную, культурную, социальную, гендерную идентичность либо даже принадлежать к меньшинствам, чьи ценности чужды читателю, воспитанному в иной культурной парадигме. Посвящение подобным типажам и их проблемам раздумий в виде литературного произведения, особенно если автор придерживается объективной манеры повествования и оставляет критические выводы на долю читателя, зачастую рассматривается как попытка выдать моральную индульгенцию различным формам нравственного падения и социальной

деградации. Высокая же частотность сюжетообразующей ситуации конфликта культур и кризиса идентичности может создать впечатление, что современный автор идеализирует героя-маргинала в свете политкорректности и толерантности и позиционирует морально и этически дезориентированного, а то и психически нестабильного индивида как мученика за либеральные идеалы и творца новых реальностей, навязывая, таким образом, чуждые ценности и стандарты. Соответственно, нередко приходится наблюдать, как при знакомстве с подобным у аудитории возникают негативные, протестные эмоции. Незнакомый культурный базис, новые межкультурные взаимодействия и социальные роли, кризис привычных общественных институтов (например, семьи и брака), эволюция ценностно-нормативных комплексов, обсуждаемые на страницах книг, могут стать причиной определенного культурного шока. Таким образом, наш типичный студент-читатель скорее может быть охарактеризован как «наивный», по классификации У. Эко, и, чтобы превратить его в «образцового» читателя, нужно скоординировать усилия специалистов – педагогов, методистов, психологов – на всех этапах обучения.

В педагогике чтение рассматривается как «деятельность, через которую происходит вхождение человека в жизнь, воспитание и развитие личности (в том числе и профессиональное), ее самоидентификация» [5, с. 42]. В образовательном процессе чтение определяет эффективность совместной деятельности и общения его участников, обогащает их личный опыт, является нравственным и духовным ресурсом в проблемных ситуациях. Необходимость приобщения молодежи к чтению обусловлена его общепризнанной социальной и культурной значимостью для воспитания, социализации и профессионализации личности. Анализ источников показывает, что исследователи полагают назревшей необходимостью разработки методологического и дидактического инструментария для преподавания чтения, литературы и интерпретации художественного текста, соответствующего целям и задачам непрерывного вариативного образования в новых условиях интермедиальности образовательной среды, предполагающей

многообразии способов подачи и усвоения информации, и формирования культуры чтения как элемента информационной культуры личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галактионова, Т.Г. Код приобщения к чтению: ретро- и неоформат / Т.Г. Галактионова // Сборник материалов III научно-практической конференции «Открытое образование. Педагогика текста». – Санкт-Петербург, 2011 г. – С. 18-20.

2. Галактионова, Т.Г. Педагогика чтения: семиотическая концепция приобщения к книжной культуре / Т.Г. Галактионова // Сборник материалов Международной научной конференции «Чтение в образовании и культуре». – Санкт-Петербург, 22-23 ноября 2011 г. – С. 135-137.

3. Демин, В.П. Вступление / В.П. Демин // Сборник материалов Международной научной конференции «Чтение в образовании и культуре». – Санкт-Петербург, 22-23 ноября 2011 г. – С. 5-6.

4. Казакова, Е.И. Педагогика текста в современной дидактике / Е.И. Казакова // Сборник материалов Международной научной конференции «Открытое образование. Педагогика текста». – Санкт-Петербург, 2010. – С. 112-114.

5. Мелентьева, Ю.П. Общая теория чтения: постановка проблемы / Ю.П. Мелентьева // Сборник материалов Международной научной конференции «Чтение в образовании и культуре». – Санкт-Петербург, 22-23 ноября 2011 г. – С. 39-45.

6. Рузайкин, Э.И. Куда идет поколение Z? / Э.И. Рузайкин // АИФ. – 2012. – № 43. – С. 3.

7. Шавердо, Т. М. Социальная идентичность в обществе постмодерна / Т.М. Шавердо // Сборник материалов Международной научной конференции «Диалог культур в эпоху глобальных рисков». – Минск, 17-18 мая 2016 г. – С. 518-521.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС: ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье на материале данных национальных корпусов английского, белорусского и русского языков в семантике лексических единиц, обозначающих участливость, выявлен перечень потенциальных сем, не представленных в дефинициях толковых словарей. Установлены направления семантического переноса: единицы, обозначающие участливость, используются для наименования свойств объектов других лексико-семантических областей.

Объективным источником информации о лексическом значении слова являются толковые словари. Требование оптимальности, выдвигаемое при их составлении, предполагает включение в дефиницию таких семантических компонентов, которые являются необходимыми и достаточными для отграничения одного значения от другого. На этом основании выделяют актуализированные, то есть эксплицированные в структуре слова семы, и потенциальные семы, которые не имеют репрезентации в словарной дефиниции, однако способные актуализироваться в условиях их функционирования в тексте [12, с. 60–61].

В словаре лексема отражена как условная единица, в тексте в результате вступления в синтагматические отношения происходит взаимодействие значений нескольких единиц. Данное взаимодействие позволяет выявить несовпадения между объективно существующим семантическим содержанием и словарным значением и образует «информационный потенциал слова» [4, с. 40]. Другими словами, при функционировании лексем в тексте проявляется её системное значение, которое связано со способностью слова фиксировать в семантике представления о свойствах реальных объектов. Таким образом, сумма контекстов, в которых встречается лексема, представляет собой «поверхностную реализацию денотативной природы семантики языка»

[5, с. 33]. Данный тезис предполагает учёт экстралингвистической информации при определении семантики лексемы, поскольку на её сочетаемость влияет природа референта, некоторые реально существующие связи вещей и явлений [5, с. 95]. Вследствие этого контексты употребления соотносительных единиц в различных языках могут не совпадать.

Анализ данных национальных корпусов позволяет установить, что при функционировании слова в тексте происходит перераспределение сем в их иерархии в структуре лексического значения вследствие актуализации только релевантных для данной ситуации сем. При этом может происходить актуализация тех сем, которые не представлены в толковых словарях, так как словари фиксируют лишь наиболее общее, стандартное представление об объекте. Анализ контекстов употребления языковой единицы, представленных в национальных корпусах, позволяет выявить весь набор сем, присущих исследуемой лексеме. Соответственно, количество сем, выделяемых при анализе контекстов словоупотреблений, всегда превышает количество сем, выделяемых на основе дефиниционного анализа. Такой подход к семной структуре слова является динамическим и в сравнении с «правилами статичного компонентного анализа» в большей степени соответствует речевой практике индивида [7, с. 36].

Сочетаемость лексем в тексте происходит на основании закона семантического согласования, согласно которому в семантике слов должна совпадать как минимум одна сема для того, чтобы они вступили в синтагматические отношения. Теоретически это означает, что любая сема, входящая в семантику слова, может актуализоваться. Практически в синтагматике сохраняется неравенство сем, свойственное парадигматике: наиболее существенные для слова семы актуализируются чаще [7, с. 87].

Сопоставительные исследования контекстного употребления соотносительных лексических единиц в разных языках позволяют выявить новые компоненты значения, определить границы пересечения и несовпадения в семантике данных единиц, выявить причины такого различия [3, с. 99–100, 104].

Значимым источником словоупотреблений лексем являются национальные корпуса языков. Их преимущество заключается в том, что представленный набор текстов характеризуется принадлежностью к разным хронологическим периодам, различным стилям и жанрам речи, большому количеству авторов. Указанные параметры свидетельствуют об объективности результатов исследований, проводимых на их основе.

Возможность установить перечень потенциальных сем на основании данных национальных корпусов английского [13], белорусского [1] и русского [6] языков исследуется на материале обозначений участливости. Анализ данных толковых словарей английского языка [14; 15] позволил установить 14 лексем, называющих качество человека, способного заботиться о другом, внимательно относиться к его чувствам и переживаниям, быть чутким и отзывчивым. В семантике данных единиц наиболее частотной семой, эксплицированной в словарных дефинициях, является сема 'to show' 'демонстрировать' (6 слов), у 5 лексем зафиксирована сема 'for others' 'для других'. Богат репертуар единичных сем, указывающих на нравственное качество человека: 'mildness' 'мягкость', 'gentleness' 'мягкость', 'sympathy' 'сочувствие', 'concern' 'участие', 'compassion' 'сострадание', 'forgiveness' 'великодушие', 'help' 'помощь', 'with attention' 'с вниманием', 'with thought' 'с заботой', 'with interest' 'с интересом', 'merciful' 'сострадательный', 'tolerant' 'терпимый', 'delicate' 'учтивый', 'kindly' 'благожелательный', 'not to cause inconvenience / not to hurt' 'не создавать неудобств / не ранить'.

В толковых словарях белорусского языка [10; 11] рассматриваемая группа слов представлена 13 лексемами, наиболее частотными семами в семантике которых являются следующие: 'спачувальнасць' (8 лексем), 'спагадлівасць' (6 лексем), 'да іншых' (5 лексем), 'клапатлівасць', 'уважлівасць', 'чуллівасць' (по 4 лексем). Немногочисленны в дефинициях толковых словарей следующие семы: 'асцярожнасць', 'жаласлівасць', 'літасць', 'сардэчнасць', 'добрае пачуццё', 'замілаванне', 'кранальны', 'які турбуецца', 'да гора/ няшчасця', 'неспакойны', 'руплівы'.

По данным толковых словарей русского языка [2; 9] в семантике 12 наименований участливости наиболее частотны семы ‘помощь’, ‘к другим’ (по 5 лексем), ‘внимательность’, ‘сочувствие’, ‘заботливость’ (по 4 лексем), ‘сострадательность’, ‘отзывчивость’ (по 3 лексем). Единичны в дефинициях наименований участливости следующие семы: ‘отрицание’, ‘отказывать’, ‘на просьбу / поручение’, ‘к горю’, ‘милость’, ‘милосердие’, ‘благодеяние’, ‘чуткость’, ‘предупредительность’, ‘жалостливость’, ‘человеколюбие’, ‘снисходительность’.

Обращение к национальным корпусам английского [13], белорусского [1] и русского [6] языков значимо при выявлении актуализированных в текстах потенциальных сем, поскольку данные источники позволяют использовать в качестве материала исследования высказывания различных авторов, что свидетельствует о достоверности полученных результатов и выводов. Более того, обращение к большому количеству контекстов, представленных в национальном корпусе, позволяет аргументировать неоднородность сем в семантике лексемы, так как их актуализация происходит с различной частотой.

Для английского языка значимо поддержание семы ‘to show’ ‘демонстрировать’: *fresh evidence of Luke’s sensitivity* ‘свежее доказательство чувствительности Люка’ (E. Rees. *Hunter’s Harem*). В ряде случаев отмечается поддержание семы ‘for others’ ‘для других’: *He was capable of such thoughtfulness and generosity towards others* ‘Он был способен на заботливость о других и щедрость по отношению к ним’ (S. Howard. *Battle for Love*). Более того, анализ контекстов, представленных в британском национальном корпусе, позволяет выявить следующие потенциальные семы, не представленные в дефинициях толковых словарей: ‘quantity’ ‘количество’ (*she dropped the dew of her mercy down* ‘она проявила каплю милосердия’ (M. Warner. *The Lost Father*)); *It gave her added sensitivity to other people’s feelings* ‘Это прибавило ей сострадания к чувствам других’ (L. Darcy. *A Private Arrangement*); ‘necessity to struggle’ ‘необходимость добиваться’ (*petition for clemency* ‘прошение о помиловании’ (D. Potter. *Hide and Seek*); *to cry for mercy* ‘молить о пощаде’

(W. Golding. *Lord of the Flies*); ‘category of people’ ‘категория лиц’ (*Punctuality and Considerateness as a Driver* ‘пунктуальность и внимательность водителя’ (N. Williams. *The Wimbledon Poisoner*); *landlady’s leniency* ‘хозяйская снисходительность’ (*So very English: a Serpent’s Tail Compilation*); *the mercy of his father and stepmother* ‘милость его отца и мачехи’ (P. Street. *Guilty Parties*); ‘religiousness’ ‘религиозность’ (*Yezu made love, he made mercy* ‘Иисус создал любовь, он создал милосердие’ (G. Greene. *A Burn-Out Case*)); ‘hierarchy’ ‘иерархичность’ (*I was now at the mercy of others and nobody in a position of authority had* ‘теперь я зависел от снисходительности властей, которой у них не было’ (M. Faulk. *Part of the Furniture*).

Значимым преимуществом использования национальных корпусов при исследовании семантики лексических единиц является возможность выявить случаи семантических сдвигов, систематичность которых свидетельствует об изменениях в семантике лексемы. Такие устойчивые ассоциации, возникающие между отдельными понятиями в сознании носителей языка, носят общий характер и являются фактами языка, а не речи [5, с. 72]. Так, функционирование обозначений участливости в английском языке позволяет выявить случаи, когда единицы рассматриваемой лексико-семантической группы употребляются для наименования характеристик объектов и явлений окружающей действительности. Среди направлений семантического развития обозначений участливости в английском языке отмечаются следующие: наименование положительных свойств природных явлений (*the mercy of darkness was falling at last* ‘наконец, темнота смиростивилась’ (G. Greene. *A Burn-Out Case*), наименование благоприятных ситуаций (*It was probably a mercy that she’d been sick* ‘Наверное, к счастью, она плохо себя чувствовала’ (F. Pitt-Kethley. *Misfortunes of Nigel*)), наименования свойств неодушевленных предметов (*one is at their [clothes] mercy, always, to some extent* ‘человек в какой-то степени всегда в её [одежды] милости’ (A. Wyatt. *The Virgin in the Garden*), свойства действий человека (*his habitually offensive glance seemed to have a new dimension of thoughtfulness* ‘его обычно оскорбительный взгляд,

казалось, приобрел новое измерение задумчивости' (M. Frayn. Towards the End of the Morning).

На основании данных корпуса белорусского языка частотна актуализация следующих сем: 'пол' (*мужыцкая жаласлівасць* (I. Мележ. Подых навальніцы); *бабскае пачуццё міласэрнасці* (В. Быкаў. У тумане); 'катэгорыя асоб' (*ад гэтай матчынай жаласлівасці* (В. Быкаў. Цябе пакрыўдзілі?..); *сваю дабрату і спагадлівасць пэўна ўзяла ад маці* (В. Быкаў. Пайсці і не вярнуцца); 'прыроджанасць' (*Чуласць, элегічнасць яго былі, мусіць, ад прыроды* (I. Мележ. Подых навальніцы); 'набыты' (*нейкая не знаная раней чуллівасць паявілася ў Ганне...* (I. Мележ. Подых навальніцы); 'рэлігійнасць' (*калі б не людская дабрыня, не хрысціянская, чалавечая ці якая яшчэ там міласэрнасць гэтай цёткі-пападдзі?* (В. Быкаў. Кар'ер); 'чалавечае' (*вытравіць у іх усё чалавечае, маральнае: любоў, міласэрнасць, дружбу, сумленне* (В. Хомчанка. Крэсла з гербам і розныя крымінальныя гісторыі); 'інтэнсіўнасць' (*адкуль яна ў мяне, тая жаласлівасць, нават павышаная, ці што?* (Я. Брыль. Золак, убачаны здалёк); *ў нейкай незвычайна абвостранай да яго чуйнасці* (В. Быкаў. Мёртвым не баліць)); 'час' (*Да міласэрнасці, якой спрадвеку адорваеш усё жывое і нежывое...* (Т. Бондар. Павуцінне); 'няўстойлівасць' (*Яе спагадлівасць да яго хутка выцясняялася злосцю* (В. Быкаў. Знак бяды).

В белорусском языке отмечается поддержание семы 'станоўчая ацэнка' (*прыемная клапатлівасць* (А. Федарэнка. Нічые). Особенностью семантики наименований участливости в белорусском языке является способность оценочного компонента модифицироваться: так, положительная оценка может смещаться в сторону отрицательной на шкале оценки (*шкодную цяпер жаласлівасць* (I. Мележ. Завеі, снежань); *палохае яе раптоўная вінаватая клапатлівасць* (А. Адамовіч. Хатынская аповесць); *А ён ненавідзеў залішнюю чуллівасць* (I. Шамякін. Сэрца на далоні). Более того, выявлены случаи семантического переноса наименований участливости для наименования характеристик частей тела человека (*Вочы, аднак, таілі ў сабе лагоду і спагадлівасць* (В. Быкаў. Адна ноч), окружающей действительности (З

турботнасцю жывой *рэальнасці* прыходзіла звыклае адчуванне нязменнага абавязку дзейнічаць (І. Мележ. Завеі, снежань).

Русский язык отличается частотностью актуализации семы 'демонстрировать' при отсутствии её репрезентации в словарных дефинициях (*Он постарался изобразить заботливость и сочувствие* (Д. Гранин. Иду на грозу); *в обращении его с пленным появилась бережность* (Г. Бакланов. Южнее главного удара). Более того, в выражениях различных авторов актуализируются семы 'пол' (*любовь Айши была продолжением женского милосердия* (Ф. Искандер. Слово); *по извечной женской отзывчивости* (В. Личутин. Любостай); 'категория лиц' (*с материнской заботливостью* (В. Панова. Времена года. Из летописей города Энска); *А сын, зная материнскую безотказность для единого чада, был категоричен* (С. Есин. Имитатор); *товарищеская участливость* (А. Твардовский. Печники); *хозяйскую бережность к социалистическому достоянию* (Л. Леонов. Русский лес)); 'врождённость' (*женская жалостливость самой природой предназначена* (М. Чулаки. Прощай, зеленая Пряжка); *истинному художнику всегда присуща изначальная чуткость* (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов»)); 'приобретённость' (*научила его сердечности, отзывчивости* (А. Алдан-Семенов. Красные и белые); *Наш век многому научился, но не научился внимательности* (А. Кузнецов. Артист миманса); 'количество' (*От дочери и заботливости и внимания больше* (В. Савельев. Пришла); *Но я прошу очень маленького милосердия: дайте мне всего одну сигарету* (Ю. Бондарев. Горячий снег); 'интенсивность' (*с подчеркнутой бережностью* (Н. Кожевникова. В легком жанре); *она с совершенно необычайной чуткостью понимала всё, что он переживает* (В. Гроссман. Жизнь и судьба)); 'человеческое' (*человеческая теплота, заботливость* (Н. Кожевникова. Гарантия успеха)); 'для других' (*требовал от людей милосердия друг к другу* (К. Паустовский. Золотая роза)); 'непостоянство' (*Может, поэтому у Ласточкина вдруг возникала к Зайчихе зябкая жалостливость?* (Н. Кожевникова. В легком жанре); 'время' (*но из какого-то старомодного милосердия* (М. Палей. Кабирия с Обводного канала).

Отмечаются отдельные случаи смещения в семантике обозначений участливости положительной оценки на отрицательную: *с его непостижимо жестоким милосердием* (Ю. Буйда. Живем всего два раза); *а отзывчивость с легковерием [...] – это уже из разряда проблем* (Г. Щербакова. Косточка авокадо); *пугаясь её чуткости, только усилившей вспыхнувшую в нём тревогу* (К. Симонов. Так называемая личная жизнь / Мы не увидимся с тобой).

Оценка в семантике лексемы влияет на её способность именовать объекты других сфер действительности. Так, в результате наличия оценочного компонента в семантике обозначений участливости в русском языке данные единицы употребляются для именованя свойств животных (*Безотказность у вашей собаки совершенно неотработана* (И. Меттер. Мухтар)), частей тела (*пальцы прикасались к вещам с материнской бережностью* (Г. Николаева. Битва в пути); *глаза, жестокие в своей заботливости* (И. Эренбург. Оттепель)), голоса (*Деловитая заботливость слышалась в ее голосе* (В. Гендряков. Не ко двору); *с искренней участливостью спросил вдруг посторонний голос* (В. Шукшин. Дождь на заре), характеристик результатов интеллектуально-творческой деятельности (*Он сочинял стихи, Николай, и пел печальные песни. И в них была блатная жалостливость* (В. Высоцкий. Роман о девочках), качеств Бога (*Люди, говорящие о безграничном милосердии Бога* (В. Войнович. Замысел), свойств неодушевленных предметов (*а таблетки... В них действительно столько милосердия* (П. Мейлахс. Избранник).

Таким образом, анализ контекстов употребления обозначений участливости, проведённый на основании данных национальных корпусов, позволил выявить потенциальные семантические возможности, а также выявить те семы, актуализация которых особенно значима в контексте. Так, в английском языке частотно поддержание сем ‘to show’ ‘демонстрировать’, ‘for others’ ‘для других’, в белорусском языке – семы ‘станоўчая ацэнка’. Совпадение в английском, белорусском и русском языках отмечается по актуализации семы ‘category of people’ / ‘катэгорыя асоб’ / ‘категория лиц’ при частотности указания на мать в белорусском и русском языках.

В английском и белорусском языках в тексте актуализируется сема 'religiousness'/'рэлігійнасць', в английском и русском – семы 'quantity' / 'количество', 'to show' / 'демонстрировать', 'for others' / 'для других'. В белорусском и русском языках на основании функционирования наименований участливости в тексте происходит актуализация следующих потенциальных сем: 'пол' / 'пол', 'інтэнсіўнасць' / 'интенсивность', 'чалавечаяе' / 'человеческое', 'час' / 'время', 'няўстойлівасць' / 'непостоянство', 'прыроджанасць' / 'врождённость', 'набыты' / 'приобретённость'. Общим является способность оценочной направленности в семантике рассматриваемых единиц модифицироваться, смещаясь с положительного полюса на шкале оценок в сторону отрицательного. Для английского языка характерна также актуализация сем 'necessity to struggle' 'необходимость добиваться', 'hierarchy' 'иерархичность'. Обозначения участливости при функционировании в художественном тексте способны развивать вторичные значения, что проявляется в их употреблении для наименования не моральных качеств человека, а качественных и количественных свойств других объектов окружающей действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bnkorporus.info/korpus.html>. – Дата доступу: 16.01.2023.
2. Большой академический словарь русского языка: [в 23 т.] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – СПб.: Наука, 2004–2014. – 23 т.
3. Гак, В. Г. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова / В. Г. Гак // Вопр. языкознания. – 1966. – № 2. – С. 97–105.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.

5. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа: 15.01.2023.
7. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего: от замысла к высказыванию / Б. Ю. Норман. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: URSS, 2011. – 232 с.
8. Романовская, А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. – Минск: Мин. гос. лингвист. ун-т, 2013. – 132 с.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – 4 т.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984. – 5 т.
11. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства ; уклад. : І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2016. – 968 с.
12. Шрамм, А. Н. Структурные типы лексических значений слова (на материале качественных прилагательных) / А. Н. Шрамм // Филол. науки. – 1981. – № 2. – С. 58–64.
13. British National Corpus (BNC) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. – Date of access: 17.01.2023.
14. Oxford dictionary of English / ed.: C. Soanes, A. Stevenson. – 2 ed., rev. – New York: Oxford Univ. Press, 2005. – XXI, 2088 p.
15. The Oxford English dictionary: in 12 vol. / ed.: J. A. H. Murray [et al.]. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1961. – 12 vol.

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ СЕТЕВЫХ ТОК-ШОУ И ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ К НИМ

Статья рассматривает речевые акты побуждения в русских и английских сетевых ток-шоу и интернет-комментариях к ним. Показано, что прагматика оказывает сильное влияние на функционирование речевых актов побуждения в живой речи, что выражается в их полифункциональности. Описано многообразие средств выражения модальности побуждения в русских и английских сетевых текстах. Показано влияние лингвокультурологических и жанрово-прагматических факторов на употребление и количественную представленность речевых актов побуждения в сетевых ток-шоу и интернет-комментариях.

Наличие намерения и цели высказывания является важным компонентом каждой реплики диалога. В речи коммуникативное намерение реализуется с помощью иллокутивных глаголов и речевых актов (далее РА), эксплицирующих интенции говорящих. «Чтобы общаться, мы должны выражать суждения с определенной иллокутивной силой, и при этом мы выполняем определенные виды действий, такие как сообщение, обещание, предупреждение об опасности и т. д., которые стали называться речевыми актами» [5, с. 331]. Таким образом, в зависимости от цели высказывания мы выбираем определенные речевые акты, которые максимально точно могут выразить нашу коммуникативную интенцию и вызвать определенную реакцию собеседника. В настоящее время классификации РА многочисленны и трудно сводимы к какому-то одному знаменателю. Их широкая представленность обусловлена разнообразием коммуникативных интенций в речи людей. Данная статья рассматривает речевые акты побуждения в русских и английских ток-шоу и интернет-комментариях к ним. Материалом исследования послужили ток-шоу с участием актеров и интернет-комментарии к ним (по 8 фрагментов в

русском и английских языках (объем одного фрагмента 1000 слов)). Список цитируемых интернет-текстов приводится в конце статьи. Для рассматриваемых ток-шоу характерна умеренная степень полемики и экспрессии, отсутствие инвективов. В центре внимания находятся театральнo-кинематографические темы, которые одновременно и профессиональны и общеинтересны.

Реальная жизнь поразительно полно отражается и воспроизводится в Интернете. Общение, опосредованное компьютером и Интернетом, становится одним из ведущих способов коммуникации. Стремительно развившееся в XXI веке интернет-пространство использует возможности языка с небывалой прежде свободой и полнотой, создавая максимально подробный речевой портрет своего времени. Особенно ярко это проявляется в таких жанрах Интернет-коммуникации как ток-шоу и интернет-комментарии. Для рассматриваемых жанров характерна направленность на собеседника, внимание к процессу коммуникации, к своей собственной речи и речи участников ток-шоу и пользователей сети Интернет. Участники интернет-дискуссий сознательно или неосознанно пытаются оказать определенное воздействие на собеседника (вызвать интерес, заинтриговать, рассмешить, убедить), выразить своё положительное (восхищение, одобрение) или отрицательное (возмущение, недовольство) отношение. Здесь переплетаются и смешиваются спонтанные проявления эмоций и взвешенные речевые ходы, импульсивность и необходимость следовать нормам коммуникативного поведения и многое другое, что объясняется сложностью психологической природы человека, которая проявляется в полном объеме в рассматриваемых интернет-жанрах и имеет непосредственное отражение в тех или иных модальных значениях. В отличие от других интернет-текстов сетевое комментирование анонимно, автор свободен написать все, что чувствует, думает, предполагает, как понимает и как оценивает, что имеет непосредственное выражение в речи коммуникантов.

Интернет-комментарии, с одной стороны, представляют письменную речь, но, с другой стороны, непосредственно отражают живую спонтанную устную речь, то есть в этом жанре происходит органическое соединение свойств устной и письменной речи.

Более широко модальность побуждения представлена в русском материале в обоих рассматриваемых жанрах. Количественная представленность РА побуждения выше в русских и английских сетевых комментариях по сравнению с ток-шоу (85 факта употребления vs 70 в русском материале и 33 vs 14 в английских текстах соответственно).

В русских интернет-текстах иллокуция побуждения выражается следующими способами: 1) глаголы в форме повелительного наклонения (*Изучите тему* [Мирн]); 2) высказывания с модальными глаголами *надо*, *нужно* (*А еще его нельзя слушать фоном, его **нужно** смотреть* [Макр]); 3) неглагольные слова в императивном значении (конструкции с родительным или винительным падежом) (*Меньше зависти, дамы!* [Борск]; *Мозгов как раз тебе!* [Снатк]); 4) высказывания с иллокутивными глаголами с семантикой побуждения (*И вам **советую** попробовать также, а не выливать тут свое недовольство и злобу* [Кулк]); 5) побудительные коммуникативные клише (*Закрой пасть* [Макр]; *Увольте* [Мирн]); 6) риторический вопрос побуждения (*Так зачем замечать недостатки???* [Борск]); 7) сослагательное наклонение (*Вам бы в церковь сходить* [Борск]); 8) высказывания с вводными словами или глаголами в повелительном наклонении в функции акцентуации (*Вы **посмотрите**, это сегодня абсолютный тренд; **Поверь**, у нее дьявольский талант во лжи* [Борск]. В английском материале модальность побуждения выражается посредством: 1) императивных высказываний (*Stop arguing, please* ‘Перестаньте спорить, пожалуйста’ [Mullg]); 2) конструкций с *should* (*I think they **should pick** Benedict for the next James Bond* ‘Я думаю, что они должны выбрать Бенедикта для следующего Джеймса Бонда’ [Cumbr]); 3) высказываний с модальными глаголами *have to*, *can*, *need* (*You don't have to referee or police the world* ‘Вам не нужно судить и контролировать этот мир’, *We definitely need more*

of these kind of interviews ‘Нам определенно нужно больше таких интервью’);
4) РА с иллокутивными глаголами побуждения (*I really recommend it to anyone* ‘Я действительно рекомендую это всем’).

Следует отметить полифункциональность выделяемых в исследовании РА. Побудительные высказывания выражают широкий спектр модальных значений: просьба, требование, совет, запрещение, активизация внимания, пожелание. Однако в интернет-текстах рассматриваемого жанра эти значения приобретают дополнительные смысловые оттенки. Основное модальное значение побудительных речевых актов в русских интернет-комментариях – выражение неодобрения, недовольства, возмущения, упрека: *Пишите для начала без ошибок, а далее злобствовать прекращайте, женщина!* [Борск]; *Хватит тут умничать* (еще и метаязыковой РА) [Кулк]. *Не судите по себе!* [Макр]; *Закрой пасть* [Макр.]; *Хватит тут умничать; Смотри не захлебнись в собственной злобе* [Кулк]; *Mind your manners!* ‘Следите за манерами’; *Stop trying to lecture me* ‘Прекратите учить меня’; *Fire your makeup artists* ‘Увольте ваших визажистов’ [Mullg]. Русские собеседники легко сближаются во время коммуникации, дают советы, побуждают и запрещают. Такие эмоционально-насыщенные высказывания максимально представлены в русских интернет-комментариях и вторые по представленности в английских комментариях. Удельный вес таких высказываний 59% в русских интернет-текстах от общего количества выявленных фактов побудительных высказываний и 28% – в английских. Такие РА очень экспрессивны, а значит и прагматичны.

В русском материале в отличие от английских текстов широко представлены высказывания с деонтическим глаголом *надо*, побуждающие к какому-либо действию или состоянию: *И, думаю, ну, надо посмотреть, надо, а то Звягинцев обидится* [Ходч]; *Есть ритуал гнева, я вам потом расскажу, вам надо выплескиваться* [Алдн]).

В английских текстах основное значение императивных высказываний – это довольно мягкое побуждение, по сравнению с русским материалом, совет, рекомендация. Незначительный удельный вес РА побуждения в английском

материале объясняется стремлением английских речевых партнеров избежать прямого коммуникативного воздействия на собеседника или минимизировать его, не навязывать своего мнения проявляют тенденцию к смягчению сообщаемого. Бóльшая часть РА побуждения в русском материале обращена к конкретному собеседнику (2-е) лицу, в то время как в английском материале довольно часто такие высказывания апеллируют к 3-ему лицу, не участвующему в дискуссии, то есть адресованы не речевому партнеру, а всем (потенциальной аудитории). Это говорит о более косвенном характере коммуникации английских собеседников, их стремлении избежать конфликтных ситуаций, не быть слишком прямолинейными.

Особый интерес в русских интернет-текстах представляют случаи употребления сослагательного наклонения с императивным оттенком для выражения отрицательного эмоционально-оценочного отношения к субъекту действия: *Ведущая громкоголосая неискренняя дама. Писала бы себе и писала. Ну зачем в телевизор-то!* [Макр]; *Хоть бы немножечко порылась бы в биографии Марии!...+ еще перебивает ее постоянно!* [Кулк].

Только в русских интернет-комментариях повелительное наклонение используется в речевых актах благопожелания (14% в общем количестве повелительных высказываний), которые адресуются обсуждаемому в комментариях актеру и выступают как способ выражения положительных эмоций, восхищения и одобрения (*Храни Вас Бог; Оставайтесь такой всегда!* [Борск]). Эти речевые акты выражают доброжелательное отношение к адресату, симпатию, демонстрируют открытость.

Следует отметить, что в русских ток-шоу широко представлены высказывания, в которых присутствуют вводные слова или глаголы в функции акцентуации внимания слушающего (*Понимаете, вот для этого был сделан проект; Представляете насколько сложнее быть таким популярным во время, когда нет магнитофона* [Сигл]). Такие высказывания составляют 37,1% во всей совокупности РА побуждения. Основная коммуникативная цель таких высказываний привлечь внимание собеседника, повысить уровень

эмоциональной насыщенности, вызвать интерес, эмпатию собеседника. В некоторых случаях такие слова повышают полемичность сообщаемого.

Таким образом, несмотря на то что грамматический императив составляет ядро побудительной модальности, прагматика побуждения гораздо шире высказываний с формами повелительного наклонения.

Иллокуция побуждения в английских интернет-комментариях часто выражается при помощи конструкций с *should* для выражения действия, которое говорящий считает целесообразным в определенной ситуации (*They should do that for other professions* ‘Им следует сделать это для других профессий’ [Ronn]). Такие речевые акты побуждения звучат мягко и неимперативно, выражают желаемое действие в отношении неприсутствующих лиц: «The most frequent uses of *should* are to indicate what the speaker considers to be the ideal or desired state of affairs» ‘Наиболее частое использование *should* указать на то, что говорящий считает идеальным или желаемым положением дел’ [4, с. 653]. «Used to say what is right or sensible thing to do» ‘Используется, чтобы сказать, что правильно или разумно сделать’ [6, с. 1523]. Интересно, что в английском материале не только высказывания с *should* могут выражать желательность действия, но и такие речевые акты побуждения, как *Don't ever stop making these* ‘Никогда не прекращайте делать это’ [Ston]; *Someone please put these two in a movie together* ‘Пожалуйста, поставьте их обоих в фильм’ [Ronn].

В английских и русских интернет-текстах выявлены случаи употребления повелительного наклонения для создания юмористического эффекта (*Someone please put these two in a movie together immediately* ‘Кто-нибудь, пожалуйста, немедленно соедините этих двоих в одном фильме’).

РА побуждения значительно преобладают в русском материале. В русских интернет-комментариях рассматриваемые РА акты преобладают в 2,5 раза, в русских ток-шоу их представленность выше в 5 раз. В отличие от английских собеседников, русские коммуниканты более широко и свободно используют речевые акты побуждения (*Поди маме помоги посуду помыть, пользы больше;*

Не болтай, Таня, Дашенька красотка [Морз]; *Не судите по себе!* [Макр]; *Ну, так и не смотрите, но не мешайте нам смотреть* [Кулк]). Повелительное наклонение в русских интернет-комментариях представлено значительно шире и в большем разнообразии модальных значений.

Таким образом, национально-культурный фактор определяет количественную представленность РА побуждения и их прагматику употребления, в то время как жанр определяет степень эмоционально-экспрессивной насыщенности побудительных высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур; вступ. ст. Л. П. Крыкина. – Изд. 3-е. – М.: URSS: ЛКИ, 2007. – 171 с.
2. Гловинская, М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М. Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / Т. Г. Винокур [и др.]; отв. ред.: Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. – М., 1993. – С. 158–217.
3. Ларина, Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации: на материале английской и русской коммуникативных культур: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Т. В. Ларина; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2003. – 32 с.
4. Carter, R. Cambridge grammar of English: a comprehensive guide: spoken a. written Engl. grammar a. usage / R. Carter, M. McCarthy. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. – X, 973 p.
5. Cruse, D. A. Meaning in language: an introduction to semantics and pragmatics / D. A. Cruse. – Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2000. – XII, 424 p.
6. Fintel, K. von. Modality and language / K. von Fintel // Encyclopedia of philosophy / ed. D. M. Borchert. – 2nd ed. – New York, 2006. – P. 20–27.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ ЧАСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются характерные черты, которые позволяют относить библеизмы к разряду фразеологизмов, а также анализируются различные подходы классификации библеизмов как фразеологических единиц.

Разговор об особенностях библеизмов как фразеологизмов подразумевает необходимость выделения основных черт, характерных для фразеологизмов. В русском языкознании имеется много работ по фразеологии. По мнению лингвистов (Е.Ф. Арсентьев, В.В. Виноградов, И.А. Мельчук, Н.М. Шанский), наиболее универсальными и однозначными признаками, присущими большинству единиц класса фразеологизмов и отличающими их от единиц других классов (слов, свободных словосочетаний), являются:

1) воспроизводимость – в речи фразеологизм воспроизводится как готовая целостная единица (главное свойство, коренным образом обособливающее его от свободных сочетаний слов и вместе с тем сближающее его со словами местного эталона) [4, с. 64];

2) раздельнооформленность (сверхсловность) – фразеологическая единица состоит не менее чем из двух компонентов знаменательных частей речи (основное качество, полностью отграничивающее ее от слов и, вместе с тем, приближающее ее к свободным словосочетаниям) [4, с. 66];

3) устойчивость – смысловое единство и неразложимость компонентов фразеологизма (ФЕ);

4) Семантическая целостность, то есть внутреннее семантическое единство компонентов фразеологической единицы (потеря его собственного лексического значения фразеологизмов).

По нашему мнению, библейские словосочетания и библейские предложения уникально обладают первыми двумя функциями (воспроизводимость и раздельнооформленность), поскольку все они состоят из двух или более лексических единиц и уже существуют в языке и речи в готовой форме (*хлеб насущный, костюм Адама*). Можно также говорить об устойчивости, присущей многим библеизмам (*притча во языцех, хранить как зеницу ока*). Этим свойством обладают не все библеизмы (отметим следующие неустойчивые единицы: *отпускать хлеб по водам, сучок в чужом глазу*).

На наш взгляд, библеизмы с компонентом имени собственного (*Адамово яблоко, Ноев ковчег, Вавилонское столпотворение*) или с компонентом, устаревшим в современном языке (*притча о городе, глас плачущего в пустыне*), обладают большей степенью устойчивости. Что касается семантической целостности, то большинство единиц рассматриваемого нами класса также обладают ею (*альфа и омега* ‘начало и конец чего-либо’; *агнец Божий* ‘тихий, смиренный человек’).

Выделяются различные подходы к классификации библейских выражений. Рассмотрим некоторые из них.

Структурно все библейские идиомы делятся на библейские идиомы, библейские идиомы-фразы и библейские идиомы-предложения. Это самая простая и обобщенная классификация, на основе которой лингвисты и теологи построили дальнейшие исследования. При рассмотрении первой группы целесообразно дополнительно подразделить:

- библеизмы-имена собственные (*Адам, Каин*);
- топонимы (*Содом и Гоморра, Вавилон, Голгофа*);
- библеизмы-религиозные реалии (*крещение, ангел, елей*).

В лингвистической литературе можно найти различные варианты классификации библейских единиц как фразеологизмов (А. Бирих и Й. Матешич, В.Г. Гак, Ю.А. Гвоздарев, Н.П. Матвеева, А.А. Меликян.).

Рассмотрим существующие классификации библеизмов, основанные на семантической целостности.

Исследователи-лингвисты А. Бириха и Й. Матешича (Германия) предлагают соответствующее разделение:

1) выражения, встречающиеся в Библии, выделяются полнотой значения (*хранить как зеницу ока, альфа и омега*);

2) фразеологизмы, сформированные на основе свободных фраз Библии, но приобретшие иное фразеологическое значение (*зарывать талант в землю*);

3) фразеологизмы, семантически определенные библейскими текстами (*запретный плод, костюм Адама*);

4) ФЕ, обусловленные общим содержанием Библии (*конец света*).

Сходную классификацию предлагает Н.П. Матвеева:

1. Добиблейский ФЕ (*корень зла, соль земли*). Это фразеологизмы, уже употреблявшиеся в Библии как метафорические обобщенно-образные обороты. Группа добиблейских фразеологизмов включает многочисленные собственно библейские метафорические обороты, применимые в притчах и проповедях Иисуса Христа, пророков, евангелистов (*сучок в чужом глазу 'чужой изъян'*).

2. Постбиблейские ФЕ подразделяются еще на две подгруппы:

а) библейские фразеологизмы, возникшие в результате метафоризации библейских свободных фраз (*зарыть талант в землю, избивение младенцев*). Многие из таких фразеологизмов являются интернациональными;

б) библейские фразеологизмы, которые не приводятся в Библии, но уже сформировались в языке на основе некоторых сюжетов. Например: *отпускать хлеб свой по водам*. Такие библеизмы, как правило, не встречаются в иных языках и могут быть названы национально заимствованными.

Интересна классификация по принципу наличия/отсутствия прототипа ФЕ в библейском тексте, предложенная А.А. Меликян. По мнению этого исследователя, все библеизмы делятся на две большие группы:

1. Имеющий библейский прототип: а) ФЕ вторичной номинации (переосмысленные свободные сочетания слов), например, *хлеб насущный*;

б) ФЕ третичной номинации (переосмысленные образные обороты, часто искаженные из-за неправильного цитирования или понимания);

2. Не имеющие прямого библейского прототипа: а) фразеологические единицы, компоненты которых используются в Библии в их буквальном значении, но не образуют вариативного сочетания (англ. *loaves and fishes* ‘земные блага’); б) фразеологические единицы, восходящие к библейскому сюжету, в котором только один или не упоминается ни один компонент фразеологизма (*Фома неверующий*).

Особенно любопытна структурно-семантическая классификация, разработанная В.Г. Гаком. Ее цель – объяснить зарождение той или иной фразеологической единицы и ее связь с библейским источником. Тесная связь может определяться прямым цитированием текста Священного Писания, а косвенная ее форма позволяет считать правомерность отнесения подобных выражений к библеизмам более чем спорной. В процессе разработки своей классификации В. Г. Гак обращался к сравнению русских библейских текстов с французскими, что в свою очередь дает возможность получить более полное представление о функционировании лексических единиц данной категории. Соотношение библейских фраз и текста Священного Писания служит основой для выделения ученым пяти оппозиций фразеологических единиц, восходящих к Библии (при этом, как считает автор, отдельные библейские фразы могут быть предметом нескольких оппозиций одновременно):

1) цитатные / ситуативные фразеологизмы библейского происхождения (*Ноев ковчег*);

2) первичные/ вторичные библеизмы;

3) непосредственные / опосредованные фразеологизмы библейского происхождения (*а судьи кто?* – данный фразеологизм по происхождению восходит к Библии, однако в речь вошел благодаря другому произведению);

4) прямые / переосмысленные (значение которых подверглось трансформации) библеизмы (например, *глас вопиющего в пустыне*);

5) оппозиция по принципу наличия / отсутствия конкретного библеизма в языке: в ходе сопоставления языков выясняется, что не все библеизмы закрепляются в обоих языках.

Перечисленные выше классификации указывают на высокий интерес русскоязычных лингвистов к изучению библеистики. Русскоязычные исследователи, в настоящее время уделяющие внимание вопросам английской фразеологии (А.П. Корнеева, С.В. Мясникова), также ссылаются в основном на работы отечественных авторов либо на словари английских идиом и англоязычные изыскания в смежных областях (стилистика, грамматика, литературоведение).

Таким образом, библеизмы и фразеологизмы обладают многими сходными характеристиками. Можно целиком и полностью проследить, что в первых присутствуют наиболее типичные фразеологические признаки (воспроизводимость и сверхсловность).

Фразеологизмы библейского происхождения являют образную систему, с яркой выразительностью и глубоким нравственным содержанием.

Библия считается самой популярной книгой для всего человечества, ее тексты неоднократно читаются и повторяются на церковных службах, на семейных чтениях. Неудивительно, что многие высказывания и цитаты вошли в ряд крылатых и часто употребляются в литературном языке. Интерес к такого рода выражениям в последнее время только усилился. Как результат, увеличилась доля библейских фраз в новейших словарях и справочниках, в повседневной, особенно журналистской, речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих, А. Из истории русских библейских выражений / А. Бирих, Й. Матешич // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 5-6 – С. 41-47.
2. Гак, В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами). / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 55-65.
3. Корнеева, А.П. Английские фразеологические единицы библейского происхождения в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филолог.

наук: 10.02.04 / А.П. Корнеева; Московск. Открыт. Социальн. Академия – Москва, 2009. – 27 с.

4. Шанский, Н.М. О фразеологизме как языковой единице и предмете фразеологии / Н.М. Шанский // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума, Тула, ноябрь 1968 г. / Тульск. гос. пед. инст.; редкол.: В. Л. Архангельский [и др.]. – Тула, 1968. – С. 7-14.

СПЕЦИФИКА ВОССОЗДАНИЯ ПОЛЬСКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА ТАМОЖЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье на примере гипертекста рассмотрены особенности воссоздания польскоязычного текста на русском языке. Обращено внимание на теорию закономерных соответствий. Проанализированы особенности в лексическом и грамматическом строе польского и русского языков. Продемонстрированы различия в категории рода, направлении глагола / предлога в языковой паре. Подчеркнута необходимость замены части речи в определенных случаях. Отмечены различия в употреблении форм глагола в польском и русском языках, которые проявляются в категориях вида, времени, наклонения, выражении лица. Предложены переводческие решения при передаче языковых единиц. Объяснена замена падежных конструкций. Приведены возможные переводческие трансформации (конкретизация, антонимический перевод, добавление, опущение).

Польский и русский языки принадлежат к славянской языковой группе и имеют много схожего. Однако при переводе следует учитывать различия языковой пары, проявляющиеся на всех языковых уровнях.

Я. И. Рецкер, предлагая теорию закономерных соответствий, подразделяет соответствия на [2, с. 11–21]:

- *формальные* – эквиваленты, установившееся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов (словарные соответствия или эквиваленты, которые являются постоянным, равнозначными, не зависящие от контекста);
- *функциональные* – варианты и контекстуальные соответствия (устанавливаются между словами в том случае, когда в языке перевода существует несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова);
- все виды переводческих трансформаций.

На примере гипертекста «Psy w Służbie Celnej» [1] рассмотрим наиболее характерные особенности при переводе польскоязычного текста на русский язык.

Конкретизация. Во некоторых случаях требуется выбор одного из значений слова, реализующееся к контексте: *funkcjonariusz* – ‘таможенник’; *opiekun* – ‘смотритель’; *hodowca* – ‘собаковод’; *hodowla* – ‘разведение собак’; *przewodnik* – ‘сопровождающий собаку’; *instruktor* – ‘инструктор по обучению собак’; *pogromca* – ‘укротитель’; *handlarz* – ‘торговец собаками’; *koordynator* – ‘координатор по работе с собаками’; *sprawca* – ‘лицо, совершившее поступок’; *rozbitki* – ‘потерпевшие в результате катастрофы’; *mundurowi* – ‘офицеры’; *dziadkowie* – ‘дедушка и бабушка’; *rodzeństwo* – ‘брат и сестра’.

Антонимический перевод: *niebawem* – ‘скоро’; *niebezpieczne* – ‘опасные’; *sukcesów nie brakuje* – ‘достаточно успехов’.

Передача категории рода существительного. В польском языке слово *owczarek* принадлежит к мужскому роду, о чем свидетельствует суффикс –ек, и переводится на русский язык существительным женского рода – ‘овчарка’. При этом в польском языке в названиях некоторых пород используется суффикс –к для обозначения особи женского пола – *labradorka*, которое на русский язык переводится существительным мужского рода – ‘лабрадор’, обозначающим особей обоих полов.

Замена частей речи. Часто замена части речи сопровождается добавлением / опущением, заменой падежных конструкций: *port lotniczy* – существительное + прилагательное – сложное существительное – ‘аэропорт’; *poczekalnia* – отглагольное существительное – существительное + отглагольное существительное – ‘зал ожидания’; *w przeddzień* – предлог + существительное – причастие – ‘накануне’; *od lat* – предлог + существительное – причастие обозначающее количество + существительное – ‘много лет’; *czworonóg* – сложное существительное, состоящее из основы числительного и существительного + сложное прилагательное, состоящее из основы числительного и существительного + существительное – ‘четвероногий друг’.

Особенности передачи глагольных конструкций. Различия в употреблении форм глагола в польском и русском языках проявляются в категориях вида, времени, наклонения и т. д. В при переводе сложного предложения во вводной конструкции следует указать лицо глагола, которое выводится из зависимой части, а также обязательным является использование местоимения *Muszę przyznać, że byłem pod wrażeniem poziomu...* – ‘Я должен признать, что был впечатлен...’. В польском языке личное окончание глагола пишется вместе с частицами «бы», «чтобы», а местоимение обычно отсутствует в любом наклонении, что необходимо учитывать при переводе на русский язык, добавляя местоимение: *miałbym pracować* – ‘я работал бы’; *Gdybym miał* – ‘Если бы я имел’; *Zaczęłem z nimi pracę i chciałbym ją kontynuować* – ‘Я начал с ними работу и хотел бы ее продолжать’; *chciałbym podkreślić* – ‘я хотел бы подчеркнуть’; *nie mogłabym przewidzieć* – ‘я не могла бы предположить’; *Pilnowała, abym się powoli i w swoim tempie uczyła* – ‘Она контролировала, чтобы я училась потихоньку и в своем темпе’; *żebym potem umiała się po nich poruszać* – ‘чтобы я потом умела по ним двигаться’; *abym nie mogła znaleźć* – ‘чтобы я не могла найти’; *żebyśmy obie zdały* – ‘чтобы мы обе сдали’; *mógłby zostać i nie pójść* – ‘он мог бы остаться и не пойти’; *jeśli mógłbym przeżyć ten czas jeszcze raz, zrobiłbym to samo* – ‘если бы я мог прожить это время еще раз, я сделал бы то же самое’; *Chciałabym jak najdłużej z nią pracować i jej pomagać, aby mogła być ze mnie dumna* – ‘Я хотела бы как можно дольше с ней работать и ей помогать, чтобы она могла мной гордиться’; *Mogłaby jeszcze wiele powiedzieć o Herosie, ale nie wiem ilu byłoby chętnych do czytania* – ‘Она могла бы еще многое сказать о Геросе, но не знаю, сколько было бы желающих читать’.

Направление глагола / предлога. Наиболее часто встречающимися различиями в использовании предлогов в польском и русском языках является использование предлогов *przez* и *po*.

Предлог *przez* может обозначает исполнителя действия или временной отрезок, в польском языке требует винительного падежа, в русском языке исполнитель действия выражается творительным падежом без предлога,

временной отрезок передается без предлога, возможно выражением «на протяжении + родительный падеж): *przez niemiecką szkołę* – ‘немецкой школой’, *przez izby celne* – ‘таможенными палатами’; *przez lekarza weterynarii* – ‘врачом-ветеринаром’; *przez celników* – ‘таможенниками’; *przez psa* – ‘собакой’; *przez regionalnych trenerów* – ‘региональными тренерами’; *przez Ośrodek Szkoleniowy* – ‘Учебным центром’; *przez hodowcę* – ‘собаководом’; *przez człowieka* – ‘человеком’; *przez czworonogi* – ‘четвероногими’; *przez zespół* – ‘коллективом’; *przez przewodnika* – ‘сопровождающим’; *przez koordynatora* – ‘координатором’; *przez Komendę Wojewódzką Policji* – ‘Воеводским командованием полиции’; *przez mnie* – ‘мною’; *przez kierowcę* – ‘водителем’; *przez matkę* – ‘матерью’; *przez funkcjonariuszy* – ‘должностными лицами’; *przez opiekuna* – ‘опекуном’; *przez Służbę Celną* – ‘Таможенной службой’; *przez dealerów* – ‘дилерами’; *przez policyjnych instruktorów* – ‘полицейскими инструкторами’; *przez blisko osiem lat* – ‘на протяжении около восьми лет’; *przez 9 lat* – ‘9 лет’; *przez dłuższy czas* – ‘длительное время’; *przez cały okres* – ‘весь период’; *przez cały 2015 rok* – ‘на протяжении всего 2015 года’; *przez te wszystkie lata* – ‘все эти годы’.

Одним из значений предлога «ро» является более позднее время: *po fazie testowej* – ‘после пробного периода’; *po służbie* – ‘после службы’; *po zaledwie pięciu miesiącach* – ‘через всего пять месяцев’; *po dziesiątkach rozmów telefonicznych, wielu odwiedzinach w hodowlach* – ‘после десятков телефонных разговоров, многих визитов в питомниках’; *po dwóch tygodniach* – ‘через две недели’; *po udaniu się* – ‘после отправления’.

Различия в использовании падежа после глагола / предлога: *pies szuka zapachu* (Р. п.) – ‘собака ищет запах’ (В. п.); *poszukują wyrobów tytoniowych* (Р. п.) – ‘ищут табачные изделия’ (В. п.); *nabór do służby* (Р. п.) – ‘набор на службу’ (В. п.); *z bazy korzystają* (Р. п.) – ‘базой пользуются’ (Т. п.); *z partnerem przy nodze* (П. п.) – ‘с партнером у ноги’ (Р. п.); *zwalczanie przestępczości* (Р. п.) – ‘борьба с преступностью’ (Т. п.); *to pies o ogromnej inteligencji i silnym instynkcie łowieckim* (П. п.) – ‘это собака с огромным умом и сильным

охотничьим инстинктом' (Т. п.); *dwa tygodnie przed wyjazdem* – 'за две недели перед отъездом'; *zabezpieczenia przed przywozem i wywozem* (Т. п.) – 'защита от ввоза и вывоза' (Р. п.); *miejsce na wypoczynek* (В. п.) – 'место для отдыха' (Р. п.); *rozwalał na pobyt* – 'разрешает пребывать'; *szuka papierosów i tytoniu* (Р. п.) – 'ищет сигареты и табак' (В. п.); *zapobiegają pojawieniu się ataku* (Д. п.) – 'предотвращают наступление приступа' (В. п.); *krok do przodu* – 'шаг вперед'; *pozwolić na wszystko* – 'разрешить все'; *szczeka przez sen* (В. п.) – 'лает во сне' (П. п.); *o imieniu* – 'по имени'; *wspomagały śląskich celników* (Р. п.) – 'помогали силезским таможенникам' (Д. п.); *klócić się o zabawę i ulubione zabawki* (В. п.) – 'ссориться из-за игры и любимых игрушек' (Р. п.); *cieszy się z tego* (Р. п.) – 'радуется этому' (Д. п.); *po nich się poruszać* (П. п.) – 'двигаться по ним' (Т. п.); *towarzyszył im przewodnik* (Д. п.) – 'их сопровождал проводник' (Р. п.).

При воссоздании польскоязычного текста средствами русского языка следует учитывать контекст, грамматические и лексические особенности обоих языков. При необходимости для достижения адекватности текста перевода целесообразно применение трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Psy w Służbie Celnej // Wiadomości celne. – Warszawa, 2016. – Nr 5–6.
2. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М: Р. Валент, 2007. – 237 с.

«ОСОБЕННОСТИ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА»

Как известно, поэзия – очень интересный самобытный литературный жанр и достаточно важная область художественного творчества, уходящая своими корнями в глубокую древность. Высокий лиризм, оригинальность, а подчас и оригинальность форм делают ее объектом постоянного интереса и внимания читателей и авторов различных школ, говорящих на всех языках мира. Однако для того, чтобы в полной мере оценить это неповторимое своеобразие и красоту, не обойтись без художественного поэтического перевода, осуществление которого требует больших творческих усилий, достаточного объема знаний, большого словарного запаса и многого другого.

Нетрудно предположить, что существует несколько видов поэтического перевода. Для *прозаического перевода* характерно то, что «результат» представляет собой прозаический текст, максимально приближенный к оригиналу по смысловому и информационному содержанию и сохраняющий его эстетическую составляющую. *Поэтический перевод*, сохраняющий все характерные черты поэтического текста, кроме рифмы. Другими словами, этот вид перевода выполняется в виде белого стиха. Следует отметить, что белый стих весьма оригинален по форме, размерности и часто по поэтическим свойствам, а именно возвышенности и красоте звучания, может превосходить даже полностью рифмованный поэтический текст. *Стихотворный перевод*, который по праву можно считать самым сложным видом исполнения, так как он стремится как сохранить ритмический рисунок оригинального произведения, так и с максимальной точностью передать подлинное авторское звучание. Именно этот вид перевода является предметом подробного рассмотрения в нашей работе.

Под термином «поэтический перевод» понимают создание поэтического текста, соответствующего оригиналу по смыслу, форме и художественным качествам, с использованием всех характерных элементов поэтического произведения, в том числе и рифмы. Стихотворный перевод является вершиной

художественного перевода текста, так как требует от переводчика не только литературного таланта и умения писать стихи, но и умения сохранять первоначальный смысл, идею и даже литературные приемы отдельного автора в поэтической форме другого языка [1].

Если все остальные виды перевода стихов, о которых говорилось выше, имеют определенные ограничения и условия их использования, то о поэтическом переводе этого нельзя сказать - он может применяться абсолютно во всех случаях. Проблемными сторонами данного вида переводческой деятельности являются: высокий уровень сложности, значительная трудоемкость и безусловная потребность в профессиональном опыте и даже мастерстве переводчика. Перевод стихов с любого языка мира на русский язык и наоборот требует обязательного баланса между эстетической красотой полученного стиха и точностью перевода всех составляющих его слов. Только качественный перевод поэтического текста может звучать красиво, убедительно и максимально точно, передавая его суть и смысл максимально близко к оригиналу.

Перевод поэтических текстов – это настоящее искусство владения словом нескольких языков одновременно. Для проведения такой работы необходимо, прежде всего, определить основные характеристики и особенности конкретного стиха: рифмовку, размер стихосложения, наличие тропов, фигур и возможные варианты их точного и правильного перевода. Основной проблемой, стоящей в этом случае перед переводчиком, является сама структура поэтического текста, предполагающая использование рифмы и соблюдение определенного метража. Именно поэтическая структура доставляет столько трудностей при создании текста, адекватного оригиналу на другом языке. Ведь совершенно очевидно, что язык перевода может существенно отличаться от языка источника как по стилистическим, так и по структурным особенностям, что вызывает необходимость так называемого «переплавления» авторских идей и образов в формы конечного языка.

Когда переводчик берется за работу, ему, прежде всего, необходимо решить, будут ли размер и рифмовая структура соответствовать оригиналу. Если же он все-таки решит изменить структуру стиха, то надо определить, какое толкование лучше предпочесть, при этом всегда учитывая само смысловое содержание стихотворения: его внешняя форма должна соответствовать смыслу. Лучшим решением, на наш взгляд, будет перевод стихов в их оригинальном размере.

Поскольку основная трудность в интерпретации поэзии состоит в том, чтобы подогнать первоначальный смысл в рамки избранного размера, нетрудно предположить, что точный и дословный перевод в данном случае встречается очень редко. Основной упор необходимо сделать на передачу главной мысли и настроения оригинала, его уникальности: нет ничего плохого в том, что в этом случае придется немного отклониться от первоисточника. Главное, чтобы произведение выглядело солидно и у читателя не возникало сомнений, что он читает перевод, а не оригинальный авторский текст.

Важно соблюдать разумный и правильный баланс, так как точный перевод произведения слово в слово лишает читателя возможности насладиться его красотой и рифмами, идеями. А чрезмерное увлечение поэтическими приемами иногда приводит к созданию совершенно нового стиха, в котором нет оригинальной смысловой, стилистической нагрузки и идеи, настроения автора.

Переводчик, берущийся за такую непростую задачу: интерпретацию поэтических произведений разноязычных авторов, должен, прежде всего, анализировать текст и точно понимать его содержание, определять настроение автора и основной посыл, цель создания произведения; кроме того, он должен в достаточной степени владеть языком исходного текста и тем, на который его необходимо перевести, – такое требование необходимо для обеспечения достаточного словарного запаса и умения выбирать наиболее точные и красивые формы, обороты; переводчику следует избегать дословного перевода строк — такой подход убивает всю красоту и оригинальность поэзии; использовать в подготовленном тексте общепринятые обороты, простые слова

и выражения, понятные читателям; правильно подбирать слова, словосочетания и их расположение в текстовом пространстве для сохранения общего эмоционального настроения, передаваемого оригиналом.

В рамках проведенного исследования мы разработали определенный алгоритм, который помогает при создании стихотворного перевода с английского и французского языков на русский и наоборот. Однако он может использоваться как некий универсальный вариант почти для любого языка.

Рассмотрим этот алгоритм на примере перевода фрагмента стихотворения «Путешествие» («Le Voyage») Шарля Бодлера – французского поэта, критика, эссеиста и переводчика; основоположника литературных направлений декаданса и символизма, значительно повлиявших на развитие всей последующей европейской поэзии. Произведение взято из авторского сборника «Цветы зла» («Les fleurs de mal»), последовательно выходившего в различных редакциях с 1857 по 1868 гг. и известно любителям поэзии в переводах таких известных мастеров, как: Марина Цветаева, Михаил Свердлов, Василий Комаровский и др.

Базовый (черновой) перевод оригинального текста.

Данный этап является основой для дальнейших действий, поскольку именно от правильности его реализации зависит успешность выполнения всех операций по интерпретации. Для этого мы используем самые простые формы и составляем последовательный перевод стихотворения с основным упором на точность, а не на рифму.

Notre âme est un trois-mâts cherchant son Icarie;
Une voix retentit sur le pont: «Ouvre l'oeil!»
Une voix de la hune, ardente et folle, crie:
«Amour... gloire... bonheur!» Enfer! C'est un écueil!

Перевод:

Наша душа – это трехмачтовое судно, ищущее свою Икарию;

На палубе раздался голос: «Откройте глаза!»

Голос сверху, пылкий и безумный, кричит:

"Любви... славы... счастья!" Ад! Это ловушка!

Определение типа рифмы и стихотворного размера оригинала.

После выполнения базового перевода произведения мы определяем тип рифмы оригинального текста, что зависит от нескольких факторов: слогового объема, характера звучания, положения в стихе и строфе и т.д.

По слоговому объему рифмы делятся на:

- мужские (ударение на последнем слоге),
- женские (ударение на предпоследнем от конца слоге),
- дактилические (ударение на третьем от конца слоге),
- гипердактилические (ударение на четвертом от конца слоге).

Если рифма оканчивается гласным звуком, она называется открытой, если оканчивается согласным звуком, — закрытой.

По положению в строфе рифмы могут быть:

- смежными,
- перекрестными,
- охватными (или опоясанными).

В данном примере рифма мужская (ударение на последнем слоге) и перекрестная (созвучие окончаний строк).

Выделяют такие стихотворные размеры, как:

Ямб – двусложный размер, при котором ударение в стопе падает на второй слог

Хорей – это двусложный размер, при котором ударение в стопе падает на первый слог

Дактиль – трёхсложный размер, при котором ударение в стопе падает на первый слог

Амфибрахий – трёхсложный размер, при котором ударение в стопе падает на второй слог

Анапест – это трёхсложный размер, при котором ударение падает на третий слог

Notre âme est un trois-mâts cherchant son Icarie;
Une voix retentit sur le pont: «Ouvre l'oeil!»
Une voix de la hune, ardente et folle, crie:
«Amour... gloire... bonheur!» Enfer! C'est un écueil!

В данном стихотворном фрагменте мы видим смешение двух стихотворных размеров – ямба и анапеста.

Решение о выборе вида рифмы в переводе.

Далее необходимо решить, нужно ли сохранять заданную в оригинале рифму либо использовать другую, более удобную для переводчика. Безусловно, этот выбор в большой степени зависит от желания и опыта самого интерпретатора. Мы предпочитаем сохранять рифму оригинального текста, его размер, фонетико-мелодические созвучия.

Составление стихотворного перевода.

Этот этап является очень трудоемким и, как правило, отнимает много времени. Мы предпочитаем составлять несколько вариантов стихотворных переводов, а затем либо выбирать лучший из них, либо соединять их вместе. Главное на данном этапе - не торопиться и дать себе возможность тщательно, обдуманно выполнить перевод. Иногда это может быть пара часов, иногда несколько дней. Чтобы не «замылить глаз», лучше оставить перевод на какое-то время и прочесть его снова через день-два. Это самый оптимальный способ увидеть свое творение «новыми глазами» и понять, что нужно в нем изменить.

Результат:

Душа наша – плывущая в Икарию Берлина

На палубе всё слышно: «Берегись!»

И голос сверху, звонкий и фальшивый

Кричит: «Любовь и слава!» Что за миф!

В заключение хотелось бы отметить, что сама точность перевода, к которой стремятся многие интерпретаторы, не должна быть самоцелью. Ведь при всей внешней точности фактический результат может быть самым разным, порой абсолютно не самодостаточным. Если же переводчику удалось получить

в итоге что-то достойное последующего воспроизведения, то это имеет безусловную ценность независимо от степени точности.

В любом случае, представляется невозможным давать какие-то определенные, неизменные рекомендации по преодолению означенных выше трудностей, поскольку всё зависит, в первую очередь, от опыта и литературного таланта самого переводчика, его интуиции, «поэтического чутья», умения находить нужный выход из какой-либо сложной, нестандартной ситуации, решать те или иные задачи, кажущиеся порой почти неразрешимыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поэтический текст как объект перевода. Лингвостилистические особенности поэтического текста [Электронный ресурс]. – [Режим доступа: http://www.litways.ru/walls-134-1.html](http://www.litways.ru/walls-134-1.html). – Дата доступа: 24.04.2023.

АНГЛІЙСКІЯ АБСАЛЮТНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ Ё МАСТАЦКІМ ПЕРАКЛАДЗЕ НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

У артыкуле разглядаюцца англійскія абсалютныя канструкцыі як носьбіты другаснай прэдыкацыі ё сказе і спосабы іх перадачы на беларускую мову. На матэрыяле арыгінала і перакладу на беларускую мову рамана Дж. К. Роўлінг “Гары Потэр і філасофскі камень” вылучаюцца структурныя групы абсалютных канструкцый і апісваюцца асаблівасці дасягнення эквівалентнасці праз ужыванне іх беларускіх карэлятаў у залежнасці ад семантыкі выказвання.

Адной з адметных асаблівасцей сінтаксісу англійскай мовы з’яўляецца шырокае ўжыванне канструкцый другаснай прэдыкацыі. Другасная прэдыкацыя вылучаецца праз супрацьпастаўленне з першаснай, асноўнай. Такое вылучэнне зыходзіць з таго, што прэдыкатыўнасць уяўляе сабой функцыянальна-семантычную катэгорыю, якая мае прапазітыўную семантыку [5, с. 23] і актуалізуецца ё сказе праз персанальнаць, тэмпаральнасць і мадальнасць выказніка. Камунікатыўныя ўстаноўкі моўцы ляжаць у аснове класіфікацыі ім апісваемых падзей згодна з прынцыпам “фокус – фон”. Тыя, што знаходзяцца ё фокусе яго ўвагі, афармляюцца праз поўнапрэдыкатыўную аснову сказа, тыя, што выступаюць фонам – канструкцыямі другаснай прэдыкацыі. Апошнія не могуць быць камунікатыўна самастойнымі, бо іх мадальнасць і тэмпаральнасць маюць адносны характар і вызначаюцца па характарыстыках асноўнага, поўнапрэдыкатыўнага элемента сказа. Такім чынам, пад канструкцыяй другаснай прэдыкацыі мы разумеем тыя элементы выказвання, якія выражаюць прапазіцыю, але не праяўляюць усіх прыкмет прэдыкатыўнасці. Носьбітамі другаснай прэдыкацыі ё англійскай мове могуць выступаць інфінітывы, дзеепрыметнікі і герунды.

Сярод англійскіх канструкцый тыпалагічна вылучаюцца незалежныя

дзеепрыметныя звароты, або абсалютныя канструкцыі. Члены такіх канструкцый не звязаныя сінтаксічна з астатнімі часткамі сказа, у якім яны ўжываюцца. Дэнататам такой канструкцыі выступае сітуацыя, такім чынам, яна мае семантыку прапазіцыі і прэдыкатыўны характар. Абсалютныя канструкцыі ўзнікаюць у выніку прамой дэрывацыйнай сувязі паміж сказам, сінтаксічным кампанентам з неасабовай формай дзеяслова і іменным словазлучэннем пры захаванні ў іх агульнага намінацьўнага зместу [1, с. 112]. Прэдыкатыўныя адносіны ў такіх канструкцыях другасныя, а ўжыванне іх у маўленні выступае “эканомным фармальным прыёмам выражэння прапазіцыі на аснове другаснай прэдыкатыўнай сувязі” [3, с. 165].

У беларускай мове англійскія абсалютныя канструкцыі не маюць сваіх прамых адпаведнікаў. Але ў гэтым звязку звяртаюць на сябе ўвагу фразеалагізаваныя беларускія канструкцыі тыпу *стаяць рукі ў бокі, ісці рука аб руку, сядзець нага за нагу*. Дэнататам іх таксама з’яўляецца сітуацыя, семантычна яны выражаюць спосаб дзеяння, сінтаксічна, аднак, яны звязаныя праз прымыканне з галоўным словам, таму не могуць лічыцца поўнасцю незалежнымі, хоць такая сувязь і афармляецца хутчэй сэнсава ці інтанацыйна. У англійскай мове, у сваю чаргу, адпаведнікамі такіх адзінак можна лічыць менавіта абсалютныя канструкцыі. Напрыклад, выраз *сядзець нага за нагу* можна перадаць як *to sit, one leg on the other* (ужыванне такога выразу бачым, напрыклад, у назве літаграфіі амерыканскага мастака Тома Весэльмана “*Monica Sitting, One Leg On the Other*”). Але колькасць і ўжывальнасць такіх адзінак у беларускай мове невялікая, у англійскай мове рэпертуар і распаўсюджанасць абсалютных канструкцый значна большыя. Так, напрыклад, у мастацкім наратыве яны ўжываюцца для абазначэння паралельных дзеянняў, спосабу дзеяння, і тым самым робяць апісанне сітуацый больш “аб’ёмным” у параўнанні з простым пералічэннем падзей.

Адметныя моўныя адзінкі цікавыя таксама і з пункту гледжання перакладу, бо перад перакладчыкам стаіць задача выбару спосабу іх перадачы на іншую мову, якой яны не ўласцівыя. І задача ўскладняецца, калі такія адзінкі ёсць

характэрнай асаблівасцю аўтарскага стылю. Глобальная задача дасягнення эквівалентнасці (раўназначнасці камунікатыўнага ўздзеяння на чытача) пры перакладзе на сінтаксічным узроўні павінна вырашацца ў тым ліку і праз захаванне колькасці і структуры прэдыкацый.

Разгледзім асаблівасці перадачы з англійскай мовы на беларускую абсалютных канструкцый на матэрыяле твора Дж. К. Роўлінг “Гары Потэр і філасофскі камень” у перакладзе Дзяніса Мускага [4; 6]. Для правядзення аналізу суцэльнай выбаркай з тэксту арыгінала было адабрана 50 сказаў з абсалютнымі канструкцыямі.

Структурна ўжытыя канструкцыі можна падзяліць на прыназоўныя (з прыназоўнікам *with*) і беспрыназоўныя канструкцыі. Элементамі другаснай прэдыкацыі выступаюць дзеепрыметнік-I, як у сказах *Hagrid looked at Harry with warmth and respect blazing in his eyes* ‘Хагрыд глядзеў на Гары з павагаю і цеплынёй у вачах’, або *Even Neville scraped through, his good Herbology mark making up for his abysmal Potions one* ‘Нават Нэвіл паспяхова перайшоў на наступны год, бо яго поспехі ў з’яўленасці перакрылі аніякія адзнакі па зеллеварстве’. Група з дзеепрыметнікам-I складае амаль палову з усіх вылучаных кантэкстаў.

Носьбітам другаснай прэдыкацыі таксама выступае дзеепрыметнік-II, напрыклад: *Dudley stood with his nose pressed against the glass, staring at the glistening brown coils* ‘Дадлі прыціснуў нос да шкла і ўважліва назіраў за скручанай абаранкам бурай істотай’, або *Neville, his face tear-streaked, clutching his wrist, hobbled off with Madam Hooch, who had her arm around him*. ‘Нэвіл, трымаючы сябе за запясе, з пакрытым слязьмі тварам пакульгаў разам з настаўніцай, якая абняла яго адной рукою’. Група з дзеепрыметнікам-II у якасці носьбіта другаснай прэдыкацыі складае амаль чвэрць вылучаных кантэкстаў.

Даволі вялікую групу, траціну адабраных кантэкстаў, складаюць абсалютныя канструкцыі без дзеепрыметніка, напрыклад, *I set myself against what is lurking in this Forest, Bane, yes, with humans alongside me if I must* ‘Я

процістаю таму, што схавалася ў гэтым лесе, Бэйн, і калі будзе трэба, разам са мной будзе чалавек'. Асаблівасцю такіх канструкцыі з'яўляецца магчымасць вылучыць носьбіта другаснай прэдыкацыі з кантэксту апісваемай сітуацыі: ...*with humans **standing/fighting/being** alongside me.

Для далейшага аналізу ў тэксце перакладу былі адабраныя адпаведнікі арыгінальных сказаў, такім чынам быў складзены паралельны даследчыцкі англійска-беларускі корпус. Супастаўленне па корпусе дазваляе вылучыць пэўныя тэндэнцыі ў перакладзе разгледжаных абсалютных канструкцый і, такім чынам, прапанаваць для іх устойлівыя беларускія спосабы перадачы.

Абсалютныя канструкцыі ў разгледжаным творы ўжываюцца ў апавядальным наратыве для прадстаўлення дзеянняў, якія дапаўняюць асноўнае з пункту гледжання кадавання сітуацыі наратарам. У агульных тэрмінах іх функцыя можа быць апісана як сродак выражэння спосабу дзеяння, але аналіз выявіў асаблівасці семантыкі канструкцый у кантэкстах, што ўплывае на выбар спосабу іх перакладу на беларускую мову.

1. *Прыназоўныя канструкцыі з дзеепрыметнікамі-I* рэалізуюць семантыку а) спосабу дзеяння і б) паралельнага дзеяння. Для перадачы такіх канструкцый з семантыкай спосабу дзеяння перакладчык ужывае *прыназоўныя канструкцыі* без элементаў другаснай прэдыкацыі: *Hagrid looked at Harry with warmth and respect blazing in his eyes* – 'Хагрыд глядзеў на Гары з павагаю і цеплынёй у вачах. Таксама: *I couldn't do anything with Dumbledore watching* – 'Я не збіраўся нічога рабіць на вачах у Дамблдора'. Пры перадачы паралельнага дзеяння пераважна ўжываюцца *поўнапрэдыкатыўныя сказы*. Так, у кантэксце *Marcus Flint seized the Quaffle and scored five times without anyone noticing* канструкцыя перадаецца як частка складаназлучанага сказа: 'Маркус Флінт схапіў квафл і пяць разоў забіў яго ў слізэрынскія вароты, але гэтага ніхто не заўважыў'. Гэты ж спосаб назіраецца і ў кантэксце *She wrenched open doors and marched along corridors with Harry trotting miserably behind her*', калі ў перакладзе ўжываюцца дзве паўнапрэдыкатыўныя канструкцыі як часткі складаназлучанага сказа: 'Яна рыўком адчыняла дзверы і хутка крочыла па

калідорах, а няшчасны **Гары рысцю бег** за ёй'. Дзеянні, такім чынам, у перакладзе падаюцца як аднолькава вартыя поўнай прэдыкацыі, формула “фокус – фон” не захоўваецца.

2. Вылучаныя прыназоўныя канструкцыі з дзеепрыметнікам-II ужываюцца ў творы для абазначэння праз спосаб дзеяння знешняга выгляду суб'екта апісваемай сітуацыі. У перакладзе на беларускую мову такія адзінкі паслядоўна перадаюцца дзеепрыслоўнымі зваротамі, напрыклад, *Uncle Vernon straightened up, gasping for breath, with Harry's letter clutched in his hand* – ‘Дзядзька, цяжка дыхаючы, выпрастаўся, трымаючы ліст над галавою ў руцэ’, або *Dudley was dancing on the spot with his hands clasped over his fat bottom* – ‘Дадлі танчыў на месцы, схопіўшыся рукамі за свой зад’. Захаванне структуры і іерархіі прэдыкацый у перакладзе, або ў тэрмінах В. Н. Камісарава, усталяванне эквівалентнасці на ўзроўні значэнняў сінтаксічных структур [2, с. 117–137], магчымае ў такіх выпадках дзякуючы таму, што канцэптуальна суб'ект апісваемай сітуацыі – адзін. Моўнае кадаванне ў англійскі сказ з абсалютнай канструкцыяй адбываецца праз прыём увасаблення, калі прадмет або частка цела асобы граматычна афармляюцца як суб'ектныя элементы канструкцыі з другаснай прэдыкацыяй, але на ўзроўні сітуацыі, аднак, яны відавочна суб'ектамі не з'яўляюцца, што і адлюстроўваецца ў беларускіх эквівалентах.

3. Беспрыназоўныя канструкцыі з дзеепрыметнікам-I ужываюцца ў творы для апісання дзеяння, паралельнага выражанаму асабовай формай выказніка. Такія кантэксты ў перакладзе паслядоўна перадаюцца поўнапрэдыкатыўнымі канструкцыямі і выражаюцца ў складаных сказах або праз дзяленне арыгінальнага выказвання ўвогуле выводзяцца ў незалежны сказ. Напрыклад, *Harry picked it up and stared at it, his heart twanging like a giant elastic band* – ‘Гары ўзяў канверт у рукі і ўважліва паглядзеў на яго, яго сэрца хісталася ў грудзях, як на на гумовым тросе’. Таксама: *He shivered and turned over, trying to get comfortable, his stomach rumbling with hunger* – ‘Калоцячыся, гары разварнуўся на другі бок, спрабуючы ўладкавацца ямчэй. У жываце буркатала

з голаду'. Як бачна з прыкладаў, структура сітуацыі ў такіх кантэкстах падобная да той, што была разгледжана ў п. 2, з адным рэальным суб'ектам, але семантычныя абмежаванні не дазваляюць афармляць такія фрагменты ў беларускай мове з дапамогай другаснай прэдыкацыі, бо апісваемыя паралельныя асноўным дзеянні не наўмысныя, а незалежныя ад волі асобы.

4. *Беспрыназоўныя канструкцыі з дзеепрыметнікам-II* таксама, як і канструкцыі з прыназоўнікам *with*, апісваюць знешні выгляд суб'екта сітуацыі. У разгледжаным перакладзе яны таксама паслядоўна перадаюцца на беларускую мову *дзеепрыслоўнымі зваротамі*, напрыклад, *It was sitting as still as a statue, its eyes fixed unblinkingly on the far corner of Privet Drive* – 'Яна не падавала ані прызнака дрымоты, а толькі сядзела нерухома, як статуя, **ўтаропіўшы вочы** ў далёкі куток Прайвет Драйв'. Сустракаюцца таксама і выпадкі, калі такія канструкцыі перадаюцца прыназоўнымі абаротамі без элемента другаснай прэдыкацыі, напрыклад, *He watched an owl flutter towards the school across the bright blue sky, a note clamped in its mouth* – 'Ён убачыў як праз блакітнае неба ў бок школы неслася сава з **лістом у дзюбе**'. Сродкі беларускай мовы дазваляюць ужыць у такім кантэксце і дзеепрыслоўны зварот (**неслася сава, трымаючы ліст у дзюбе*), але перакладчык палічыў за лепшае ў гэтым выпадку абысціся больш сціслым абаротам, дасягнуўшы тым не менш эквівалентнасці, але ўжо на ўзроўні апісання сітуацыі.

5. *Намінатыўныя абсалютныя канструкцыі* без элементаў-носьбітаў другаснай прэдыкацыі складаюць самую вялікую частку з адабраных кантэкстаў. Семантычна яны суадносяцца з групамі канструкцый з носьбітам другаснай прэдыкацыі і таксама ўжываюцца для абазначэння а) знешняга выгляду асобы, б) дзеяння, паралельнага выражанаму асабовай формай выказніка, в) спосабу дзеяння. Асноўным прыёмам перадачы такіх канструкцый на беларускую мову ёсць *эксплікацыя прэдыкатнага члена канструкцыі* на аснове кантэксту, г. зн. эквівалентнасць дасягаецца на ўзроўні апісання сітуацыі. У выпадку з кантэкстамі з апісаннем знешнасці ў перакладзе прадуктыўна ўжываюцца дзеепрыслоўныя звароты, напрыклад, *With his tongue*

between his teeth he scribbled a note – ‘Заціснуўшы языка між зубамі, ён пачаў пісаць цыдулку’. Таксама: *Hermione marched away with her nose in the air* – ‘Герміёна пайшла далей, падняўшы носа ўгору’. Такі спосаб перадачы суадносіцца з падыходам, які выкарыстоўвае перакладчык у выпадках з канструкцыямі той жа семантыкі з дзеепрыметнікам-II у якасці носьбіта другаснай прэдыкацыі. Апора на кантэкст і мадэль апісваемай сітуацыі дазваляе лёгка трансфармаваць арыгінальную канструкцыю ў прыназоўную з дзеепрыметнікам, напрыклад, **With his tongue pressed between his teeth he scribbled a note*, г. зн. эксплікаваць яе прэдыкатны член, і ўжыць яго ў перакладзе.

Пры перадачы кантэкстаў, дзе абсалютная канструкцыя выражае паралельнае дзеянне або блізкую паслядоўнасць дзеянняў, ужываюцца поўнапрэдыкатыўныя складаныя сказы, напрыклад, *But with Ron in front of the mirror, he couldn't see his family any more* – ‘Але цяпер калі ля люстэрка быў Рон, Гары ўжо не бачыў сваёй сям’і’. Таксама: *Uncle Vernon leapt from his seat and ran down the hall, Harry right behind him* – ‘Дзядзька ўскочыў са свайго крэсла і кінуўся ў калідор, Гары пабег за ім’. У такіх кантэкстах перакладчык канцэптuallyна мадэлюе сітуацыю і ўжывае прыём дабаўлення прэдыката, афармляючы сітуацыі ў беларускім тэксце як незалежныя. Растворыць гэта можна таксама наяўнасцю розных суб’ектаў сітуацый. Але ў перакладзе таксама сустракаецца варыянт, дзе абсалютная канструкцыя перадаецца пры дапамозе эксплікаванага элемента другаснай прэдыкацыі. Сказ *‘Just looking,’ he said, and he sloped away with Crabbe and Goyle behind him* перакладзены як ‘Я толькі хацеў паглядзець, – кінуў ён і хутка ўцёк, суправаджаемы Крэйбам і Гойлам’. Ужыванне дзеепрыметніка ў перакладзе тлумачыцца тым, што ў гэтым выпадку дзеянне, сітуацыя, апісаная абсалютнай канструкцыяй, можа ўспрымацца не як паралельнае дзеянне, а як хутчэй прыкмета суб’екта. Тым не менш, такі варыянт у перакладзе адзінкавы і непрадуктыўны.

Намінатыўныя абсалютныя канструкцыі са значэннем спосабу дзеяння пераважна перадаюцца поўнапрэдыкатыўнымі сказами, напрыклад, *I set myself*

against what is lurking in this Forest, Bane, yes, with humans alongside me if I must – ‘Я працістаю таму, што схавалася ў гэтым лесе, Бэйн, і калі будзе трэба, **разам са мной будзе чалавек**’. Таксама: *Professor Quirrell came sprinting into the Hall, his turban askew and terror on his face* – ‘У залу заляцеў прафесар Квірэл, **яго турбан пакасіўся, а твар быў поўны жаху**’. Такі падыход паўтарае мадэль перакладу кантэкстаў з канструкцыямі з наяўнымі элементамі другаснай прэдыкацыі, якія выражаюць спосаб дзеяння.

Выбар спосабу перакладу англійскіх абсалютных канструкцый на беларускую мову, такім чынам, вызначаецца не іх арыгінальнай структурай, а семантыкай. Сітуацыя, якая апісвае спосаб дзеяння і паралельныя дзеянні, кадуецца ў англійскай мове ў канструкцыі з дзеепрыметнікам-I і выражаецца ў перакладзе з дапамогай поўнапрэдыкатывых адзінак, як незалежных сказаў, так і частак складанага сказа. Эквівалентнасць перакладу дасягаецца ў такіх выпадках на ўзроўні апісання сітуацыі. Станы спраў або дзеяння, якія характарызуюць знешні выгляд суб’екта, выражаюцца ў англійскай мове праз абсалютныя канструкцыі з дзеепрыметнікам-II, іх перадача дапускае ўжыванне ў беларускай мове канструкцый другаснай прэдыкацыі, такім чынам эквівалентнасць дасягаецца ўжо на ўзроўні будовы сказа. Пры перакладзе намінаціўных абсалютных канструкцый асноўным прыёмам з’яўляецца эксплікацыя прэдыкатнага члена, але тэндэнцыя ўліку семантыкі выказвання пры ўжыванні поўна-, або другаснапрэдыкатывых структур таксама захоўваецца.

ЛІТАРАТУРА

1. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М. : Феникс+, 2016. – 248 с.
2. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 1999. – 192 с.
3. Николаева, Т. Г. Характеристика английских абсолютных

конструкций как компликаторов семантической структуры предложения / Т. Г. Николаева. // Вестн. ЮУрГГПУ. – № 7, 2017. – С. 164–169.

4. Роўлінг, Дж. К. Гары Потэр і філасофскі камень [Электронны рэсурс] / Дж. К. Роўлінг ; пер. з англ. Дз. Мускага. // Беларуская палічка: беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Dzauen_Rouling/Hary_Poter_i_Filasofski_Kamien__alt.html. – Дата доступу: 29.01.2023.

5. Старикова, Е. Н. Имплицитная предикативность в современном английском языке / Е. Н. Старикова. – Киев: Вища школа, 1974. – 143 с.

6. Rowling, J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone [Electronic resource] / J. K. Rowling. // Nowaszkolna: Nowoczesna strona szkoły. – Mode of access: https://cms-v1.files.superszkolna.pl/sites/50/cms/szablony/52033/pliki/harry_potter_i_kamien_filozoficzny_angielski.pdf. – Date of access: 29.01.2023.

Моуса Мохамед Рамадан Гамел Мохамед, Намла

Рагеб Абдельхалим Эльсаид Эльсаейд

г.Уфа, БашГМУ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА ПРИМЕРЕ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ)

Аннотация. В данной статье студенты-иностранцы описывают опыт создания ментальной карты на медицинскую тематику на практических занятиях по русскому языку как иностранному. Авторы обращаются к современным зарубежным исследованиям о применении техники создания интеллект-карт в обучении студентов-медиков. В конце статьи представлен ряд грамматических конструкций, которые могут использоваться для дальнейшей работы с ментальной картой, а именно для составления звучащего текста профессиональной тематики.

Интеллект-карта – это схема, которая включает в себя запись центральной темы и новых связанных с ней идей. Сосредоточив внимание на ключевых идеях, записанных своими словами, и отыскав связи между ними, информация отображается таким образом, чтобы лучше понимать и запоминать ее. По-другому, это способ связывания ключевых понятий с помощью изображений, линий и ссылок. Центральная тема связана линиями с другими понятиями, которые, в свою очередь, связаны с другими идеями. Интеллект-карты – это мультисенсорные инструменты, которые могут помочь студентам-медикам систематизировать, интегрировать и сохранять информацию. Более того, последние исследования в данной области показали, что использование карт памяти в качестве стратегии ведения заметок способствует развитию критического мышления.

Британский писатель и телеведущий Тони Бьюзен популяризировал термин «карта разума» в 1970-х годах в своем телепроекте BBC «Используй свою голову» и в своих книгах, таких как «Супермышление» [1]. Интеллект-

карты можно использовать для создания, визуализации, организации, ведения заметок, решения проблем, принятия решений, пересмотра и уточнения вашей университетской темы, чтобы обучающийся мог начать работу с оценочными заданиями. Чаще всего интеллект-карты используются для «мозгового штурма» и являются отличным инструментом для студентов.

Зарубежные исследователи в области преподавания медицинских дисциплин неоднократно обращаются к вопросу способа обучения студентов. Многие из них видят связь между созданием ментальных карт и развитием творческого и критического мышления учащихся [4]. Так, в аудитории тегеранского вуза учёными было проведено квази-экспериментальное исследование среди будущих медсестёр. В результате выяснилось, что студенты положительно относятся к использованию ментальных карт в обучении [6].

Инфаркт миокарда (ИМ), широко известный как сердечный приступ, представляет собой заболевание кровеносных сосудов, снабжающих сердечную мышцу (миокард), то есть ишемическую болезнь сердца. Область сердечной мышцы, которая имеет либо нулевой кровоток, либо настолько малый кровоток, что не может поддерживать функцию сердечной мышцы, считается поврежденной, а общий процесс называется инфарктом миокарда. МИ бывают двух типов; трансмуральные и субэндокардиальные. В основном это вызвано окислительным стрессом и атеросклерозом. Боль в груди является наиболее частым симптомом острого инфаркта миокарда и часто описывается как ощущение стеснения, давления или сдавливания. Другие симптомы включают потоотделение (чрезмерная форма потоотделения). Одышка, слабость, головокружение, тошнота, рвота и сердцебиение. К наиболее частым симптомам ИМ у женщин относятся одышка, слабость и быстрая утомляемость, нарушения сна. Его можно лечить с помощью блокаторов, диуретиков, ингибиторов АПФ, блокаторов кальциевых каналов и нитратов [5].

В нашем случае нами была создана ментальная карта на медицинскую тему «Инфаркт миокарда». Во время практических занятий по русскому языку

как иностранному мы работали с текстом по данной теме, нам было предложено сделать интеллект-карту. Для работы над этим проектом мы использовали учебник, по которому ведется обучение в нашем университете [2, 155] и дополнительную литературу по теме [5].

Как известно, это заболевание является одной из самых частых причин смерти среди пациентов, страдающих проблемами с сердечно-сосудистой системой. Изучаемая болезнь была разделена на подгруппы: «Определение», «Этиология», «Факторы риска», «Лечение», «Постановка диагноза», «Осложнения» и «Клиническая картина». При изучении этого материала предлагаемые подгруппы помогут обучающимся сконцентрироваться на важных аспектах заболевания.

При подготовке необходимо знать определение изучаемого заболевания: «Инфаркт миокарда – это отмирание участка сердечной мышцы в результате нарушения ее кровоснабжения» [3]. В ментальной карте даны краткое определение и причины, возникновения заболевания. В подгруппе «Этиология» перечисляются причины возникновения заболевания: инфаркт миокарда вызван атеросклерозом, спазм коронарных артерий приводят к сужению сосудов, эмболии коронарных артерий и стенозе аорты и регургитации. Факторами риска ИМ являются курение, алкоголь, ожирение, стресс, диабет, гиперлиппротеинемия, гипертония, хронические заболевания почек. Подгруппа «Лечение» делится на первую неотложную помощь, лечение стрептокиназой и хирургические вмешательства. Существует несколько средств первой помощи при инфаркте миокарда: нитроглицерин, морфин, кислород, аспирин или клопидогрел и т.д.

В подгруппу «Клиническая картина» включены: внезапная загрудинная боль с иррадиацией в левую часть шеи, челюсть, плечо, левую руку, одышка, утомляемость, аритмия, головокружение, боль в эпигастрии, рвота и тошнота. Также необходимо помнить и об осложнениях, возникающих при данном заболевании: острая митральная недостаточность, кардиогенный шок, желудочковая тахикардия, блокада сердца, аневризма сердца. По таким

симптомам, как одышка, рвота, тошнота, головокружение и утомляемость инфаркт миокарда схож с заболеваниями дыхательной системы, в связи с чем имеет широкий спектр способов постановки диагноза, например, физический осмотр (пальпация, перкуссия, аускультация), ЭКГ, рентген, КТ и УЗИ (Рисунок 1).

В перспективе каждая интеллект-карта может стать графическим планом прочитанного текста, поэтому с опорой на него студенты могут пересказать прочитанный текст. Так как ментальная карта на медицинскую тематику, для составления устного текста возможно использование следующих грамматических конструкций:

1. Определение: «что – это что», «чем называется что»;
2. Классификация: «что делится на что»;
3. Уточнение симптомов: «что сопровождается чем»;
4. Характеристика: «что характеризуется чем», «для чего характерным является что»;
5. Следствие – результат: «вследствие чего», «в результате чего», «приводит к чему», «вызывает что»;
6. Жалобы больного: «жалуется на что», «жалобы на что» и т.д. [2].

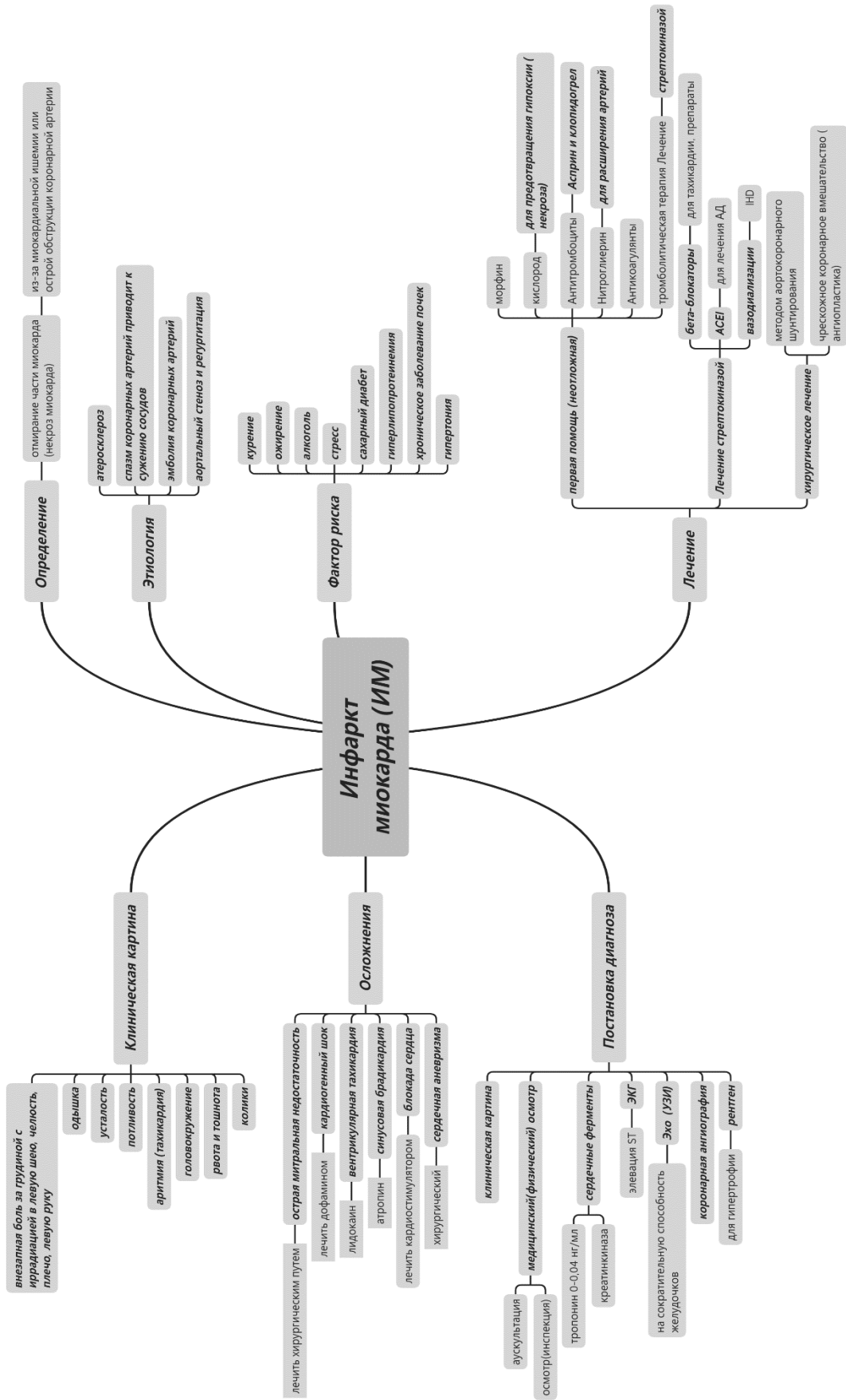

Рисунок 1 – Ментальная карт «Инфаркт миокарда»

Другие виды сердечно-сосудистых заболеваний будут представлены в формате ментальной карты по-разному, потому что каждое заболевание имеет специфические симптомы, диагноз, исследования и лечение. Однако воспользовавшись планом, который использован в данной ментальной карте, можно дать описание другой болезни. По нашему мнению, более эффективным методом обучения является собственно создание ментальной карты, тогда как использование учащимися уже готовой карты может показать менее положительные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бьюзен, Т. Супермышление / Т. Бьюзен, Б. Бьюзен. – 2-е изд. – Минск: Попурри, 2003. – 302 с.
2. Дьякова, В. Н. Подготовка к клинической практике / В. Н. Дьякова. – 7-е изд. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2016. – 308 с.
3. Инфаркт миокарда – Текст: электронный // Оксфордский толковый словарь общей медицины: [сайт]. – URL: https://rus-oxford-med-dict.slovaronline.com/2381-инфаркт_миокарда (дата обращения: 20.01.2023).
4. Does the mind map learning strategy facilitate information retrieval and critical thinking in medical students? / V. D. Anthony, P. Z. Genevieve, G. O. Valerie, F. C. Terrence. – Текст: непосредственный // BMC Medical Education. – 2010. – № 10 (61).
5. Hawary, E. S. Cardiology / E. S. Hawary. – 1-е изд. – Каир: Al Tasneem Press, 2017. – 220 с.
6. Rezapour-Nasrabad, R. Mind map learning technique: an educational interactive approach / R. Rezapour-Nasrabad. – Текст: непосредственный // International Journal of Pharmaceutical Research. – 2019. – № 11.

О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ШВЕЙЦАРИИ

В данной статье рассматриваются лексические особенности и социокультурные тенденции развития современного французского языка в Швейцарии. Объектом исследования является швейцарский вариант французского языка на современном этапе его развития. Предметом исследования выступают его лексические и социокультурные особенности. В статье предпринимается попытка сделать обзор на те изменения, которые проявляют себя в языке в данный момент. В работе затронуты принципы гендерной лингвистики. Крайне важным представляется дальнейшее изучение и анализ современного французского языка в Швейцарии, поскольку в России этой теме посвящено не так много исследовательских и научных работ.

Изучение особенностей швейцарского варианта французского языка представляется важным, поскольку, продолжая непрерывно развиваться, язык требует фиксации и анализа происходящих изменений на базе актуального языкового материала. Данная тема находит отражение во многих отечественных и зарубежных исследованиях, однако, не все аспекты описаны достаточно подробно, особенно это касается гендерного контекста, который является значимым для языковой политики современной франкоязычной Швейцарии [1]. Анализ экстралингвистических влияний и их проявлений в швейцарском варианте французского языка важен для дополнения уже имеющийся языковой картины современной Гельветии и всего франкофонного сообщества, а его актуальность продиктована недостаточной разработанностью данной проблематики.

В этой связи представляется необходимым рассмотрение лексических и социокультурных факторов развития языка, а также лингвистических зон распространения швейцарского лексического варианта.

Актуальность данной темы заключается в том, что в России на тему франкофонии, в частности особенностей французского языка в Швейцарии, существует не так много исследовательских и научных работ. Так, В.Т. Клоков в своей фундаментальной работе «Французский язык в Швейцарии» описал лингвокультурную ситуацию в Швейцарии. Также среди знаковых работ важно выделить труд Н.П. Жуковской «Особенности национального варианта французского языка в Швейцарии», Е.Е. Беляевой «Особенности лексики и фразеологии швейцарского варианта французского языка», А.И. Домашнева «Языковая ситуация в Швейцарии» и др. Однако не все аспекты в этих работах описаны достаточно подробно. Это касается, к примеру, инклюзивного письма, которое было описано в работе С. А. Бакаевой «Гендерная лингвистика и инклюзивное письмо в многоязычной Швейцарии: комментарий к исследованию Даниэля Эльмигера», а также Л.А. Ульяницкой «Феминизация языка в социально-политическом пространстве России и Франции». Однако данная тема требует дальнейшего изучения, поскольку язык – явление социальное и постоянно изменяющееся.

Таким образом, целью настоящей работы является выявление и изучение лексических и социокультурных особенностей французского языка в Швейцарии, для чего представляется необходимым: а) выявить современные факторы (социокультурные и лингвистические), влияющие на изменения языка; б) оценить роль инклюзивного письма в современном французском языке в Швейцарии; в) оценить роль феминитивов.

Поскольку язык постоянно эволюционирует, он нуждается в анализе и своевременной фиксации его существенных изменений. Итогом данного исследования стал вывод об изменениях в современном французском языке в Швейцарии и его лексических и социокультурных особенностях. Так, были констатированы и изучены такие явления, как использование слов, характерных

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ШВЕЙЦАРИИ

Швейцария в значительной степени подверглась романизации еще в I-III вв. н.э. Постепенно начала прослеживаться культурно-историческая общность Франции и западных кантонов Швейцарии. Это отразилось на языковой составляющей. Так, закрепились три основные группы диалектов: на севере Франции – *langue d'oïl* (франсийский диалект), на юге страны – *langue d'oc* (провансальский диалект) и на юго-востоке (включая запад Швейцарии) – франко-провансальский диалект.

Сегодня, национальный вариант французского языка в Швейцарии соответствует литературным нормам, установленным Французской академией. Однако нельзя отрицать, что французский язык в Швейцарии представляет собой региональный вариант франкошвейцарского языка, в котором допускается отступление от литературной нормы, определенной Французской академией [2]. Следовательно, в языке прослеживается ряд особенностей, которые не препятствуют осуществлению коммуникации.

Анализ источников показал, что наибольший пласт различий приходится на семантическое поле «быт и повседневное общение» [2]. Здесь различия начинаются уже с построения числительных. Так, в классическом французском языке числительные *soixante-dix* 'семьдесят', *quatre-vingts* 'восемьдесят', *quatre-vingt-dix* 'девяносто' строятся по логике двадцатеричного счета. В швейцарском же варианте французского языка более частотны варианты *septante* 'семьдесят', *huitante* 'восемьдесят' и *nonante* 'девяносто', а также их производные *septantaine*, *septantieme*, *nonantaine*. Во Франции эти варианты считаются устаревшими, а в словарях они даются с пометкой арх. (т.е. архаизм) [7]. Однако в Швейцарии именно эти числительные чаще всего употребляют в устной и даже письменной речи (преимущественно в административных текстах).

Также, многие слова существуют французском языке как Франции, так и Швейцарии, но используются в разных значениях. Например, существует вероятность возникновения путаницы при назывании приемов пищи. В классическом варианте французского языка *le petit déjeuner* – это 'завтрак', *le déjeuner* – 'обед', *le dîner* – 'ужин'. Однако в швейцарском варианте все по-другому: *le déjeuner* – 'завтрак', *le dîner* – 'обед', а *le souper* – 'ужин'.

Помимо этого, швейцарский вариант французского языка характеризуется использованием слов, нетипичных для классического французского. К примеру, *le natel*, вместо *le téléphone portable* 'мобильный телефон', *un bancomate* вместо *un distributeur (de billets)* 'банкомат', *linge* вместо *serviette de maison* 'полотенце' и др.

Приведем неполный список значений, словесные единицы для обозначения которых расходятся в двух вариантах французского языка:

Таблица 1 – Значения слов в двух вариантах французского языка

Швейцарский вариант	Французский вариант	Перевод
<i>Se rincer le gosier</i>	<i>Boire un petit coup</i>	Выпить
<i>Se réduire</i>	<i>Se coucher</i>	Ложиться спать
<i>Faire un clopet</i>	<i>Faire une sieste</i>	Вздremнуть
<i>Assomée</i>	<i>Fatigué</i>	Уставший
<i>Faire la poutze</i>	<i>Faire le ménage</i>	Убираться
<i>Panosser</i>	<i>Nettoyer</i>	Чистить
<i>Dérupiter</i>	<i>Tomber</i>	Падать
<i>Foutre loin</i>	<i>Jeter à la poubelle</i>	Выбросить мусор
<i>Mettre le cheni</i>	<i>Mettre le désordre</i>	Устраивать беспорядок
<i>De la gogne</i>	<i>Du travail mal fait</i>	Некачественно выполненная работа
<i>Je me suis chié</i>	<i>Je me suis trompé</i>	Я ошибся
<i>Un feune</i>	<i>Un sèche-cheveux</i>	Фен
<i>Bleu</i>	<i>Permis de conduire</i>	Водительское удостоверение
<i>Cornet</i>	<i>Sac en plastique</i>	Пластиковый пакет

<i>Jaquette</i>	<i>Gilet</i>	Жилет
<i>Ça joue</i>	<i>Ça marche</i>	Работает
Service!	Ya pas de quoi!	Не за что!
Faites seulement	Je vous en prie	Пожалуйста
Une rincée / Il roille	Forte pluie / Il pleut à torrent	Ливень
Fricasse	Froid	Холодно
Un roille-gosses	Un instituteur	Учитель

ТЕНДЕНЦИЯ ФЕМИНИЗАЦИИ

В современном французском языке Швейцарии наблюдается феномен феминизации, т.е. формирования новых форм женского рода. Этот феномен идет вразрез с литературной нормой французского языка.

Так, в швейцарском варианте появляется женский род слов, которые традиционно, согласно литературной норме, имеют только форму мужского рода. Например, *professeure* 'женщина-преподаватель', *ingenieure* 'женщина-инженер', *soldate* 'женщина-солдат', *procureure* 'женщина-прокурор', *policière* 'женщина-полицейский' и т.д.

В 2014 г. Французская академия выступила против форсированной феминизации названий профессий, титулов, должностей и т.д. [4]. Более того, в опубликованной декларации такие слова, как *professeure*, *recteure*, *sapeuse-pomprière*, *auteure*, *ingénieure*, *collonelle*, *chercheure* называются варваризмами [4]. Однако в швейцарском варианте французского языка феминизация закрепились и активно используется носителями [5].

ИНКЛЮЗИВНОЕ ПИСЬМО

Традиционно считается, что «le masculin l'emporte sur le féminin», т.е. «мужской род преобладает над женским». В Швейцарии же отходят от этого правила. Сегодня для письменного языка Швейцарии характерен инклюзивный язык (*langage inclusif*) или инклюзивное письмо (*écriture inclusive*). Инклюзивное письмо, как и феминизация, – одна из характерных черт швейцарского варианта французского языка. Оно представляет собой

совокупность графических и синтаксических приемов, которые нацелены на обеспечение равенства обоих полов в письменном тексте.

Основные правила инклюзивного письма включают в себя грамматическое согласование рода слов, обозначающих профессии, должности, титулы и т.д. (*présidente, directrice, chroniqueuse, professeure, intervenante*), а также использование графических средств инклюзивного написания слов, гендерно-нейтральных слов и мужского и женского рода вместе.

Следует выделить пять графических способов инклюзивного написания слов:

- скобки: *un(e) ami(e), les travailleur(euse)s, les professionnel(le)s, les adhérent(e)s*;
- заглавные буквы: *unE amiE, les professionnelLEs, les adhérentEs*;
- дефис: *un-e ami-e, les travailleur-euse-s, les professionnel-le-s, les adhérent-e-s*;
- косая черта: *un/e ami/e, les travailleur/euse/s, les professionnel/le/s, les adhérent/e/s*;
- интерпункт: *un·e ami·e, les travailleurs·euses, les professionnel·les, les adhérent·es*.

Приведем несколько примеров. Согласно литературной норме, кандидаты по-французски – *les candidats*. Однако согласно правилам инклюзивного письма, предлагается добавить интерпункт, тем самым включив в это существительное и женщин. Получается – *les candidat·es*.

Если в предложении «Они идут на концерт» автор имеет ввиду, что среди них есть и мужчины, и женщины, то согласно правилам инклюзивного письма на французском языке, эта фраза будет выглядеть так: *Elles et ils vont à un concert*. А фраза «Дорогие друзья, спасибо, что прочли это письмо» будет выглядеть так: *Cher·e·s ami·e·s, merci de lire cette lettre*.

Инклюзивное письмо повсеместно используется в каждодневном обиходе. Такую форму письма, к примеру, используют многие университетские сайты. [1]. Так, на сайте Лозаннского университета в разделе *Information pour*

'Информация для' даны следующие подразделы: *Futurs étudiants & étudiantes* 'Будущим студентам и студенткам', *Chercheurs & chercheuses* 'Исследователям и исследовательницам'. А на сайте Бернского университета подобный раздел назван *Futurs étudiant-e-s*. Употребление инклюзивного письма прослеживается не только в названиях разделов, но и в самом тексте: *nombre de participant-e-s* 'количество участников, -ниц'.

Мы рассмотрели уникальный феномен мультязычия в Швейцарии. В частности, мы остановились на лексических и социокультурных особенностях французского языка в Швейцарии. Мы выявили, что в целом швейцарский вариант соответствует литературной норме, но характеризуется существенными лексическими различиями.

Язык – социальное, быстро меняющееся явление. Французский язык в Швейцарии претерпел значительные изменения. В нем годами происходили трансформации и преобразования, которые изначально могли восприниматься с неприятием, однако, со временем они «нормализовались» и стали незаметными и естественными для носителей языка. Феминизация языка и использование инклюзивного письма – естественное явление, которое не вызывает сомнений у современных швейцарцев. Они активно используют феминитивы и способы инклюзивного написания слов.

В лингвистическом разнообразии мы видим уникальность Швейцарии как территориально-языкового сообщества. Именно поэтому язык, находящийся на стыке культур и развивающийся в рамках социокультурных трансформаций внешнего мира, особенно нуждается в анализе и фиксации его существенных изменений. Важно отметить, что изучение лексических и социокультурных особенностей швейцарского варианта французского языка необходимо не только с точки зрения получения знаний по теме, но также в плане межкультурного общения, поскольку на базе аутентичного материала можно познать культуру изучаемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакаева, С. А. Гендерная лингвистика и инклюзивное письмо в многоязычной Швейцарии: комментарий к исследованию Даниэля Эльмигера / С. А. Бакаева // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: Сборник статей по итогам V международной конференции, Москва, 25–27 марта 2020 года. – Москва: ООО "Издательство "Спутник+", 2020. – С. 31-37.
2. Дмитриева, Е.Г. Лексико-семантические и стилистические особенности французского языка в Швейцарии ... дисс. канд. филол. наук 10.02.05 / Е.Г. Дмитриева : Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2008. – 227 с.
3. Сергиева, О.В. Четырехъязычие в Швейцарии и проблемы культурной идентичности [Вступ. статья] / О.В. Сергиева // Культура в современном мире. – 2010. – № 5-6.
4. Ульяницкая, Л.А. Феминизация языка в социально-политическом пространстве России и Франции / Л.А. Ульяницкая // Дискурс. – 2020. № 6(3). – С. 140-159.
5. Les guides de féminisation allemands et français. / D. Elmiger // La Suisse au carrefour d'influences différentes , 2000. – Bulletin VALS/ASLA, 72. – P. 211-225.
6. Knecht, P. Dictionnaire suisse romand: particularités lexicales du français contemporain / P. Knecht, A. Thibault // Front Cover. – Zoé, 2004. – 885 p.
7. Spichiger, V. Helvétismes Larousse 1987: nomenclature, corrections et rédaction / V. Spichiger, P. Knecht, D. Destraz // Neuchâtel: Centre de dialectologie et d'étude du français régional de l'Université de Neuchâtel, 1987. – 1028 p.

О СТАТУСЕ АРГОТИЧЕСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СОЦИОЛЕКТА В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье затрагиваются наиболее актуальные вопросы, составляющие проблематику арготических молодежных социолектов современной Франции. В этой связи авторы делают сравнительный обзор трактовок арго, существующих в российских и зарубежных лингвистических теориях, а также рассматривают происхождение, функциональный статус и лексический состав этого субдиалекта, делая акцент на наиболее продуктивных моделях арго-творчества, равно как и на направлениях, перспективах дальнейшего развития арготических молодежных социолектов.

Как известно, любая языковая система является многоуровневым, динамичным образованием, постоянно претерпевающим те или иные модификации в ходе своего существования и поступательного развития. Причем наиболее ярко и наглядно изменения отражаются в лексике, которая является своего рода зеркалом, отражением внеязыковой реальности, постоянно впитывая все происходящие в ней события. Активное пополнение словаря происходит как за счет неологизации, так и за счет заимствований: внешних и внутренних. Причем одним из источников, постоянно питающих лексический фонд любого нормативного письменного и устного языка, в том числе французского, являются социолекты, а именно, арготическая (жаргонная) лексика, постоянная проникающая в настоящее время во все сферы жизни через СМИ, молодежные жаргоны, мессенджеры, кино, художественную литературу, песни и другие пути, а соответственно, имеющая широкое хождение и большие перспективы использования. Говоря о статусе арго в современном французском языке, необходимо отметить, что он принадлежит ко второму уровню социально-языковой стратификационной системы, который включает в себя разговорно-фамильярный язык, просторечие, социальные и профессиональные

жаргоны, вульгаризмы и пр., в отличие от первого ее уровня, охватывающего письменный и устный нормативные языковые варианты: язык художественной и научной литературы и официально-деловых документов [2; 3].

Интерес к аргю как одному из субдиалектов далеко не случаен, т.к. он продиктован не только его высоким потенциалом, миграционными возможностями, но и неоднородностью, вариативностью состава, многофункциональностью. В то же время, трактовки французского аргю как социально-языковой подсистемы значительно варьируются как в российской, так и в зарубежной лингвистических школах. Сама номинация «аргю» впервые засвидетельствована в 1628 г. в связи с выходом в свет работы О. Шеро «Жаргон реформированного аргю» (*Le jargon de l'argot réformé*) [4, с.147]. Причем вначале это слово обозначало имя банды воров, орудовавшей в Париже в XVII в., и лишь впоследствии оно стало применяться для обозначения воровского языка, как такового. Ведь в любом обществе существуют табу, которые его члены стремятся обойти посредством создания особого, тайного языка, и именно таким «кодовым» языком всегда являлось аргю.

Говоря о происхождении французского аргю как специфического явления, нельзя не признать, что оно уходит корнями в раннее средневековье. Иначе говоря, французская криминальная среда придумала свой особый конспиративный язык для создания искусственной изоляции, т.е. секретного внутригруппового общения. Позже аргю стало распространяться в профессиональных кругах: люди использовали специальную лексику для сохранения секретов своего мастерства, а уже с конца XIX в. оно приобретает устойчивый статус социального диалекта т.е. становится доступным широкой публике, а не только людям, которых французские социологи называют *'gens de mauvaise vie'* [6, p.157]. Именно в связи со значительной утратой своей изначальной криптологической функции аргю, постепенно все более сближаясь с жаргоном, сформировало в языке так называемый смешанный вариант – *'jargot'* [4]. Сейчас аргю является основой речи молодёжи и, следовательно,

источником пополнения словарного запаса французского языка, т.е. переходит во все языковые страты и постоянно расширяет спектр своего применения.

Говоря о функциях аргю как современного молодежного социолекта, необходимо отметить, что, далеко не ограничиваясь исторически и традиционно ему приписываемым криптологическим предназначением (сокрытие информации от полиции, учителей, взрослых и т.д.), оно также может нести на себе людическую и идентифицирующую функции. Причем людическая функция есть ничто иное, как игра со словом, которой увлекаются, в основном, представители молодежи и юношества. Вполне очевидно, что арготическая лексика имеет высокий эмоционально-оценочный потенциал, дающий ей возможность наиболее точно передавать все оттенки значения высказывания, продуцируемого говорящим. В то же время, функция идентификации также представляется довольно значимой, поскольку предназначена для формирования состава той или иной социальной группы, ее самоутверждения. В целом, у современного аргю может выделить ряд функций:

- 1) коммуникативную;
- 2) конспиративную;
- 3) игровую (развлечение);
- 4) эмоционально-экспрессивную (выражение негативного отношения);
- 5) функцию самоидентификации (утверждение независимости) [3; 4].

Вполне очевидно, что на включение аргю в активное речевое пользование влияет целый ряд факторов, среди которых можно назвать: принадлежность к определенному слою общества, уровень образованности говорящего, его настроение, окружающая обстановка, психологические особенности, выразительность слов – эквивалентов ЛЕ стандартного французского языка, которые рассматриваются как недостаточно образные и яркие. Именно молодежи всегда свойственно стремление к нестандартному самовыражению, поиск новых шуточных, а зачастую абсурдных путей для демонстрации своей принадлежности к определенной субкультуре. Она привлекает к себе внимание не только внешними признаками: прической, одеждой, наличием татуировок, но и своей речью. Кроме того, аргю молодежи часто выступает как протест против привычных и наскучивших ей стандартов и шаблонов, стремление

к оригинальности и неординарности. Подростки, юношество желают показать свое отношение к миру, отличное от восприятия его взрослым человеком. Причем в молодежном языке используется самая разноплановая лексика: иностранные слова, профессионализмы, вульгаризмы, сокращения, метафоры и другие стилистически окрашенные средства, в частности, ЛЕ, синонимичные общеупотребительным словам, но имеющие более или менее ярко выраженную фамильярную, коннотативную эмоционально-экспрессивную окраску.

Появление и широкое распространение новых технологий, мобильной связи, электронной почты, интернет-чатов привело к тому, что в языке молодежи все чаще встречаются простые вербальные конструкции, с помощью которых можно максимально быстро передать свою мысль, т.е. «быстрые и сокращенные до минимума сообщения, предназначенные лишь для того, чтобы быть понятыми адресатом» [3, с.139]. Иначе говоря, принцип «лингвистической экономии», свойственный прежде жителям так называемых гетто, отныне принадлежит всей французской молодежи, язык которой ставит перед собой цель кодирования информации таким образом, чтобы она была предельно сжата и носила специфический отпечаток ее культуры и социальных предпочтений [3; 4]. Причем создание новых лексических единиц в молодежном арготическом социолекте происходит теми же способами, с помощью которых в свое время формировался арготический речевой стиль, как таковой. Это, прежде всего, тенденции к использованию кодификации, метафоризации, аббревиаций и иноязычных заимствований [2; 3]. Значительную часть современного молодежного социолекта составляют и так называемые рассекреченные арготизмы, т.е. единицы с относительной устойчивостью и массовой употребительностью, имеющие тенденцию к расширению сферы использования и переходу в массовое просторечие [1, 2].

Говоря о ведущих способах образования арготизмов, необходимо упомянуть, прежде всего, аффиксацию, которая подразумевает как префиксацию, так и суффиксацию. Так, в современном французском языке наиболее распространены префиксы со значением интенсивности: *-super-*,

-ultra-, *-archi-*, *-extra-*, выражающие превосходную степень чего-либо, например: *superfête* ‘суперпраздник’, *ultrachic* ‘очень роскошный’, *méganote* ‘наивысшая оценка’ [2, с. 186–198]. Префиксы служат для выделения объектов по отношению превосходства и гиперболизации над другими объектами. Можно также привести такие примеры префиксации как: *carre* ‘игровая ставка’ > *décarrer* ‘выйти из игры, сбежать’, *filer* ‘следовать за кем-то’ > *refiler* ‘выслеживать кого-либо’. Что касается суффиксации, то наибольшую частотность имеют морфемы, несущие различные оттенки отрицательной оценки, такие как *-ard-*; *-os-*. Например: *mignard* ‘милашка’; *pleurard* ‘плакса’; *rigolard* ‘весельчак, шутник’; *nullos* ‘ничтожный, плохой’ [6, р.167–187]. Однако во многих случаях суффиксы не несут на себе никакой грамматической или семантической нагрузки, а лишь вносят в семантику того или иного слова элемент языковой игры для реализации людической функции, как, например: *-oche-*; *-anche-*; *-uche-*, etc.: *médaille* > *méduche* ‘медаль, бляха’; *valise* > *valoche* ‘чемодан’; *bouteille* > *boutanche* ‘бутылка’ [5, р. 139–178]. Арготическая лексика также формируется с помощью усечения, которое представлено как аферезой (усечение первого слога), так и апокопой (усечение последнего слога). Вследствие того, что во французском языке последний слог всегда является ударным и несёт на себе наибольшую смысловую нагрузку, сокращению подвергаются обычно безударные слоги. Например: *salut* – ‘*lut*’; *bonsoir* – ‘*soir*’; *la musique* – ‘*zic*’; *l’Internet* – ‘*net*’. Апокопами чаще всего являются уже закрепившиеся графические сокращения, принятые в СМИ: *les vacances* – ‘*les vacs*’; *cet après-midi* – ‘*cet aprem*’; *pas de problèmes* – ‘*pas de prob*’, etc. [5, р. 167–170].

Одним из способов формирования лексического состава французского арго является также вторичная номинация, т.е. ассоциативное переосмысление уже имеющихся в языке слов по типу метафоризации или метонимизации. Причем важную роль при метафоризации играет аналогия, хотя, по выражению известного российского лингвиста Н. Д. Арутюновой [2, с. 178], «метафора позволяет сравнивать несопоставимое – конкретное и абстрактное,

одушевленное и неодушевленное, время и пространство». Например, словом *flute* ‘флейта’ называют худую тонкую ногу, словом *éponge* ‘губка’ называют алкоголика, а словом *agates* ‘агаты’ – ‘глаза’. В качестве метонимического переноса можно привести такие примеры, как: *col* ‘воротник>горло’, *Saddam* ‘иракский диктатор’ > ‘очень строгий профессор’, *feu* ‘огонь’ > ‘огнестрельное оружие’, *lame* ‘лезвие > холодное оружие’ [5, p. 158–187]. К специфическим механизмам создания лексических арг-моделей можно отнести и такой способ, как кодирование. Оно представляет собой засекречивание слова путём игры с его внешней формой. Отличительной особенностью французского языка является использование словообразовательного способа *Verlan*, который заключается в инверсии букв или слогов. Хотелось бы привести наиболее показательные, яркие примеры: *merci* – *cimer* ‘спасибо’; *tronche* – *chetron* ‘лицо’; *blouson* – *sonblou* ‘кофта’ и др. [2, с. 167] Также существует такой тип кодирования, как *Javanais*, который часто используется подростками и детьми. Он заключается в том, что в каждом слоге кодируемого слова между согласным и гласным, который за ним следует, вставляется -av- или -va-. Например: *grosse* – *gravosse*, *beau* – *baveau*, *moyen* – *mavoyaven* [3, с.134–136].

Наконец, одной из важнейших характеристик молодежного арг-арго является использование заимствований из разных языков мира (английского, немецкого, русского, цыганских, арабских и др.). Так, в связи с всеобщей компьютеризацией во французский язык в последние годы хлынул огромный поток англо-американских слов, фраз, употребление которых представителями какой-либо группы молодежи зачастую придает им определенный социальный статус, подчеркивает уровень их информированности, престижность, а также является следствием нестандартности, экзотичности их фонетического облика, эмоциональной экспрессивности. Многие исследователи также подчеркивают в этой связи большую роль рэпа (*rap*) и хип-хопа (*hip-hop*) в пополнении состава французского языка, в особенности, его молодежного арготического социолекта. Так, нормативному выражению *je suis triste* соответствуют в арг-арго *je suis en bad*, *je suis sad*. Довольно популярным англицизмом является и

выражение (*être*) *in love*, заменяющее стандартное *être amoureux* [3, с. 134]. Среди прочих заимствованных слов и выражений можно отметить следующие: *booster* ‘ускорять’, *challenge* ‘вызов’, *liker* ‘лайкать’ *looser* ‘неудачник’, *untrash* ‘мусор’, *unbrother* ‘друг’, *slim* ‘обтягивающие брюки’, *showbiz* ‘шоубизнес’ *fooding* ‘движение за качественную доступную пищу’, *gore* ‘кровавый’, *fun* ‘удовольствие’, *best* ‘лучший друг’, *party* ‘вечеринка’ и др. [5, р. 148–195].

Вполне очевидно, что столь обширный приток заимствований возможен благодаря интернету, без которого уже давно немислима наша каждодневная жизнь. Ведь социальные сети уже давно стали общедоступным средством массовой коммуникации, что привело к появлению особого пласта лексики, связанной с компьютерными реалиями и практикуемой так называемыми Интернет-пользователями. Фактически молодежное аргю существует во всемирной паутине, в основном, в письменном варианте, но в условиях интерактивной сетевой коммуникации темп речи максимально приближен к устной ее разновидности. Именно интернету обязаны своим появлением такие глаголы, как: *liker* ‘ставить отметку: мне нравится’, *troller* ‘издеваться, насмехаться’, ‘*spamer*’ ‘посылать спам’, *spoiler* ‘раскрывать интригу книги, фильма’ и т.д., портить удовольствие [5, р.156–189]. Данные заимствования подверглись грамматикализации и спрягаются в современном французском языке по типу глаголов первой группы.

Примером заимствования из арабского языка может служить выражение *Je te kiff* ‘Ты мне нравишься’. Распространены также следующие слова, пришедшие из арабского языка: *heps* ‘тюрьма’, *toubab* ‘коренной француз’, *bareul* ‘бесплатный’, *dawa* ‘беспорядок’ и др. [5, р.146–196]. Примером заимствования из североафриканских языков служит слово *Wesh*, которое происходит из *weshrak* ‘как дела’ (диалект алжир., мароккан.) и является междометием. Лексема *go* происходит от видоизмененного в африканском языке бамбара английского *girl* и имеет то же значение – ‘девочка, девушка’. Часть лексики пришла во французское аргю из цыганского языка: *gadij* ‘девушка’, *marav* ‘убивать’, *couillav* ‘обманывать’ [6, р. 187–190]. Вполне

понятно, что все эти явления зачастую приводят к образованию в молодежном французском социолекте своего рода «микста» из претерпевших изменения английских, французских, арабских, североафриканских слов.

В целом, молодежный арготический социолект – это сложная подсистема языка, занимающая свою специфическую нишу в его стратификационной двухуровневой структуре, отличающаяся особой эмоциональностью и экспрессивностью, сниженностью лексической коннотации и избирательностью круга носителей. Причем в основе формирования и пополнения состава молодежной социолектной лексики, как правило, лежит творческий подход к использованию языковых ресурсов и выражение субъективного отношения к действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышников, Н.В. Лексические новообразования во французском языке / Н.В. Барышников // Иностранные языки в школе. – Москва, 2016. – № 3. – С. 56-59.

2. Береговская, Э.М. Социальные диалекты и язык современной прозы / Э. М. Береговская. – Смоленск, 1975. – 234с.

3. Богатырёва, Т.Л. Современное французское арго / Т. Л. Богатырева // Вестник Волгоградского государственного университета – Волгоград, 2016. – Сер.2. Языкознание. – Т.15.- №3. –С. 123-138.

4. Громова, Г. А. Структурно-семантические особенности сложения лексических единиц в современном французском арго и просторечии / Г. А. Громова: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1983. – 213 с.

5. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de Paul Robert [Electronic resource].– Mode of access: <http://lingvostranovedcheskiy.academic.ru/> . – Date of access: 14.02.2023.

6. Guiraud, P. Structures étymologiques du lexiquefrançais / P. Guiraud. – Paris,1967. – 191p.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ВЗРОСЛЫХ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье рассматриваются вопросы формирования эстетической компетенции при обучении взрослых иностранным языкам. Рассматривается понятие эстетической функции языка, ее особенности и возможности ее формирования при помощи электронных средств обучения.

Эстетическая компетенция – это способность осознавать языковые единицы в их эстетической функции, то есть видеть и оценивать возможности слова как средства создания точного яркого образа мира, его предметов и явлений на основе «языковой природы эстетического эффекта» [5, с. 130]. Многие исследователи обращали внимание на данную языковую функцию (Г.С. Бояринцев, А.И. Горшков, Л.И. Донецки, А.И. Ефимов, Б.А. Ларин, Н.В. Черемисина), однако не существует единого определения «эстетической функции языка». Она связывается с отражением понятия прекрасного в языке, со способностью вызывать у читателя или слушателя чувство удовольствия. Представители Пражской лингвистической школы подчеркивают, что эстетическая функция языковых знаков обусловлена «установкой на выражение», то есть сосредоточение, направленность внимания на сообщение ради него самого, а не ради референта, контакта или адресата. «Главное, что отличает эстетическую (поэтическую) функцию языка – это направленность формы словесного выражения не только на передачу того или иного содержания, но и на самоё себя, на собственное совершенство, которое позволяет в самом языке ощущать прекрасное... Эстетическая функция языка требует работы над словом с целью открыть читателю и слушателю прекрасное в самом слове» [4, нет с.]. То есть те, кто изучает тот или иной иностранный язык, начинают замечать сам текст, его звуковую и словесную фактуру.

Отдельное слово, оборот, фраза начинает нравиться или не нравиться, восхищать своей точностью, глубокой осмысленностью, красотой. При помощи данной функции языка текст или речь превращается в произведение искусства с помощью метафор, эпитетов, сравнений и других выразительных средств, причем выразительность может быть представлена фонетическими, морфологическими, словообразовательными, лексическими синтаксическими способами, неожиданным выборе слов.

Эстетическая функция проявляется чаще всего в литературе, но встречается также в разговорной речи. Диапазон возможностей, в которых развивается эстетическая функция языка, включает литературные произведения, фильмы, телевизионные программы, повседневный язык. Для формирования эстетической компетенции обучающийся должен научиться понимать словесно-художественные образы на основе знаний о языковой природе эстетического эффекта, который достигается с помощью самих слов и выражений, с умением их понимать и употреблять. В учебном процессе необходимо пробуждать непосредственный интерес к языку как таковому, то есть концентрировать внимание обучающихся на самом языке, на лингвострановедческом аспекте слов и выражений, на их этимологии.

Обращение к эстетической компетенции тесным образом связано с мотивацией. Общеизвестно, что мотивация оказывает положительное воздействие на усвоение материала, на результативность отработки навыков и умений. Для поддержания мотивации необходимо, чтобы изучаемый материал был не только понятен, но и приятен. Среди различного вида мотиваций (коммуникативная, познавательная, страноведческая, инструментальная), исследователи выделяют также эстетическую мотивацию, которая способствует тому, что обучающиеся получают эстетическое удовольствие при изучении иностранного языка.

На наш взгляд, использование технологий электронного обучения может играть большую роль при формировании эстетической компетенции. Данные средства, как известно, дают возможность разнообразить учебный процесс,

способствуют повышению мотивации изучения иностранных языков, обеспечивают визуальную поддержку.

Взрослые люди, изучающие иностранный язык, приходят на занятия после рабочего дня, сказывается усталость, проблемы в профессиональной и личной жизни. В данных условиях обучающий должен сделать все возможное для создания максимально комфортной обстановки на занятиях, варьируя виды работы, используя игровые элементы. С нашей точки зрения, технологии электронного обучения помогают справиться с этими задачами.

К технологиям электронного обучения относятся следующие средства синхронной или асинхронной коммуникации, используемые для оптимизации учебной деятельности: электронные копии печатных изданий, электронные интерактивные учебники, мультимедиа-презентации учебного материала, системы компьютерного тестирования, обзорные лекции на аудио- и видеоносителях, компьютерные тренажеры, виртуальные лаборатории, интеллектуальные обучающие системы, технологии подкастинга, форумов, сайтов, блогов, сотовые телефоны, электронная почта и т.п. Выбор электронного средства обучения зависит от всех участников процесса обучения, то есть и обучающий и обучающиеся должны активно его использовать в повседневной жизни. Только в этом случае использование того или иного электронного средства будет эффективным.

Все упомянутые средства обучения могут использоваться для формирования эстетической компетенции. Так, например, популярным является приложение Viber, где каждая группа обучающихся создает свой чат. Данное приложение используется не только для сообщений информационного характера (расписание занятий, номер аудитории, перенос занятий и т.д.), но, и в учебных целях. На данное приложение можно отправлять различные материалы, включая песни, стихи и т.п. с заданием указать понравившееся по звучанию слово или выражение, объяснить этимологию понравившегося слова или выражения.

Еще одной возможностью виртуального общения являются блоги, влоги. Многие блогеры снимают и выкладывают сюжеты, представляя различные эстетические функции французского языка. Например, блог «Français avec Nelly». Блогер создает прекрасные сюжеты, подчеркивающие красоту французского языка. Например, сюжет «Les 15 plus beaux mots» ‘15 самых красивых слов’, в котором представлены слова, произношение которых ласкает слух, вызывает положительные эмоции, *les mots à savourer, les mots qu'on voulait manger* ‘слова, которые хочется смаковать, хочется съесть’: *murmurer* ‘бормотать’, *chuchoter* ‘шептать’, *écume* ‘пена’ etc. Автор произносит все слова с выражением, обращая внимание на культурный аспект некоторых слов. Так, для слова *écume* упоминается книга известного французского писателя Бориса Вьяна “*Écume des jours*” (Пена дней).

Интересными для изучения эстетической функции языка являются сюжеты блога «Français avec Fred». «L’art de séduire avec les mots» (Искусство соблазнять словами), «100 belles phrases françaises que tu devrais utiliser le plus souvent» (100 красивых французских фраз, которые тебе следовало употреблять как можно чаще), «10 Jolis mots français que Vous devriez utiliser plus souvent» (10 прекрасных слов французского языка, которые вам следовало употреблять чаще). Как видим, названия говорят сами за себя.

Не меньший интерес представляют материалы блога «Le français avec Pierre». Автор часто представляет фразеологизмы, устойчивые выражения, объясняя не только значение, употребление, но и их этимологию. В инстаграме данный блогер часто представляет страничку *humour* ‘юмор’.

Использование электронных средств обучения позволяет обучающимся выполнять самостоятельные задания, что очень нравится взрослой аудитории. Так, например, можно предложить такие задания как неделя поэзии, дни истории, любимый писатель, моменты смеха и другие. Каждый обучающийся ищет интересную информацию и делится ею с другими членами группы, происходит обмен мнениями, выбираются самые интересные сообщения.

При формировании эстетической функции языка интерес представляет, на наш взгляд, идея «перевернутого» класса, которая получила известность сравнительно недавно и становится все более и более популярной при обучении иностранным языкам. «Перевернутый» класс предполагает активность обучающегося, так как ему предлагается самостоятельно ознакомиться с новым материалом (видео, текст и т.п.) в удобном для него темпе, в удобное для него время, а в классе основное внимание посвящается развитию компетенций на основе изученного материала. Именно такой «перевернутый» класс был предложен его создателями. При развитии данного концепта была предложена идея полностью «перевернутого» класса, когда сами обучающиеся готовят для своих коллег, обучающихся, дидактические материалы для работы в классе, представляют новую информацию, готовят презентации, дебаты и т.п. Разработка занятий по методике «перевернутого» класса требует от обучающего большой подготовки, тем более что данный метод появился сравнительно недавно. Задания могут быть совершенно разными, это зависит от креативности обучающего, от интересов и возможностей обучающихся. Например, в данном случае, можно работать с литературными произведениями, обучающиеся могут подготовить выразительное чтение, найти сравнения, метафоры, фразеологизмы, эпитеты и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
2. Арутюнова, Н.Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 296-297.
3. Курилович, Н.В. Реализация эстетической функции языка в рекламе / Н.В. Курилович // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная

лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: – В 2 т. / Под общ. ред. К.Р.Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 1. – С.29-30.

4. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/phil_dict. – Дата доступа: 18.04.2023.

5. Быстрова, Е. А. Обучение русскому языку в школе: учебное пособие для студентов пед. вузов / Е.А. Быстрова, С. И. Львова, В. И. Капинос и др. – М., 2004. – 240 с.

6. Потебня А.А. Мысль и язык. / А.А. Потебня // Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 583 с.

7. Руднев Ю. Концепции дискурса как элемента литературоведческого метаязыка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sheltydom.ru/literature/txt/dicsours>. – Дата доступа: 18.04.2023.

8. Горшков, А.И. Русская стилистика / А.И. Горшков // Стилистика текста и функциональная стилистика. – М., 2006. – 368 с.

9. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.1september.ru/articlef.php>. – Дата доступа: 18.04.2023.

АНГЛИЙСКИЕ КОМПЛИМЕНТАРНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК НАЦИОНАЛЬНО-ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЙ МАРКЕР

В статье рассмотрены английские комплиментарные прилагательные как национально-идентифицирующий маркер.

В последние годы в условиях глобализации в различных сферах жизнедеятельности человечества, политики мультикультурализма во многих государствах и, как следствие, возникновения полинациональных, полирелигиозных и поликультурных обществ актуальным стал вопрос национальной идентификации. В связи с этим возникает интерес к межкультурной и межличностной коммуникации, способам получения максимально возможной эффективности от их взаимодействия. Compliments являются часто обсуждаемым исследовательским объектом для таких наук, как психология, социология, лингвистика, межкультурная коммуникация и др. Однако глобального исследования темы комплиментов как национально-идентифицирующего маркера никем не проводилось. Цель данного доклада заключается в рассмотрении корпуса английских имен прилагательных, используемых в речевых актах комплимента, с точки зрения их семантики и выявления их национальной специфики.

Материал и методы. Материал исследования – английские имена прилагательные, используемые в речевых актах комплимента, отобранные методом сплошной выборки из контента англоязычных форумов. В качестве основного метода исследования используется общенаучный метод критического анализа литературы по проблеме исследования, а также приемы сравнения и систематизации эмпирических и теоретических данных, взятых из

научных источников по вышеназванной проблеме исследования, семантический анализ, метод количественных подсчетов.

Результаты и их обсуждение. По мнению Н.Н. Романовой и А.В. Филиппова, комплимент – это тонкая и приятная похвала, нередко, однако, с оттенком лести [1].

Комплиментарные высказывания относятся к единицам речевого этикета и их основная функция – установление контакта, поддержание добрых отношений. Говорящий стремится оказать воздействие на своего партнера по общению с тем, чтобы добиться от него определенной реакции, состояния или поведения, которые соответствовали бы его замыслам и ожиданиям. Compliments предназначены для воздействия на психику и для регуляции поведения адресата и, как правило, не вносят нового логического содержания, однако характеризуются явно выраженной прагматической составляющей.

В.П. Москвин описывает в своих работах использование различных тропов и фигур речи в комплиментах как речевом жанре. Он отмечает, что самым распространенным тропом в комплименте является эпитет – определение, подчиненное задаче художественного описания объекта [2]. Эпитеты преимущественно выражаются именами прилагательными.

Методом сплошной выборки из контента англоязычных форумов нами было отобрано 516 прилагательных, комплиментарно описывающих человека. Из них 38 %, то есть 198 прилагательных, используется в значении положительных комплиментов, 40 %, или 207 прилагательных, воспринимаются как отрицательные и 22 %, или 114 прилагательных, носят характер нейтральных.

М. Кнэпп и Р. Хоппер классифицируют комплимент относительно того, что он подчеркивает: достижение (работа, игра, высказывание); одежда, украшение; внешность; личность; собственность; помощь, услуга.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что комплимент изучается многими исследователями в различных его аспектах (коммуникативном, лингвопрагматическом, лингвокультурологическом и др.) и имеет множество

классификаций. При детальном семантическом анализе отобранного фактического материала, представленного в данной статье, можно сделать вывод, что приведенная выше классификация не является полной. Следовательно, мы считаем, что целесообразно дополнить следующие лексико-семантические группы (далее ЛСГ) прилагательных, используемых для комплиментов: характеристика и свойства личности, умственные способности, волевые качества, отношения к другим людям и собственности, эмоциональное состояние, оценка человека социумом, отношение к миру, влияние внешних факторов, внешний вид, отношение к работе, поведение.

Р.В. Серебрякова, рассуждая о комплименте, подчеркивает, что: комплимент – это одобрительный фатический речевой акт, направленный на формирование положительной эмоциональной реакции собеседника, отличающийся субъективностью оценки, наличием небольшого преувеличения достоинств собеседника, повышенной эмоциональностью [3]. Взяв за основу дополненную нами вышеупомянутую классификацию лексико-семантических групп прилагательных, используемых для комплиментов, мы выявили с помощью метода количественных подсчетов следующие закономерности комплиментарного употребления английских имен прилагательных в положительном контексте:

Таблица 1 – Употребление английских имен прилагательных

ЛСГ английских комплиментарных прилагательных, употребляемых в положительном контексте										
Хара к-тер и свой с-тва личн о- сти	Умств ен-ные способ ности	Вол е- вые каче с- тва	В отно- шении к людям, собств ен- ности	Эм о- ции	Оце н- ка че- лове ка соци у- мом	Отноше ние к миру	Влия -ние вне ш- них факт о- ров	Вне ш- ний вид	Раб о-та	Пове де- ние

37	19	16	15	19	22	9	6	16	17	26
19%	9%	8%	7%	9%	11%	4%	3%	8%	8%	14%

В результате проведенного исследования анализируемых языковых единиц и на основании полученных количественных данных мы приходим к выводу, что к наиболее многочисленным лексико-грамматическим группам английских имен прилагательных, употребляемых представителями английской лингвокультуры в речевых актах положительного комплимента, относятся ЛСГ характера и свойств личности, ЛСГ поведения человека и ЛСГ оценки человека социумом. Следовательно, данные ЛСГ могут быть расценены как национально-идентифицирующие маркеры английской лингвокультуры. В этом, на наш взгляд, и заключается одна из национальных особенностей англичан, вытекающая из комплекса их национальных ценностей и репрезентирующая важность для них подчеркнуть комплементом в положительном свете характер личности собеседника, его поведение и положение в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова, Н.Н. Словарь. Культура речевого общения: Этика, прагматика, психология / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 302 с.
2. Москвин, В.П. Тропы и фигуры: параметры общей и частных классификаций / В.П. Москвин. – Волгоград, 2008. – 200 с.
3. Серебрякова, Р.В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах. / Р.В. Серебрякова. – Воронеж, 2002. – 258 с.

ВАЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье анализируется использование современных цифровых технологий и специфика обучения иностранному (английскому) языку при помощи Интернет-ресурсов в различных учебных заведениях, рассматриваются их преимущества и устанавливается актуальность применения онлайн-источников в образовательном процессе. Раскрываются возможности решения дидактических задач иностранного языка в школах и вузах на основе использования современных информационно-коммуникативных технологий и ресурсов Интернета.

В настоящее время, в век информационных технологий, когда у каждого есть портативный компьютер, прогресс уже заметно опережает нашу жизнь. С каждым днём преподаватели, учителя, наставники и менторы всё больше ощущают, как тяжело обходиться без информационных технологий, обучая людей любого возраста. Особенно это актуально для изучающих и преподающих иностранные языки.

Интегрирование Интернета в обучение сейчас стало одной из актуальнейших проблем. Интернет появился как решение проблемы связанной с высоким ростом экономики. Уже впоследствии он вошёл в образовательный процесс. Использование Интернета в качестве средства обучения способствует реализации целей обучения. Введение сети Интернет в процесс обучения усиливает у учащихся желание учиться.

В области внедрения Интернет-технологий в образовательные программы существует проблема малого количества ресурсов на данный момент, однако потенциал этих ресурсов практически безграничен. Создав единую информационную среду обучения, повысится возможность коммуникации между учащимися.

Из дня в день в школах, колледжах и университетах появляются технологии, делающие образование интереснее и качественнее. Использовать Интернет в процессе обучения неизбежно в нынешних реалиях. Возможности виртуального обучения ежедневно расширяются, благодаря чему образование становится более мобильным (можно учиться, не выходя из дома), разносторонним (кто-то будет смотреть фильмы, а кто-то будет общаться с носителями языка), информативным (можно найти самые актуальные данные), обыденным (современному человеку читать что-то в телефоне уже стало привычнее «зубрёжки» над учебником).

Компьютерные технологии применимы в любых сферах образовательного процесса. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что внедрение Интернета в обучение, подразумевает выход в единое всемирное образовательное пространство, в котором можно изучать иностранные языки как самостоятельно, так и с педагогом или носителем языка.

Благодаря Интернету учитель сможет разговаривать с учащимися на их языке, что благотворно повлияет на вовлечённость последних в образовательный процесс. Современному педагогу необходимо владеть навыками позволяющими без труда ориентироваться в трендах и новинках, направить ученика в нужное русло, обучив критически мыслить.

Интернет-технологии актуальны благодаря необходимости формирования умения самостоятельной учебной деятельности. Сегодня, в связи с быстрым увеличением объема информации, сами по себе знания прекращают быть самоцелью. Вследствие этого цель каждого педагога – помогать учащимся быть активными, а также сформировать желание искать дополнительные знания.

Бумажные учебники, оставаясь неизменной классикой, устарели, особенно в таких дифференцированных по информации предметах как иностранные языки. Преимущество Интернета перед традиционной книгой неоспоримо. Благодаря современным технологиям мы можем оживить информацию по средствам графики. Обширность тем, которые можно найти в Интернете

буквально безгранична. От фильмов и сериалов до научных статей и диссертаций — это всё можно найти в Интернете на любом языке мира [3].

Благодаря современным данным, изучающий язык может проще понять тонкости использования тех или иных понятий и терминов, а также такая интеграция обыденных материалов поможет быстрее освоить поставленную задачу и дать понять какие данные действительно применяются на практике. Ко всему прочему, ученику открывается возможность расширить свой кругозор посредством культурного обмена происходящего за счёт внедрения социо-историко-культурных знаний, без которых не обходится ни одно изучение языка.

Использование Интернет-ресурсов в изучении иностранных языков способствует привитию интереса к предмету у учащихся, а также позволяет учитывать способности и уровень развития, помогает осознать важность и значимость языка. Применение Интернет-ресурсов наиболее актуально для старших возрастов (средняя школа, колледжи, университеты). В этих возрастных группах люди уже самостоятельно могут определить цель изучения языка. Благодаря гибкости Интернет-обучения цель каждого обучающегося можно будет удовлетворить. Главными становятся поиск, осознание и переработка новых знаний. В таком случае учитель же должен выступать как организатор, менеджер образовательной деятельности.

Согласно определению, учебные Интернет-ресурсы – это образовательные порталы, курсы дистанционного обучения, электронные словари, авторские системы, электронные библиотеки, веб-страницы и многое другое. С их помощью можно формировать когнитивную базу учащегося, в которой будут заложены навыки по поиску, классификации, анализу и обобщению информации.

Ученые выделяют следующие преимущества использования Интернет-ресурсов:

- Интернет-ресурсы всегда остаются актуальными. Им не страшны длительные переиздания и неожиданные новшества индустрии.

- Преподаватель является руководителем процесса поиска и обработки информации, а не единственным её источником.

- Интернет развивает «мягкие» навыки индивида.

- Интернет позволяет взаимодействовать напрямую с носителем языка. Также он помогает найти платформу/носителя/программу, подходящие конкретному учащемуся.

- Интерактивность Интернет-ресурсов позволяет развить психологические и социальные навыки посредством работы в одиночку и в коллективе.

Благодаря гибкости Интернет-ресурсов воспроизводится уникальная учебная среда, которая эффективно решает дидактические задачи иностранного языка:

- развитие навыков чтения в соответствии со степенью обучения;

- восприятие иностранной речи посредством взаимодействия с материалами записанными носителями языка;

- совершенствование навыков письма коллективно (проект, рабочий чат) и индивидуально (письмо, резюме);

- знание актуального языка, идиоматических выражений и сленга;

- социокультурное взаимодействие;

- формирование мотивации к обучению [2].

Компьютер становится универсальным средством работы с информацией, замыкая электронную информационную среду в единое универсальное пространство.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: информационные технологии позволяют:

- создать условия для организации работ и проектов, как индивидуальных, так и коллективных;

- создать практически круглосуточную поддержку учащегося;

- оперативно обмениваться информацией;

- приблизиться к реальной рабочей деятельности, привлекая учеников к образовательному процессу;

- развивать умения работы с информацией (получение, обработка, анализ и т.д.);

- создавать настоящую потребность в знании языка путём прямого общения с носителем [1].

Таким образом, исходя из главной цели обучения — развитие личности — можно заключить, что процесс обучения иностранному языку многогранен. При этом индивид должен определить для себя главный навык, а именно лёгкость в вопросах межкультурной коммуникации, а также самостоятельное совершенствование своих навыков. Внедрение новых технологий поможет разнопланово развить учащихся как в нравственном и творческом аспектах, так и в интеллектуальном. Благодаря гибкости Интернет-ресурсы станут универсальным средством получения информации, а процесс обучения станет мобильным для творческих и социальных особенностей каждого учащегося. Интеграция Интернет-ресурсов крайне положительным образом повлияет на всё образование в частности и общий уровень знаний нации в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грин, Н. В. Интернет как средство обучения / Н.В. Грин // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 5. – С. 59–61.

2. Павлова, Е. А. Преимущества использования Интернет-ресурсов при обучении иностранному языку / Е.А. Павлова // Открытый урок 1 сентября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urok.1sept.ru/articles/626546?ysclid=lgh0bq67fm782776167>. – Дата доступа: 10.04.2023.

3. Сысоев, П. В. Использование новых учебных Интернет-технологий в обучении иностранному языку (на материале культуроведения США) / П.В. Сысоев, М.Н. Евстигнеев // Вестник Тамбовского университета. – Серия 2: – Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 363–371.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

В статье подчёркивается важность профессионально-методической компетентности преподавателя иностранного языка в техническом вузе, поскольку преподавание данной дисциплины основано на междисциплинарной интеграции специальности и иностранного языка (ИЯ), что способствует формированию определенного подхода к содержанию своей профессии, профессионального поведения и общения.

Актуальность темы данной статьи обусловлена изменениями, которые претерпевает образовательная система высшего образования в процессе перехода к новой образовательной парадигме, основанной на профессиональных стандартах выпускников вузов. В сегодняшних реалиях нашей страны все больше проявляется тенденция к практической реализации и коммерциализации высшего образования. В связи с этими требованиями меняется взгляд на профессиональную деятельность преподавателей высших учебных заведений. С одной стороны, профессионально-педагогическая деятельность преподавателей вузов становится все более технологичной, происходит поиск наиболее эффективных методов и технологий для их интеграции в учебный процесс, становясь необходимой предпосылкой для эффективной реализации компетентностного подхода преподавателя. С другой стороны, особое значение для развития профессиональной компетентности имеют личностные качества педагога, поскольку они во многом определяют человека как профессионала, а также когнитивный компонент, важность которого подчеркивают многие авторы [1; 5; 9].

Когнитивный компонент в структуре профессиональной компетенции преподавателя вуза предполагает отход от сложившихся стереотипов педагогической деятельности и овладение новыми способами

профессиональной самореализации. Когнитивный компонент может быть охарактеризован следующими критериями: актуальные, интегрированные знания не только в своей предметной области, а также готовность постоянно их совершенствовать; креативность; гибкость и аналитическое мышление, то есть быстрое и гибкое принятие обоснованных решений; способность самостоятельно решать сложные проблемы в профессиональных, социальных и личных ситуациях; способность к анализу профессиональной ситуации и рефлексии.

Профессионально ориентированная педагогическая направленность в сфере образования является важнейшей составляющей профессиональной пригодности человека к педагогической деятельности, предполагая тем самым положительное отношение как к себе как к профессионалу, так и высокий уровень активности в профессиональной сфере. Преподаватель неязыкового вуза должен быть готов к решению новых профессиональных задач с учетом требований междисциплинарной интеграции, т.е. внедрения методики предметно-языкового интегрированного обучения. Предметно-языковое интегрированное обучение (Content language integrated learning – CLIL) является набором методических приемов, основанных на междисциплинарном подходе к преподаванию иностранных языков в неязыковом университете, в основе которого заложена модель 4 C, которая представляет собой целостный подход, объединяющий Content, Communication, Cognition, Culture / Citizenship (содержательный, коммуникативный, когнитивный и культурный компоненты) [3]. В этом контексте иностранный язык выступает медиатором в приобретении профессиональных знаний, «позволяющих успешно устанавливать связи между профилирующими дисциплинами, а также осуществлять эффективную подготовку будущего специалиста к ведению профессионального общения с коллегами на иностранном языке» [3, с. 44].

Проблема междисциплинарного взаимодействия приобретает на сегодняшний день особую актуальность для технических университетов в связи с возрастающими требованиями к подготовке специалистов технического

профиля, т.е. специалиста, универсала. Это означает приобретение определенного уровня лингвистической компетенции и профессиональных знаний в привязке к изучаемым академическим дисциплинам. Определяющие профессиональные качества инженера больше не определяются понятиями неизменных «знаний, навыков и умений», полученных в процессе обучения; современные профессиональные качества теперь предполагают наличие у инженеров «практических, гибких и постоянно обновляемых знаний». С точки зрения работодателя, выпускник технического вуза должен уметь системно мыслить, а также уверенно и свободно решать проблемы как смежных, так и отличающихся по характеру наук. Современный инженер, решающий различные сложные научно-технические задачи, должен одновременно разбираться в естественнонаучных вопросах и обладать стилем мышления менеджера или дизайнера. Как показывает практика, именно такие многопрофильные специалисты более продуктивны в решении актуальных социально-экономических проблем, разработке и внедрении инноваций [10, с. 175]. Исходя из такого понимания природы педагогической деятельности, основными функциями педагогов в подготовке будущих инженеров сегодня являются: педагогическая поддержка в развитии творческого и профессионального потенциала обучающегося; обучение гибким, так называемым «мягким навыкам (Soft Skills)», которые важны как в профессиональном, так и в личностном плане [2, с. 20].

Важнейшей тенденцией в инженерном образовании становится интеграция технических и социально-гуманитарных наук, тем самым обеспечивая понимание взаимосвязи и взаимозависимости различных составляющих инженерного образования. Все это предполагает обновление содержания и методик подготовки специалистов в технических вузах с учетом междисциплинарного подхода и реализации идей устойчивого развития [4]. В этом контексте важно, чтобы преподаватели определяли инженерную деятельность не только по факторам технологической эффективности, но и по критериям социальной необходимости.

Вместе с тем, результативность процесса развития профессиональных и иноязычных компетенций у студентов во многом зависит от возможности и готовности преподавателей различных учебных дисциплин активно и плодотворно включиться в процесс обучения, а также от принципиально нового понимания сущности профессиональных компетенций самого преподавателя. Именно концептуальное понимание преподавателем своих профессиональных навыков, специфики учебной группы, а также перспектив развития профессиональных компетенций будущих специалистов определяет профессиональную гибкость преподавателя в использовании современных образовательных технологий для создания условий развития профессиональной идентичности будущих специалистов [12].

Следует отметить, что для современных реалий характерно огромное количество информации, которая существенно влияет на профессиональную деятельность самого преподавателя. В профессионально-педагогической культуре информационная и технологическая составляющие взаимосвязаны, и для подтверждения профессиональной компетентности педагога они должны не только сводиться к системе знаний о ходе информационного прогресса, но и включать аспект активного взаимодействия и обогащения, стремление к постоянному самообразованию в этой области [13, с. 83]. Значимость информационно-технологического аспекта в работе преподавателя вуза заключается, прежде всего, в его умении ориентироваться в быстро меняющейся информационной среде, что повышает общий уровень профессиональной культуры как преподавателя, так и студента.

Принимая во внимание требования междисциплинарной интеграции преподаватель иностранного языка должен следовать следующим требованиям, которые способствуют практико-ориентированной подготовке студентов и формированию у них междисциплинарных компетенций, а именно развитию профессиональной и иноязычной компетенции: быть готовым устанавливать междисциплинарные связи как внутри, так и между циклами естественнонаучных, общепрофессиональных и социально-гуманитарных

направлений. Преподаватель должен быть готов к обновлению содержания учебной программы и методов обучения будущих специалистов с учетом необходимости решения растущих экологических и социально-экономических проблем; стараться внедрять проблемно-исследовательские методики в сочетании с активными и интерактивными формами и методами обучения; организовывать научно-исследовательскую работу студентов, вовлекая их на основе кейс-заданий и проектов в научно-прикладные исследования, в том числе в международные и межвузовские проекты.

Таким образом, преподавателю необходимо по-новому выстраивать образовательный процесс, включая также информационно-коммуникационные технологии для дистанционного обучения, обмен учебной информацией на расстоянии и внедрение новых методов обучения, основанных на использовании онлайн-сервисов. «Можно утверждать, что это является важным средством для достижения общих целей в системе образования, тем самым позволяя изменить сущность и организацию процесса обучения студентов по иностранному языку. В этом ключе вопрос о взаимодействии новых технологий и культуры преподавателей вузов приобретает особую важность» [11, с. 334].

Однако применение междисциплинарного подхода на практике сопряжено со многими трудностями: как организовать познавательную деятельность студентов так, чтобы они могли и хотели устанавливать и выстраивать взаимосвязь между учебными предметами, как пробудить их когнитивный интерес к решению мировоззренческих вопросов науки, а также как объединить усилия педагогов из разных предметных областей для достижения общего эффекта обучения. Многие из преподавателей представляют междисциплинарный подход как непостоянную, несистемную модель, которую можно использовать эпизодически при изучении определенных тем в учебном материале. Тем не менее, следует отметить, что это последовательный и целостный процесс, в рамках которого общеобразовательные и профильные предметы, а также профессиональный модуль объединены в единую систему

[7]. Такая взаимосвязь, безусловно, способствует повышению качества усвоения студентами учебного материала. Благодаря междисциплинарной методике создается синтез между целями специальных профилирующих учебных дисциплин и иностранного языка, что позволяет сделать предметный контент более понятным. В данном случае можно смело утверждать о единой междисциплинарной цели.

Таким образом, о многомерности профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка свидетельствует его способность интегрировать в различные области, в умении одновременно творчески осуществлять несколько видов деятельности [6]. Это ярко прослеживается на примере профессиональной деятельности преподавателя технического вуза по учебной дисциплине «Иностранные языки (Профессиональная лексика)», которая происходит в непосредственном взаимодействии с преподаванием учебных дисциплин предметной области. Например, для выпускников в области логистики уверенное владение иностранным языком является важным показателем их профессиональной компетенции. По сложившейся традиции принято считать, что ответственность за развитие иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся лежит на преподавателе в рамках учебной дисциплины «Иностранный язык» [8].

Однако в техническом университете преподавателям иностранного языка с гуманитарным образованием часто не хватает профессионального опыта и знаний в определенных областях, поэтому для качественного и максимально эффективного обучения студентов необходимо сотрудничество с преподавателями-предметниками. Это взаимодействие может осуществляться по нескольким направлениям. Во-первых, преподаватели кафедр иностранных языков должны быть детально ознакомлены с учебными программами дисциплин профилирующих кафедр. Во-вторых, можно предложить студентам подготовить презентационные проекты или эссе на иностранном языке по любому аспекту изучаемой ими специальности, пригласив преподавателей профильных дисциплин, чтобы содержание было понятным, несколько

студентов могут выступить в качестве переводчиков. Следующим шагом может стать совместное определение перечня тем для учебно-методического обеспечения курса иностранного языка. Помимо этого, преподавателям кафедр иностранного языка необходимо взаимодействовать с преподавателями основных кафедр и в направлении научно-исследовательской работы студентов для обсуждения профессиональных терминов, необходимых студентам для написания научных статей на иностранном языке по изучаемой специальности, а также аннотаций своих будущих выпускных квалификационных работ [3, с. 47]. Методически согласованное сочетание предметов в рамках одной учебной программы может помочь студентам достаточно хорошо и быстро усвоить тот объем специализированной лексики, который предлагается им для конкретной профессии в контексте иноязычной речи. Такой подход помогает студентам выработать целостное представление о своей будущей профессии.

Благодаря междисциплинарному подходу в обучении иностранному языку, умению моделировать в учебном процессе будущую профессиональную деятельность студента, своему профессионализму и использованию различных дидактических средств, в частности внедрению активных и интерактивных методов в образовательный процесс, преподаватель расширяет возможности творческой познавательной деятельности студента, формируя таким образом его профессиональный и творческий потенциал.

В условиях, когда уровень и качество высшего образования является сегодня одним из показателей, определяющих темпы экономического развития и место нашей страны в мировом сообществе, преподаватели вузов обязаны проявлять свой высокий уровень профессионализма, понимаемый как высокий уровень психолого-педагогических и научно-предметных знаний и умений в сочетании с соответствующим культурно-нравственным обликом, что на практике гарантирует социально-востребованную подготовку выпускников как будущих конкурентоспособных специалистов на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайтулевич, С. Н. Сущность и пути развития критического мышления преподавателя высшей школы / С.Н. Вайтулевич, Т.В. Михайлова, К.О. Петрова // Современные наукоемкие технологии. – 2008. – № 9. – С. 70-72.
2. Гурье, Л. И. Технологии развития профессиональной компетентности преподавателя вуза: монография / Л.И. Гурье // Казань: РИЦ «Школа», 2010. – 255 с.
3. Дубских, А. И. Предметно-языковое интегрированное обучение иностранному языку студентов неязыковых направлений: преимущества и проблемы внедрения / А. И. Дубских // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. – №4 (39) – С. 44–50.
4. Жук, О. Л. Междисциплинарная интеграция на основе принципов устойчивого развития как условие повышения качества профессиональной подготовки студентов / О.Л. Жук // Весн. Белар.дзярж. ун-та. – Сер.4. – 2014. – №3. – С. 64–70.
5. Коржуев, А. В. Рефлексия и критическое мышление в контексте задач высшего образования / А.В. Коржуев, В.А. Попков, Е.Л. Рязанова // Педагогика. – 2002. – № 1. – С. 18-22.
6. Копытова, Н. Е. Многомерная профессиональная деятельность преподавателя вуза: от функций к компетенциям / Н.Е. Копытова // Вестник ТГУ, 2012. – №10. – С. 103-112.
7. Лирцман, С. К. Особенности применения междисциплинарного подхода в профессиональном образовании / С.К. Лирцман // Научно-информ. журнал «Информо». – 2019. – № 1. – С. 40-48.
8. Ржеуцкая, С. Ю. Междисциплинарное взаимодействие в интегрированной информационной среде обучения технического вуза. / С.Ю. Ржеуцкая, М.В. Харина // Открытое образование. – 2017 – № 2. – С. 21-28.

9. Сорокоумова, Г. В. Воспитательная компетентность будущего педагога: психологические механизмы и условия развития / Г.В. Сорокоумова: Автореф. дис... д-ра психол. наук. – Н. Новгород, 2011. – 54 с.

10. Станкевич, Н. П. Профессиональная деятельность преподавателя технического вуза с учетом требований междисциплинарной интеграции / Н.П. Станкевич // Информационные технологии в политических, социально-экономических и технических системах: материалы науч.-практ. конференции, 22 апреля 2022 года. – Минск: БНТУ, 2022. – С. 175-177.

11. Станкевич, Н. П. Использование онлайн-ресурсов как технологический компонент профессиональной культуры преподавателя вуза / Н.П. Станкевич // Язык. Общество. Образование: сб. науч. трудов III Междунар. науч.-практ. конф. «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования». – Томск: Изд-во Томского политехн. ун-та, 2022. – С. 133–336.

12. Шаршов, И. А. Сущность и структура компетентностно-развивающей модели повышения квалификации научнопедагогических кадров / И. А. Шаршов, Л.Н. Макарова // Вестник Тамбовского ун-та. – Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2011. – Вып. 1 (93). – С. 105-110.

13. Ширина, Т. Г. Информационно-технологическая культура как критерий профессионализма преподавателя вуза в рамках международных образовательных программ / Т.Г. Ширина, Д.А. Ширин // Вестник НовГУ. – 2014. – №79. – С. 81–83.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭРГОНИМОВ

(на материале наименований объектов гостиничной индустрии
Республики Ирландия)

В статье выявляются семантические характеристики наименований объектов гостиничной индустрии Республики Ирландия, систематизируются лексико-семантические модели данного разряда ономастических единиц, проводится анализ мотивационных связей между апеллятивом, от которого образован оним, и объектом.

Географические названия, т.е. собственные имена морей, рек, озер, болот, гор, холмов, лесов, городов, селений, земельных угодий и других географических объектов, изучает топонимика (от греч. *topos* «место, страна» + *онима* «имя»). Это пограничная научная дисциплина, возникшая и развивающаяся на стыке нескольких наук: языкознания, истории и географии. Цель ее – всесторонне изучение географических названий.

Топонимы занимают особое место в лексической системе языка. В современной ономастике топоним рассматривается как свернутый текст, который «по-разному и всякий раз в неравном объеме актуализируется в различных речевых ситуациях и состоит из нескольких логико-информационных модулей» [2, с. 84]. Топоним понимается как обобщенное название любых топообъектов: от крупных географических и административно-территориальных районов до мелких внутригородских объектов, собственное имя как природных объектов на Земле, так и объектов, созданных человеком и зафиксированных в данном регионе.

Топонимы, указывая на отдельные единичные предметы, не называют классы однородных предметов, являются предельно локализованными словами и теснейшим образом связаны с единичными географическими понятиями. Топонимы образуют на территории любого района или области свою

определенную систему. «Топонимия любой территории многоязычна и разновременна. Но тем не менее это не конгломерат разнородных наименований, а система, организованная и упорядоченная, элементы которой находятся во взаимной связи. Под территориальной топонимической системой мы понимаем упорядоченное множество единиц (топонимов) с социальной функцией дифференциации и идентификации географических объектов какой-либо исторически и географически ограниченной территории. Каждая система, формируясь, вбирает в себя разноразличные предшествующие топонимы» [1, с. 60].

Изучением любой топонимической системы представляет интерес не только для топонимики, но и для лингвистики в целом, поскольку исследование системы не мыслится без изучения характерных для нее топонимических структур.

В связи с переходом на рыночную экономику в странах и в связи с резким увеличением объектов различных видов деятельности весьма интересным представляется изучение эргонимов, под которыми мы понимаем вслед за Н.В. Подольской «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [2, с. 84]. Язык города включает в себя пространство номинаций, охватывающее обширный пласт различных наименований: названий микрорайонов, улиц, площадей, домов, промышленных, торговых, культурных, спортивных учреждений и др.

Предметом нашего исследования являются наименования объектов гостиничной индустрии как часть общей эргонимической системы Республики Ирландия. Выбор и сосредоточенность исследовательского внимания на наименованиях объектов гостиничного бизнеса объясняется следующим: во-первых, сфера обслуживания туристов, являясь одной из наиболее важных социальных и экономических сторон города, представлена в Республике Ирландия широким выбором фешенебельных отелей, размещенных в замках, отелей в загородных домах с прекрасными садами, уютных деревенских

гостиниц или пансионатов, апартаментов с самообслуживанием, комнат в домах сельских фермеров и т.д.; во-вторых, повсеместным является использование названий данных заведений в деловом и повседневном общении; в-третьих, наименования объектов туристической деятельности являются типичными эргонимами, демонстрирующими региональную специфику единиц, устанавливающих определенные парадигматические связи.

Стандартная модель построения номинации в названном микрополе выглядит следующим образом: собственно эргоним + номенклатурная единица или наоборот (например, *Cork's Vienna Woods Hotel, Manor House Country Hotel, The Lodge at Ashford Castle, Galway Bay Sea View Apartments, Corrib View Guesthouse, Jacobs Inn Hostel, Castle Hotel Macroom, etc.*). В эргонимическом поле «Объекты гостиничной индустрии» было зафиксировано пятнадцать номенклатурных терминов, являющихся наиболее употребительными:

– castle (a large strong building built in the past by a ruler or important person to protect the people inside from attack) ‘замок, дворец’ (например, *The Lodge at Ashford Castle, Ballyseede Castle, Bellingham Castle, Lough Rynn Castle, Markree Castle, etc.*);

– hotel (an establishment providing accommodation, meals, and other services for travellers and tourists) ‘отель, гостиница’ (например, *Sea View House Hotel, Ross Lake House Hotel, Clew Bay Hotel, Randles Hotel, Bush Hotel, Arnolds Hotel, The Victoria Hotel Galway, Glengarrif Park Hotel, Granville Hotel, Shearwater Hotel, Caisleain Oir Hotel, etc.*);

– castle hotel (modern rooms across the way with a great view of the castle) ‘отель на территории замка’ (например, *Abbeyglenn Castle Hotel, Ballynahinch Castle Hotel, Cabra Castle Hotel, etc.*);

– resort/house hotel and spa (a facility within the boundary of a resort building that provides professionally administered personal care treatments such as massages, facials, hair care, and nail care) ‘курортный спа-отель’ (например, *Parknasilla Resort and Spa, Knockranny House Hotel and Spa, Fitzgeralds Woodlands House*

Hotel and Spa, Falls Hotel and Spa, Mount Wolseley Hotel, Spa and Golf Resort, Muckross Park Hotel & Spa, Knightsbrook Hotel, Spa & Golf Resort, etc.);

– hotel, golf and country club (a privately owned club, often with a membership quota and admittance by invitation or sponsorship, that generally offers both a variety of recreational sports and facilities for dining and entertaining) ‘загородный гольф-клуб’ (например, *Slieve Russel Hotel, Golf and Country Club, etc.);*

– house (a building for human habitation, especially one that consists of a ground floor and one or more upper storeys) ‘дом, жилище’ (например, *Scribble House, Four Seasons House, etc.);*

– estate (an extensive area of land in the country usually with a large house owned by one person, family, or organization) ‘имение’ (например, *Mount Falcon Estate, Kippure Estate, Johnstown Estate, Farnham Estate, Mount Juliet Estate, etc.);*

– farm (an area of land together with a house and buildings used for growing crops and/or keeping animals as a business) ‘ферма’ (например, *Archill View Farm, Lowry’s Little Flock Farm, Castleoliver Farm, etc.);*

– accommodation(s) (a room, group of rooms, or building in which someone may live or stay) ‘жилье, помещение’ (например, *Sieve Budget Accommodations, Pebble Beach Accommodation, Clonakilty Accommodation, Lizzys Little Kitchen Town Accommodation, etc.);*

– apartment(s) (a self-contained housing unit that occupies part of a building generally on a single story) ‘квартира, апартамент, комната’ (например, *St. Bridges Serviced Apartments, The Western Citypoint Apartments, Galway Bay Sea View Apartments, The Forge Apartments, Mulranny Park Hotel Apartments, Gleneagle River Apartments, etc.);*

– hostel (an establishment which provides inexpensive food and lodging for a specific group of people such as students, workers, or travellers) ‘общежитие, гостиница, турбаза’ (например, *The Apache Hostel, Abbey Court Hostel, Kinlay House Hostel, Woodquay Hostel, Galway City Hostel, Snoozles Tourist Hostel, etc.);*

– lodge (a small house in the country used especially by people on holiday or taking part in sports, or one on land belonging to a large house) ‘домик’ (например,

The Pikers Lodge, Muxnaw Lodge, Clody Lodge, Sheen Falls Lodge, Virginia Park Lodge, Lough Mardal Lodge, Island View Lodge, Temple View Lodge);

– wagon (a vehicle used for transporting goods or another specified purpose) ‘фургон, повозка’ (например, *The Wonderly Wagon, etc.*);

– guesthouse (a private house offering accommodation to paying guests) ‘пансион, гостиница’ (например, *Corrib View Guesthouse, etc.*);

– B&B (sleeping accommodation for a night and a meal in the morning) ‘полупансион, только завтраки’ (например, *Marguerite’s B&B, Heeny’s Lodge B&B, Brennan’s B&B, etc.*).

Менее распространенными номенклатурными терминами являются *Lighthouse, Ranch, Courtyard, Chalets*, которые можно обнаружить в следующих эргонимах соответственно: *Clare Island Lighthouse, Lough Inagh Ranch, Cronybyrne Courtyard, Killinure Chalets*.

Выявление семантических характеристик позволяет увидеть стабильные функционально-семантические свойства языковых единиц и выявить в ряде случаев дискурсивно обусловленные изменения в комбинаторике семантических компонентов слова. Функционируя в роли эргонима, лексема демонстрирует иную семную структуру, нежели тогда, когда слово выполняет свою обычную функцию, не являясь именем собственным. В структуре значения часто меняется доминантный состав сем, потенциальные семы могут стать более активными, ярко выраженными, другие, наоборот, становятся затемненными. Специфические особенности данного процесса можно наблюдать при анализе тематических групп.

Современные городские названия нередко представляют собой достаточно сложные семантические структуры. В исследуемом эргонимическом поле языковое пространство неоднородно и образует несколько тематических групп.

Можно выделить тематическую группу «Территориальное расположение объекта гостиничной индустрии». Наименование отеля *Glengarrif Park Hotel* включает в себя название деревни в Ирландии, графстве Корк, неподалеку от которого находится Гленгарриффский национальный парк, давший поселению

имя, – *Glengarrif Park*, а также лексему *Hotel* ‘отель, гостиница’. В эргонимах *Castle Hotel Macroom*, *Hylands Burren Hotel*, *Pembroke Kilkenny*, *Ballyseede Castle* на территориальное расположение объектов гостиничной индустрии указывают топонимы ‘Макрум’ (торговый город в Ирландии в графстве Корк), ‘Беррен’ (район графства Клэр в Ирландии), ‘Килкенни’ (город в Ирландии, административный центр графства Килкенни, а также его крупнейший город), ‘Баллисиди’ (город в графстве Керри, Ирландия) соответственно.

В наименованиях объектов гостиничного бизнеса выявлены апеллятивы, которые указывают на особенности номеров в них. Эргонимы *Sea View House Hotel*, *Bayview Hotel*, *Galway Bay Sea View*, *Archill View Farm*, *Corrib View Guesthouse* происходят от лексем *Sea View* ‘с видом на море’, *Bayview* ‘с видом на залив’, *Archill View* ‘с видом на Акилл’ (самый большой остров вблизи западного побережья Ирландии), *Corrib View* ‘с видом на озеро Корриб на северо-западе страны’ и т.д.

Гидронимы “*bay, lough, lake*” обнаруживают себя в таких номинативных единицах как: эргониме *Clew Bay Hotel*, состоящем из названия залива Атлантического океана в графстве Мейо *Clew Bay*, а также лексемы *Hotel* ‘отель, гостиница’; эргониме *Lough Inagh Lodge Hotel*, в котором выявляется топоним *Lough Inagh* ‘Лох-Инах’ – пресноводное озеро в долине Инах, в Коннемаре, Голуэй, на западе Ирландии – и лексема *Lodge Hotel* ‘гостиница’; эргониме *Ross Lake House Hotel*, включающем в себя топоним *Ross Lake* – название пресноводного озера на западе Ирландии Росс – и лексему *House Hotel* ‘отель, гостиница’; эргониме *Killyhevlin Lakeside Hotel & Lodges*, который состоит из названия озера *Killyhevlin* ‘Киллихевлин’, лексем *Lakeside* ‘берег озера’, *Hotel* ‘отель’ и *Lodges* ‘временное жилье’; эргониме *Lough Eske Castle Hotel*, в котором можно выделить топоним *Lough Eske* – название небольшого озера в графстве Донегол на западе Ольстера в Ирландии Эск, а также лексем *Casle* ‘замок’ и *Hotel* ‘отель’. Эргоним *Mill Park Hotel* мотивирован топонимом *Mill* – река в графстве Донегол, Ирландия – и лексемами *Park* ‘парк’ и *Hotel* ‘отель, гостиница’.

Особым и немалочисленным объединением эргонимов является группа, мотивированная именем или фамилией человека и тем самым идентифицирующая созданные этим человеком объекты. В качестве мотиватора эргонима может выступать имя владельца объекта гостиничного бизнеса, имя ее/его жены/мужа, родственницы/родственника, случайное имя, не сообщая о человеке ничего, следовательно не выражая ни семантической, ни прагматической направленности. Название курортного спа-отеля *Fitzgerald's Woodlands House Hotel and Spa* включает в себя фамилию Мери и Дика Фицджеральд *Fitzgerald's*, которые основали отель более сорока лет назад, лексему *Woodlands* 'лесной массив, зеленый массив', а также лексему *House Hotel* 'гостиница, отель'. К таким наименованиям можно отнести и следующие эргонимы: *Lowry's Little Flock Farm*, *Bush Hotel*, *Brooks Hotel*, *The Victoria Hotel*, *Marguerite's B&B*, *Brennan's B&B* и т.д.

Лексема «лес» находится на поверхности значения таких номинативных единиц, как *Cork's Vienna Woods Hotel*, *Carrigbyrne Forest*, *Fitzgerald's Woodlands House Hotel and Spa* так как 'Woods', 'Forest', 'Woodlands' обозначают 'лес, роща', 'лес, заповедник, заказник', 'лесистая местность, лесной массив' соответственно и тем самым идентифицируют расположение того или иного объекта гостиничной индустрии. Так *Carrigbyrne Forest* расположен вблизи государственного лесного заповедника Carrigbyrne Hill в Ньюбауне, Ирландия.

В наименованиях объектов гостиничной индустрии выявлены апеллятивы, которые указывают на особенности доступности жилья с финансовой точки зрения. Эргонимы *Sive Budget Accommodations*, *The Lookout Budget Accommodation* происходят от лексемы *Budget* 'бюджетный, очень дешевый, недорогой'. В то время как семантическая структура лексической единицы *Castle* может демонстрировать разные нюансы: историческое здание, расположенное в окружении живописного сада; наличие высококлассных номеров и люксов с великолепным видом на окрестности – горы, или реку, или лес, или на лососевое рыбное хозяйство – оборудованных по последнему слову

техники, с подъемно-раздвижными окнами и роскошными коврами, в которых гармонично сочетаются современные и исторические элементы; наличие к услугам гостей теннисных кортов, спа, полей для гольфа; прекрасные чувства от проживания в таком месте; и, конечно же, высокий статус посетителя такого объекта. Все это указывает на высококачественность, элитность заведения, поэтому остановиться в таких отелях, как *The Lodge at Ashford Castle, Ballyseede Castle, Abbeyglen Castle Hotel, Ballynahinch Castle Hotel, Cabra Castle Hotel, Kilronan Castle Estate & Spa* и т.д. могут только гости с большим достатком.

Таким образом, наименования объектов гостиничной индустрии мотивированы антропонимом, другим топонимом, а также апеллятивами, указывающими на свойства и качества предоставляемых условий проживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова, А.Ф. Географические названия Великобритании / А.Ф. Артемова, О.А. Леонович // *Иностранные языки в школе*. – 2010. – № 1. – С. 60-67.
2. Ковалева, Е.В. Эргонимы как лингвокультурологический феномен (на материале эргонимов г. Леттеркенни, Ирландия) / Е.В. Ковалева, Ю.В. Ранчинская // *Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 7 окт. 2011 г.* / УО МГПУ им. И.П. Шамякина; редкол.: В.Н. Сергей [и др.]. – Мозырь, 2011. – С. 84-87.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СПАСЕНИЕ» В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ И В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассмотрено общее понятие лексико-семантического поля, его характеристики, а также лингвисты, изучающие данный вопрос. Рассмотрен термин «Спасение» на основе двух различных стран, России и Германии. Рассмотрено поле «Спасение» в немецком и русском языках, а также выявлены сходства и различия в данном термине.

В лингвистике существует много определений понятия лексико-семантического поля.

Семантическое поле – это иерархическая структура лексических единиц, объединенных общим значением и отражающих какое-либо понятие в языке. Лексика образует систему взаимодействующих полей, которая составляет языковую картину мира. Количество лексем в семантическом поле может различаться по своему количеству.

Семантическое поле могут образовывать как однозначные, так и многозначные слова.

С.В. Ильинский изучал поле как комплекс определенных понятий и слов, соотносящихся с конкретной сферой человеческой деятельности (с точки зрения нейролингвистического программирования) [1, с. 479].

Другие лингвисты считают, что семантическое поле – это понятие, которое употребляется для обозначения конкретных лексем, объединенных общим семантическим значением.

В современном языкознании выделяют два основных подхода к составлению семантических полей в лексике: логический и лингвистический.

Логический (концептуальный) подход опирается на изучение поля исходя из понятия.

Лингвистический подход предполагает выделение семантического поля на языковой основе.

Лексико-семантическое поле «Спасение» до настоящего времени не рассматривалось в немецком и русском языках, но можно встретить работы по данной проблематике в различных науках, например, в технических науках работы Чжай Мэйсинь, в философских науках работы Р.А. Макеева, а также С.В. Кофанова. Данную тему также рассматривает О.Н. Куслий в культурологических науках, в искусствоведении М.А. Рогов, в социологических науках С.Н. Захаров, в педагогических науках Г.В. Ваганова, в литературоведении Н.В. Кульчицкая.

Слово «спасение» в Толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой означает «избавление от опасностей и несчастья» [2].

В Толковом словаре Д.Н. Ушакова «спасение» означает «избавление от опасности; способ спастись, найти избавление от опасности» [3].

В Философской энциклопедии «спасение» рассматривается с точки зрения религиозного мировоззрения и характеризуется избавлением от зла – как морального, так и физического. Спасение рассматривается как цель определенных действий людей и воспринимается как дар Божий».

В Философском словаре термин «спасение» понимается как факт спасения, избавления человека. В более узком значении это понятие рассматривается, как избавление от какой-либо опасности, а в более общем значении – это «вечное блаженство», но достигаемое только в том случае, если человек спасётся как от физических, так и от духовных страданий.

Термин «спасение» можно также рассмотреть в словаре МЧС и обозначает «1) процесс обнаружения местонахождения и спасения жертв аварий, бедствий и катастроф, а также при необходимости оказания им первой медицинской помощи; 2) использование авиации, надводных плавсредств,

подводных лодок, специальных формирований и оборудования для поиска и спасения людей, терпящих бедствие на суше и на море».

Также в русском языке термин «спасение» имеет религиозное значение «прощение греха, введение верующего в Царство Божие».

Таким образом, в русском языке «спасение» с одной стороны, это избавление от опасности, а с другой стороны, «прощение греха у верующих».

В немецком языке лексема «*Rettung*» имеет два значения: 1) освобождение от опасности; 2) скорая помощь (учреждение, австрийское разговорное).

В словаре *Duden* «*Rettung*» переводится как спасение при угрозе жизни, «*Errettung*» – спасение. Также в данном словаре есть термин «*Bergung*» – «спасение, спасание, эвакуация».

В Большом немецко-русском словаре «*Rettung*» – 1. Спасение, спасание, избавление; 2. Скорая помощь (австр.); «*Errettung*»-спасение, избавление; «*Bergung*» – 1. Спасение, оказание помощи, укрытие; 2. Эвакуация (поврежденной техники), вынос с поля боя (раненых); 3. Поднятие (судна) [4, с. 780].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что термин «спасение» в немецком и русском языках имеет очень большие расхождения. В немецком языке под спасением понимается физическое спасение человека, животного или предмета. В то же время в русском языке спасение можно разделить на физическое спасение, это как раз сам процесс спасения физического тела, а также духовное спасение, под которым подразумевается спасение души человека от злого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильинский, С. В. Нейролингвистическое программирование. – М., издательство АСТ. – Восток-Запад, 2006. – 479 с.

2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/229518>. – Дата доступа: 01.03.2023.
3. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь / Д.Н. Ушаков. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1037818>. – Дата доступа: 10.11.2022.
4. Duden, das Bedeutungswörterbuch, 4. Auflage. –763 p.

Н.М. Третьякова, А.Ю.Алипичев

г.Москва, Институт агробιοтехнологии
ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ С ПОЗИЦИИ СКОПОС-ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Актуальным на сегодняшний день является вопрос о подготовке специалистов с углубленными знаниями иностранного языка для многих отраслей экономики, включая АПК. Однако при этом широко распространен взгляд о том, что таким специалистам достаточно лишь знание грамматики того или иного языка, а также умений использовать различные стратегии чтения и опыт формирования терминологических баз для успешного решения своих профессиональных задач.

В статье рассматривается теоретическое обоснование требований к полноте и качеству перевода текстов отраслевой тематики, осуществляемого, как правило, переводчиками в сфере профессиональной коммуникации, которые также являются дипломированными специалистами по тому или иному неязыковому направлению подготовки (специальности).

По мере того, как множество «умных» онлайн-переводчиков внедряются в жизнь не только переводчиков, но и обычного человека, важность эквивалентности и точности перевода отходит на второй план. В художественной литературе и публицистике, считается, что более важно переводить с одной культурного кода в другой, нежели переводить с языка на язык. Но что касается профессионально ориентированного перевода, исследователи считают, что все представители определенной отрасли говорят на одном «культурном» языке и нет нужды подстраиваться под особенности и традиции другой страны. Из этого можно сделать вывод о том, что основными критериями качественного перевода являются те же эквивалентность, точность, адекватность и логичность.

В современном переводоведении, как отмечает В.Н. Комиссаров, существует текстоцентрическая концепция, иными словами, «скопос-теория», согласно которой, переводчик – создатель текстов, с помощью которых достигаются определенные прагматические цели [2].

Скопос-теория (от греческого *skopos* – «цель, задача») – одна из фундаментальных концепций переводоведения, авторами которой являются немецкие переводоведы Катарина Райс и Ханс Фермеер [7]. Основной принцип ее состоит в том, что перевод – это, прежде всего, вид практической деятельности, а успех всякой деятельности определяется тем, в какой степени она достигает поставленной цели. Таким образом, успех или неудача перевода зависит не от его соотношения с оригиналом, а от того, насколько он хорошо выполняет свою функцию в принимающей культуре.

Переводить, согласно данной теории, значит создавать целевой текст в целевой обстановке для решения целевой задачи в целевых обстоятельствах. В скопос-теории оригинальный текст имеет более низкий статус, чем в теориях перевода, основанных на эквивалентности. Оригинал представляет собой своеобразное «информационное предложение», которое переводчик адаптирует под запросы целевой аудитории.

Любой вид перевода может рассматриваться как «целенаправленная деятельность», подчиняющаяся «правилу скопоса»: форма целевого текста, включая выбранные стратегии и методы перевода, в первую очередь должны определяться целью (скопосом), т.е., по сути, цель оправдывает средства.

В совместной работе «Основы общей теории перевода» (*Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*) К. Райс и Х. Фермеер сформулировали 3 основных функциональных преимущества скопос-теории.

1) скопос-теория определяет решающие факторы в процессе перевода. Помимо определенных стратегий и методов перевода, одно из важнейших мест в скопос-теории занимает **адресат перевода** (выбор адекватных стратегий и методов перевода зависит от характеристик целевой аудитории)

2) скопос-теория признает важность комиссии перевода, т.е. целевого задания, включающего условия его выполнения. Перевод имеет свою цель (задачу), предполагаемого адресата или аудиторию. Обычно все эти параметры устанавливаются клиентом, который должен проинформировать переводчика о своих запросах (потребностях), – и они же определяют выбор стратегий и методов перевода.

3) теория призывает пересмотреть природу отношений между оригинальным и переведенным текстом. Так как основное внимание в большинстве текстов уделено содержанию, а не форме, переводчик должен передавать концептуальное содержание оригинального текста и совсем не обязан сохранять его языковую форму или стиль постольку, поскольку целевой текст реализует свой скопос (функцию).

Важным аспектом в теории скопоса выступает принцип лояльности (loyalty principle) (термин предложен Кристиане Норд). Этот принцип заключается в том, что теоретически имея возможность выбора любой стратегии перевода, переводчик все же должен учитывать культурно-специфические нормы и условия перевода, влияющие на ожидания участников интеракции, касающиеся отношений исходного текста и перевода.

В одних случаях цель достигается за счет максимально точного воспроизведения текста оригинала, в то время как в других главная задача заключается в сообщении определенной информации, выполнении получателем информации конкретных действий, создания определенных благоприятных условий и т.п. Теорией допускается ситуация, что текст оригинала вообще не существует и переводчик самостоятельно создает свой текст, руководствуясь знанием цели или указаниями заказчика [3].

На первый взгляд, перевод научно-отраслевых текстов довольно прост и нет смысла прибегать к сложной «скопос-теории». Работа идет в классические три этапа: анализ, перевод, редактирование. Л.А. Шимановская утверждает, что переводческий анализ тесно связан с лингвистическим анализом, соответственно приемлемо применение традиционных методов и подходов

лингвистического исследования – описательного и сравнительно-сопоставительного методов, а также тезаурусного подхода. Значительную роль в работе над научной статьей приобретает логико-смысловой, а также контекстологический анализ [5].

Все это означает, что уже на первом этапе анализа переводчику научно-отраслевого текста важно обладать профессиональными знаниями и умениями, чтобы суметь правильно оценить экстралингвистический аспект перевода.

По мнению С.В. Тимчук и Г.А. Шушариной есть место использованию скопос-теории при переводе научных статей – так, переводчику иногда необходимо нарушать нормы научного дискурса исходного языка, чтобы яснее передавать содержание и нюансы оригинального текста [4].

С точки зрения «скопос-теории», переводчик вступает центральной фигурой межъязыковой коммуникации. Переводчик здесь далеко не посредник, а языковой консультант, специалист по вопросам культуры, этикета, экономики и техники, ответственный за конечный результат процесса перевода, и даже соавтор переводного текста. По сути, переводчик – это «многофункциональный эксперт», хорошо знающий язык, культуру, экономику той или иной зарубежной страны и способный создать такой текст, который нужен для успешной деятельности с представителями этой страны.

Проанализировав сферу профессиональной коммуникации переводчиков в сфере профессиональной коммуникации, мы установили, что основными типами текстов для письменного перевода такими специалистами являются:

- научно-техническая документация (патенты, рефераты, монографии);
- техническая и технологическая документация (стандарты, нормативы, технические описания к оборудованию, инструкция по установке (монтажу), эксплуатации и руководства по ремонту, технические требования, спецификации, технико-экономическое обоснование, технологические карты и тому подобное);

- научно-публицистические материалы (статьи, разделы web-сайта, информационные обзоры и пр.);
- юридическая документация и официальные документы (договоры, нормативные акты и положения, коммерческая техническая документация, сертификаты, разрешения, инструкции по технике безопасности и пр.);
- организационно-экономическая документация (запрос, резюме, рекламные материалы, объявления, пресс-релизы, предложения, заказы и контракты, претензии, агентские соглашения, товаросопроводительная документация, служебная корреспонденция и делопроизводство) [1].

Из представленного перечня следует, что переводимые материалы отличаются высокой степенью прагматической ценности и содержат, как правило, точные данные, цифры, факты и т.п.

Далее возникает вопрос, а может ли, например, биотехнолог с дополнительной квалификацией «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» претендовать на право исправления фактических биологических ошибок в языке оригинала? Конечно, это скорее исключение, чем правило, и всё зависит от пожеланий заказчика, потому как, изначально переводчик есть транслятор, перевыражающий устный или письменный текст, созданный на одном языке, в текст на другом языке. Переводчик не имеет права по своему желанию изменять текст при переводе, сокращать его или расширять, если дополнительная задача адаптации, выборки, добавлений и т. п. не поставлена заказчиком [4]. Таким образом, такому переводчику-биотехнологу достаточно связаться с заказчиком и обсудить ошибку. Если такой возможности не предоставляется, то, на наш взгляд, переводчик может осуществить исправление оригинала текста с помощью примечания переводчика в качестве сноски. Таким образом, текст остается неприкасаемым, а на проблемный фрагмент текста обращается отдельное внимание. Однако, в таком случае под сомнение встает смысл перевода такого текста, содержащего фактические ошибки, и собственно вопрос доверия самому источнику.

Однако, в случае перевода иноязычной информации для личных нужд переводчик имеет большую свободу при принятии решений. В этом случае скопос-теория перевода как раз наиболее актуальна в применении, поскольку зачастую не нужен полный перевод всего текста, а требуется только выбрать и перевести отдельные фрагменты для решения поставленных задач.

Напротив, при переводе исходной русской статьи на иностранный язык с целью публикации имеет смысл использовать традиционные методики перевода для максимального сохранения информации исходного текста.

Идеи, представленные в данной работе, могут быть интересны преподавателям, лингвистам и переводчикам в их практической деятельности.

В данной статье рассматривается теоретическое обоснование требований к полноте и качеству перевода текстов отраслевой тематики, осуществляемого переводчиками в сфере профессиональной коммуникации, которые также являются дипломированными специалистами по тому или иному неязыковому направлению подготовки (специальности).

Профессиональная деятельность таких специалистов рассматривается с позиции скопос-теории, согласно которой перевод заключается в создании целевого текста в целевой обстановке для решения целевой задачи в целевых обстоятельствах. Автор приводит перечень основных типов текстов для письменного перевода такими специалистами и отмечает, что переводимые материалы отличаются высокой степенью прагматической ценности и содержат, как правило, точные данные, цифры, факты и т.п. На основании этого автор излагает свои рекомендации по работе с такими текстами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алипичев, А.Ю. Проектирование содержания подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации: Учебное пособие для преподавателей. / А.Ю. Алипичев, А.Н. Кузнецов –М.: АПКиППРО, 2011. – 120 с.

2. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС. – 2002. – 424 с.
3. Теория скопоса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.transeurope.ru/publications/teoriya-skoposa.html. – Дата доступа: 25.03.2023.
4. Тимчук, С. В. Использование скопос-теории для перевода научного текста / С.В. Тимчук, Г.А. Шушарина // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2021. – № 4(52). – С. 69-73.
5. Шимановская, Л.А. Современные теории перевода и их использование в работе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topuch.com/l-a-shimanovskaya-sovremennye-teorii-perevoda-i-ih-ispolzovan/index.html>. – Дата доступа: 25.03.2023.

ВЫКАРЫСТАННЕ ІНТЭЛЕКТ-КАРТ ДЛЯ СІСТЭМАТЫЗАЦЫІ НАВУЧАЛЬНАГА МАТЭРЫЯЛУ НА ЎРОКАХ АНГЛІЙСКОЙ МОВЫ

В статье рассматривается использование интеллект-карт на уроках английского языка на разных ступенях обучения как средства систематизации учебного материала. Освещается их применение для совершенствования различных компетенций учащихся.

Сёння нашы дзеці сутыкаюцца з вялікім патокам інфармацыі. Але наўрад ці хто з іх можа запомніць яе ў поўным аб'ёме і перапрацаваць яе за кароткі час. Інфармацыя, якая паступае з розных крыніц, насычае мозг дзіцяці настолькі, што ён не ў сілах справіцца з ёй. Нямногія могуць кіраваць ёю і выбіраць з гэтага аб'ёму самае неабходнае [2].

Узнікае пытанне: як сістэматызаваць усю гэтую інфармацыю, і нічога не забыцца, не прапусціць галоўнага?

Праблема няўмення навучэнцаў працаваць з інфармацыяй, аналізаваць, абагульняць, выбудоўваць лагічную паслядоўнасць свайго маўленчага выказвання прывяла мяне да пошуку такіх метадаў, якія дапамаглі б падлеткам навучыцца перапрацоўваць інфармацыю, сціскаць, інтэрпрэтаваць яе, прадстаўляць у зручным для запамінання выглядзе.

З вялікай колькасці спосабаў працы з інфармацыяй мне падабаюцца інтэлект-карты або карты памяці. На наш погляд, маляванне інтэлект-карты вельмі эфектыўны спосаб сістэматызацыі і апрацоўкі інфармацыі.

Першым тэорыю інтэлект-карт або “mind map” прыдумаў Тоні Бьюзен псіхолаг, аўтар метадыкі запамінання, творчасці і арганізацыі мыслення.

Інтэлект-карты або карты памяці, ментальныя карты з'яўляюцца графічным адлюстраваннем не толькі сістэмы чалавечага мыслення, але і той інфармацыі, якую мы атрымліваем звонку. Яны ўпарадкоўваюць думкі і будуюць іерархію таго патоку інфармацыі, які атрымлівае чалавек. Яны вучаць

раскладваць інфармацыю па ступені важнасці, вылучаючы галоўнае ад другараднага. Веды, якія напаўняюць інтэлект-карты, маюць сэнс, выразную форму, структуру, усведамляюцца не як мёртвая інфармацыя, а як тое, што сапраўды патрэбна чалавеку для жыцця. Да інтэлект-карты можна вяртацца зноў і зноў для яе папаўнення або паўтарэння матэрыялу [1].

Інтэлект-карты я выкарыстоўваю на ўроках англійскай мовы для замацавання новага лексічнага і граматычнага матэрыялу, пры чытанні тэкстаў, складанні вусных і пісьмовых выказванняў. Гэта зручная і эфектыўная тэхніка візуалізацыі мыслення. Яна дапамагае сабраць усе матэрыялы па пэўнай тэме на адной інфармацыйнай панэлі, акінуць іх адным поглядам, убачыць агульнае, дае магчымасць сфакусавацца на дэталях. Карты памяці актывізуюць асацыятыўнае мысленне, якое дазваляе ўбачыць важныя факты, упущаныя пры традыцыйным аналізе. Майндмэппінг я выкарыстоўваю на розных прыступках навучання. Складанне інтэлект-карт вядзецца як індывідуальна, так і ў парах, групах.

Пры фарміраванні навыкаў чытання дзеці вучацца прагназаваць змест тэксту, будаваць лагічную паслядоўнасць, вылучаць асноўную думку і галоўныя факты.

Пры фарміраванні навыкаў маналагічнага і дыялагічнага маўлення яны вучацца планаваць свае маўленчыя паводзіны і супрацоўнічаць у парах і групах, ажыццяўляць самакантроль і ацэнку іншых удзельнікаў камунікацыі.

Пры працы над праектамі навучэнцы вучацца генераваць свае ідэі, знаходзіць найбольш рацыянальнае рашэнне, прагназаваць вынікі свайго рашэння, бачыць новую праблему, планаваць працу, знаходзіць прычынна-выніковыя сувязі, рабіць высновы.

Пры фарміраванні граматычных навыкаў навучэнцы вучацца складаць канспекты на новую тэму, вылучаць і аналізаваць інфармацыю.

Пры фарміраванні лексічных навыкаў Інтэлект-карты дапамагаюць фіксаваць матэрыял, ажыццяўляць саманазіранне і самаацэнку асваення новых лексічных адзінак.

Пры фарміраванні навыкаў пісьмовай мовы вучні выкарыстоўваюць інтэлект-карты ў якасці плана будучага маўленчага твора. Па ім вучацца лагічна разважаць і рабіць высновы.

Пры фарміраванні навыкаў успрымання і разумення мовы на слых, карты памяці – гэта выдатны спосаб фіксацыі пачутай інфармацыі.

Пабудова карт памяці гэта тэхніка, якую можна выкарыстоўваць на ўсіх ступенях навучання. У пачатковай школе вучні робяць інтэлект-карты ў выглядзе малюнкаў, бо маляванне з'яўляецца адным з любімых заняткаў у дзяцей малодшага школьнага ўзросту.

Нярэдка ў вучняў на сярэдняй ступені навучання зніжаецца агульны інтарэс да вучэння. Актуальнай патрэбай узросту становіцца патрэба ў самасцвярджэнні. Інтэлект-карты гэта выдатны спосаб самавыяўлення, фарміравання ўласнай індывідуальнасці, спосаб знайсці сваё «Я» і свой уласны стыль. Гэты спосаб можа разнастаіць штодзённыя ўрокі, якія часам здаюцца сумнымі і нецікавымі.

У старэйшай школе, дзе ў дзяцей ужо практычна сфарміраваны інфармацыйна-камунікатыўныя ўменні, можна ўжываць электронны спосаб пабудовы інтэлект-карт. Сёння існуе велізарны выбар камп'ютарных праграм для пабудовы падобных карт.

Інтэлект-карты дапамагаюць лагічна выбудоўваць паслядоўнасць сваіх думак, вучаць вылучаць галоўнае і другараднае, фарміруюць праектныя ўменні. У працэсе іх пабудовы дзеці вучацца ажыццяўляць саманазіранне, самакантроль, рэфлексію сваёй дзейнасці і сваіх ведаў. А галоўнае тое, што карты памяці вучаць іх працаваць з інфармацыяй.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бьюзен, Т. Супермышление / Т. Бьюзен, Б. Бьюзен. – 2-е изд. – Минск : Попурри, 2003. – 304 с.

2. Вишневская, Е.Ю. Использование мыслительных карт на уроках английского языка / Е.Ю. Вишневская // Открытый урок: фестиваль педагогических идей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/512090>. – Дата доступа: 11.03.2023..

Е. М. Чеботарёва, А. А. Ковалёнок

г. Полоцк, Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой

ЭТАПЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АССИМИЛЯЦИИ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ “*WINDOWS* И *MSWORD*”)

Статья посвящена особенностям семантической ассимиляции англоязычных компьютерных терминов в русском компьютерном подязыке, включая возникновение у них новых значений на основе метафорического и метонимического переносов. Материалом исследования послужил корпус из 70 английских и 70 русских компьютерных терминов, входящих в терминосистему “*Windows* и *MSWord*”.

Заимствование англоязычных компьютерных терминов русским языком – это сложный и многоэтапный процесс, при котором наш язык не пассивно усваивает иноязычные единицы, а адаптирует их под свою систему, изменяя их отдельные свойства. В данном исследовании наиболее интересными представляются семантические процессы, происходящие при переходе заимствования из одной языковой системы в другую.

Семантическая структура подлежащей анализу терминосистемы “*Windows* и *MSWord*” включает пять лексико-семантических групп компьютерных терминов в английском и русском компьютерных подязыках:

- общие понятия теории вычислительных машин и систем (*cloud* ‘облачный’, *enter* ‘вводить’, *servicing channel* ‘канал обслуживания’);
- аппаратное обеспечение компьютера, его составные части и действия с ними (*display* ‘дисплей’, *hard drive* ‘жесткий диск’, *storage* ‘хранилище’);
- объекты операционной системы (*Cortana* ‘кортана’, *directory tree* ‘дерево каталогов’, *lock screen* ‘экран блокировки’);
- программное обеспечение (*malware* ‘программа-шантажист’, *parental control* ‘родительский контроль’, *wizard* ‘программа-эксперт’);

- текстовый редактор *Microsoft Word* (*bookmark* ‘закладка’, *bullet* ‘жирная точка’, *header/footer* ‘колонтитулы’).

Рисунок 1 – Семантическая структура терминосистемы “*Windows* и *MSWord*”

Семантическое освоение англоязычного компьютерного термина в русском компьютерном подязыке, отмечает Н. Н. Кошкарлова, это «вопрос о включении заимствованного термина в лексико-семантическую систему принимающего языка, установление разнообразных связей его с исконными элементами словаря и включение его в цепи зависимостей, пересекающие словарный состав языка. Это вопрос об отнесении нового слова к синонимическому ряду подобозначных слов и размежевание его – смысловое и стилистическое – с иными элементами этого ряда. Это вопрос появления у слова антонимических оппозиций на почве нового языка, причем выявление тех значений, которое заимствованное слово приобрело уже в русском языке, очень важно» [2, с.16].

Напомним, что семантическая ассимиляция включает в себя три этапа. Рассмотрим специфику каждого этапа на примере сделанной нами выборки

из 70 английских и 70 русских компьютерных терминов, входящих в терминосистему “*Windows* и *MSWord*”. Для составления картотеки примеров был использован метод сплошной выборки из текста руководства для пользователей операционной системы *Microsoft Windows* и программного обеспечения *Microsoft Word*, а также электронных словарей компьютерных терминов для *Windows*.

На первом этапе семантической ассимиляции компьютерному термину свойственны лексическая и грамматическая вариативность [3, с. 95–97]. Рассмотрим лексическую вариативность на примере выбранных терминов (Таблица 1).

Таблица 1 – Лексическая вариативность компьютерных терминов

Английский компьютерный термин	Соответствующее заимствование	Старый термин или старое заимствование
update	апдейт	обновление
Browser	браузер	веб-обозреватель
enter	энтер	Ввод
Start	старт	Запуск
Installer	инсталлятор	установщик
lock screen	локскрин	экран блокировки
Display	дисплей	монитор
to scroll	скроллить	прокручивать
backup	бэкап	резервная копия
screenshot	скриншот	снимок экрана
Desktop	десктоп	рабочий стол
Firewall	файрволл	межсетевой экран
Exploit	эксплойт	вредоносная программа (вид)
Virus	вирус	вредоносная программа (вид)

Как видно из Таблицы 1, старый термин поясняет новое заимствование. Несмотря на это, синонимия приводит к появлению различий при наименовании одинаковых явлений. Лексика, использованная в создании эквивалента, может иметь несколько значений в русском языке. Например, словосочетание *рабочий стол*, в компьютерной терминологии означает

основное рабочее пространство на экране пользователя *Windows*. В прямом смысле, *стол* как предмет интерьера, в сочетании с прилагательным *рабочий* означает стол, на котором работают. Лексическая вариативность также может выражаться в многообразии форм термина, что характерно для однокоренных слов, в которых новая форма термина является «усечением» старого термина: *демонстрационная версия – демоверсия, установочная программа – установщик*. Грамматическая вариативность проявляется в варьировании формы заимствованного термина. Так как термин только частично ассимилирован, существует несколько вариантов его написания, в зависимости от того, каким типом ассимиляции он был передан: фонетическим или графическим: *андэйт – андейт, ангрэйд – ангрейд, кэш – кеш, скроллить – скролить*.

Таким образом, первый этап семантической ассимиляции начинается, как только англоязычный компьютерный термин входит в русский компьютерный подъязык. На этом этапе термин лексически и грамматически вариативен. Параллельно с семантическим освоением термина протекают процессы его графической и фонетической ассимиляции.

На втором этапе семантической ассимиляции значение заимствованного термина конкретизируется, происходит «борьба» между синонимичными терминами. Если слово сильно отличается от правил русского языка и плохо сочетается с другими словами, то большей употребляемостью будет обладать предыдущий термин. Но чаще происходит процесс, когда заимствованный термин все же постепенно приспособливается к системе русского языка и вытесняет старый термин. На втором этапе определяются родо-видовые отношения заимствованных слов, компьютерные термины начинают сочетаться с определенными словами, образовывать дериваты: *скроллинг – скроллить – скролить – скролл; скроллить ленту, скроллить страницу, скроллить сайт, скроллить текст; андейт – андейтить; андейт Гугла, андейт программы, андейтнуть ноутук; инсталлятор – установить – установленный; установить Windows, новый инсталлятор, установленная программа; скрин – скриншот – скринить; сделать скриншот, заскринить экран, новый*

скрин; вирус – вирусный; вирусная программа, опасный вирус. Таким образом, вступая в родовидовые отношения слово повышает свою употребляемость в речи. Теперь оно не так выделяется среди других терминов. Второй этап закрепляет заимствованный термин в языке-реципиенте: сужаются возможности вариативного употребления термина в речи; связи термина с другими единицами языка становятся более отчетливыми и постоянными. Процессы семантической и грамматической ассимиляции идут параллельно.

На третьем этапе семантической ассимиляции могут происходить процессы развития лексического значения заимствованного термина: сужение лексического значения, расширение лексического значения на основе метафорического и метонимического переносов.

Так, нередки случаи, когда многозначные слова заимствуются только в одном из своих значений без всякого его изменения [2, с. 18]. Например, слово *driver* в английском языке имеет четыре значения: 1. *a person who drives a vehicle*; 2. *a golf club with a large head, used for hitting the ball long distances from the tree*; 3. *software that controls the sending of data between a computer and a piece of equipment that is attached to it, such as a printer*; 4. *one of the main things that influence something or cause it to make progress* [4]. Однако в русский компьютерный подъязык термин *драйвер* вошел в 3-м значении – *программное обеспечение, с помощью которого операционная система получает доступ к аппаратному обеспечению некоторого устройства, например, принтера.*

Но есть и случаи, когда сужается смысловой объем значения слова. Например, слово *traffic* в английском языке имеет пять значений: 1. *the vehicles that are on a road at a particular time*; 2. *the movement of ships, trains, aircraft, etc. along a particular route*; 3. *the movement of people or goods from one place to another*; 4. *the movement of messages and signals through an electronic communication system*; 5. *illegal trade in something* [4]. В русский компьютерный подъязык данный термин перешел в своем 4-м значении, причем произошла конкретизация этого значения: *сетевой трафик* характеризуется как *объем информации, передаваемый через компьютерную сеть за определенный период*

времени. Как видим, если английский термин *traffic* определяется как *движение информации*, то в русском компьютерном подязыке *сетевой трафик* – это именно *объем движущейся информации*.

Таким образом, сужение значения заимствованного термина происходит за счет передачи в русском компьютерном подязыке всего лишь одного значения многозначного англоязычного термина с дальнейшей конкретизацией этого значения.

Рассмотрим процесс расширения значения на основе выбранных терминов. На третьем этапе семантической ассимиляции англоязычных компьютерных терминов у общеупотребительных слов русского языка могут появиться новые значения на основе существующих в языке-источнике. Данное явление наиболее ярко наблюдается в случае заимствования метафоризированных терминов.

Метафоризированные термины – термины, которые в языке-источнике были образованы на основе метафорического переноса – переноса по сходству [3, с. 97], т. е. при создании терминов с помощью метафоризации основанием для сопоставления служит явно осязаемая, несомненная похожесть и близость специального и общеупотребительного сближаемых понятий.

Согласно Н. Д. Арутюновой, можно выделить следующие типы метафоры:

- номинативная – замена одного значения другим;
- образная – переход идентифицирующего значения в предикатное и развитие фигуральных значений и синонимических средств языка;
- когнитивная – сдвиг сочетаемости предикативных слов, создающий полисемию;
- генерализующая – стирание в лексическом значении слова границы между логическими порядками, создающее логическую полисемию [1, с. 366].

В данной работе мы имеем ввиду когнитивную метафору, которая синтезирует новое понятие. При метафорическом переносе образ и предмет совмещаются в одном слове так, что слово обладает сразу двумя значениями: прямым и переносным. Прямое значение – это образ, переносное значение – это предмет. Между этими двумя значениями необходимо найти определенный

признак сходства. То есть, при использовании метафоры у нас в сознании должен возникать определенный образ, который будет соответствовать общему признаку. Например, при использовании операционной системы *Windows* мы можем менять *фоновое изображение*. В английском языке этому слову соответствует термин *wallpaper*, который также является эквивалентом слову *обои* (бумажное покрытие на стену, декорация). При заимствовании этого термина в русский язык перешло и второе его значение, поэтому *фоновое изображение* мы также называем – *обои*. Таким образом, прямое значение слова *обои* – *бумажное покрытие на стену*, переносное значение – *фоновое изображение*, признак сходства – функция (покрывать что-то, декорировать).

Как указывалось выше, образование метафоризированного термина происходит по некоторым мотивирующим признакам. За основу нами была взята классификация мотивирующих признаков Е. А. Юхминой, которая включает в себя пять признаков: 1. перенос по форме; 2. перенос по функции; 3. перенос по механизму действия; 4. перенос по характеру действия; 5. перенос по сходству размеров [3, с. 99]. Примеры образования метафоризированных терминов по данным мотивирующим признакам представлены в Таблице 2.

Таблица 2 – Мотивирующие признаки образования метафоризированных терминов

Мотивирующий признак	Анализируемые термины
Перенос по форме	<i>window</i> – <i>окно</i> (<u>прямоугольная</u> область на экране в которую выводится приложение или документ).
Перенос по функции	<i>notepad, wordpad</i> – <i>блокнот</i> (программа для <u>создания</u> и <u>редактирования</u> документов); <i>recycle bin</i> – <i>корзина</i> (элемент интерфейса, предназначенный для <u>удаления</u> объектов); <i>bookmark</i> – <i>закладка</i> (инструмент, <u>отмечающий</u> необходимую информацию); <i>pen</i> – <i>перо</i> (инструмент для <u>рисования</u>); <i>desktop</i> – <i>рабочий стол</i> (размещает все необходимые инструменты и информацию, для <u>работы</u> на компьютере); <i>folder</i> – <i>папка</i> (<u>каталогизирует</u> документы).

Перенос по механизму действия	<i>airplane mode</i> – режим «в самолете» (позволяет быстро выключить все беспроводные подключения на компьютере); <i>lock screen</i> – экран блокировки (закрывает доступ ко всем рабочим столам и приложениям); <i>firewall</i> – межсетевой экран (защищает сетей от несанкционированного доступа); <i>snipping tool</i> – ножницы (инструмент, для <u>вырезания</u> необходимой части показываемого изображения на экране либо всего экрана); <i>computer memory</i> – память компьютера (запоминает и хранит информацию); <i>virus</i> – вирус (вредоносная программа, внедряющаяся в другую).
Перенос по характеру действия	<i>sleep</i> – режим ожидания (переводит компьютер в режим ожидания, гасит экран); <i>hibernate</i> – спящий режим (останавливает работу компьютера, но не выключает его).
Перенос по сходству размеров	<i>bullet</i> – жирная точка (большая черная <u>круглая</u> или <u>квадратная точка</u> , <u>звездочка</u> или другой символ, выделяющий с левой стороны пункт в списке или фрагмент текста).

Проанализировав данные Таблицы 2, можно утверждать, что расширение значения компьютерных терминов на основе метафорического переноса подчиняется некоторым факторам. Мотивирующими признаками могут обладать не только существительные, но и глаголы, прилагательные и словосочетания. Но из-за того, что мотивация данных терминов очевидна, они не представляют особой сложности для понимания.

Помимо мотивирующих признаков, отмечает Е.А. Юхмина, существуют также определенные области-доноры, из которых заимствуется русский вариант английского термина [3, с. 100]. В зависимости от смыслового содержания, которое имеют в языке-источнике компьютерные термины-метафоры из сделанной нами выборки, мы выделили следующие области-доноры:

- мир человека: *memory* – память, *widow* – висячая строка;
- мир физических состояний человека: *sleep* – спящий режим; *run* – начинать работу, *play* – играть;
- мир биологии и медицины: *virus* – вирус;

- мир транспорта: *traffic* – трафик, *airplane mode* – режим «в самолете»;
- мир интерьера: *wallpaper* – обои, *window* – окно, *desktop* – рабочий стол, *recycle bin* – мусорная корзина, *home* – дом (главная страница);
- мир животных и растений: *mouse* – мышь, *directory tree* – дерево каталогов;
- мир окружающей среды: *landscape* – ландшафтный режим, *library* – библиотека, *bullet* – жирная точка, *field* – поле данных;
- мир канцелярии: *folder* – папка, *pen* – перо, *notepad* – блокнот, *file* – файл;
- мир мифов: *wizard* – программа-эксперт, *Trojan horse* – Троянский конь.

Проанализировав процесс расширения значения на основе метафорического переноса, мы можем утверждать, что метафоризация является продуктивным способом вторичной номинации компьютерной терминологии. Метафоризация не является хаотичным процессом, она подчиняется определенным факторам. Метафорический перенос как способ номинации терминов характеризуется определенными мотивирующими признаками, а также областями-донорами.

Наряду с метафоризацией протекает процесс метонимизации. Метонимические проявления в лексическом значении частично ассимилированных англоязычных компьютерных терминов объединяют в два вида: а) связь между частью и целым и б) связь между предметом и выполняемой им функцией [2, с. 12].

Метонимический перенос по модели «часть – целое» достаточно распространен и представлен в нашей выборке терминов следующими примерами: *ворд* – жаргонное название *Microsoft Word* для *Windows*, популярного текстового процессора от компании *Microsoft*; *иксель* – жаргонное название *Microsoft Excel* для *Windows*; *Microsoft* – компания-производитель, *Microsoft* – программное обеспечение; сделать презентацию в *пойнте* – программа *Microsoft PowerPoint* для *Windows*. Метонимический перенос по модели «предмет – функция» представлен в нашей выборке терминов следующим примером: слово *визард* – *wizard* имеет два значения: 1. вспомогательная функция, автоматически выводящая подсказки и другую

полезную информацию при работе пользователя с приложением; 2. человек, разбирающийся в аппаратном и программном обеспечении и помогающий новичкам.

Отметим, как и метафора, метонимия также подчиняется некоторым закономерностям. Однако этот процесс является ограниченным. В случае метафоры может быть создано бесконечное количество ассоциаций, в то время как метонимия ограничивается предельным количеством связей между двумя образами.

Таким образом, процессы семантической ассимиляции заимствованных компьютерных терминов связаны с развитием их семантической структуры, которая может далеко отойти от семантической структуры этого же слова в исходном языке, приобретая свою собственную систему значений и включая в свое содержание такие элементы, которых не существовало в нем в языке-оригинале. Включение в современную терминосистему русского компьютерного подязыка, например, многозначных терминов, терминов с оценочной коннотацией, наличие пересекающихся семантических полей компьютерных терминов и синонимии говорит о быстром освоении данных заимствований языком-реципиентом, что свидетельствует, об активном развитии и формировании русской компьютерной терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.
2. Кошкарлова, Н. Н. Структурно-семантические особенности и степень адаптации англоязычной частично ассимилированной лексики в русском компьютерном подязыке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.20 / Н.Н. Кошкарлова; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 24 с.

3. Юхмина, Е. А. Адаптация англоязычных компьютерных терминов к лексической системе русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.А. Юхмина. – Челябинск, 2009. – 237 л.

4. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. – Date of access: 15.03.2023.

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ОЦЕНКИ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена исследованию интенсификации оценки в англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе. Описываются морфологические и лексические, эксплицитные и имплицитные средства интенсификации оценки. Рассматриваются случаи двойной и тройной интенсификации оценки в дипломатическом дискурсе. Анализируются типы оценочных значений, которые подвергаются интенсификации.

Оценка как ценностный аспект значения языковых единиц, являющийся выражением отношения говорящего к объекту действительности, обладает рядом свойств, среди которых особое место занимает интенсификация оценки, или усиление признака ‘хорошо’ или признака ‘плохо’ [2, с. 45]. Интенсификация связывается с указанием на превышение в зоне нормы – той зоне в структуре оценочной шкалы, на которой помещается стереотипное представление об объекте с определенной характеристикой [9, с. 57]. Кроме того, усиливая описываемый признак, говорящий считает, что увеличение силы такого признака должно иметь особую значимость для слушающего и может повлиять на его отношение к действительности [8, с. 154].

Дипломатический дискурс понимается как статусно-ролевое взаимодействие в рамках института дипломатии, а также как совокупность дипломатических текстов [11, с. 114–117]. Для дипломатического дискурса, как и для любого типа институционального дискурса, характерны жесткая структура, безэмоциональность, нейтральность, наличие большого количества клише и терминов, что делает его ограниченным в отношении используемых языковых средств [4, с. 194–195; 6, с. 79]. В то же время в рассматриваемом типе дискурса употребляются оценочные единицы, что объясняется стремлением участников дискурса выразить свое отношение к обсуждаемым

темам и продемонстрировать вовлеченность в ситуацию общения. Интенсификация оценки в дипломатическом дискурсе прослеживается на разных языковых уровнях и имеет ряд особенностей. Представляется важным проанализировать средства интенсификации оценки на материале 50 англоязычных и 50 русскоязычных текстов выступлений официальных представителей Великобритании и Республики Беларусь на заседаниях Организации Объединенных Наций за период с 2015 по 2021 гг., размещенных в Системе официальной документации ООН [10].

В ходе анализа текстов выступлений было выявлено, что средства интенсификации оценки в дипломатическом дискурсе обнаруживаются на морфологическом и лексическом уровнях английского и русского языков.

Интенсификатором оценки на морфологическом уровне в английском и русском языках вступает суперлатив – выражение самой высокой степени качества, имеющее форму превосходной степени [1, с. 463]. В дипломатическом дискурсе представлены как синтетические (1, 3), так и аналитические (2, 4) формы превосходной степени прилагательных:

(1) *We will continue to be one of the **strongest** advocates for the United Nations mechanisms that help to combat racism (A/75/PV.97).*

(2) *We firmly support justice, accountability and an end to impunity for the **most serious** crimes of international concern (A/75/PV.18).*

(3) *Настоятельно призываем все страны <...> проявить политическую волю и безотлагательно предпринять шаги для его вступления в силу в **кратчайшие** сроки (A/C.1/74/PV.7).*

(4) *Чтобы вернуть больных людей к нормальной жизни в общественную среду, мы используем **самые современные** методики и подходы (A/70/PV.101).*

Среди морфологических средств необходимо отдельно упомянуть такую форму превосходной степени имени прилагательного, с помощью которой выражается безотносительно большая мера признака, – элатив [1, с. 524]. Отличие такой формы от суперлатива заключается в том, что элатив наиболее ярко передает субъективно-оценочное, экспрессивное значение (5, 6, 7, 8), не

осложненное добавочными (параметрическими, количественными) смыслами, нередко высвечивая эмоциональную сторону высказывания (5, 8) [8, с. 164]:

(5) *We can make the **greatest** advances towards achieving our shared goals when we work together collectively* (A/C.1/70/PV.19).

(6) *It is possible to come together and to deliver in ways that have the **most extraordinary** impact on the lives of the people we serve* (A/72/PV.8).

(7) *Неконтролируемое производство, передача и распространение легкого и стрелкового оружия продолжают оставаться одним из **серьезнейших** вызовов для международного мира и безопасности* (A/C.1/72/PV.3).

(8) *Применение односторонних ограничений **грубейшим** образом нарушает международное право* (A/75/PV.86).

Самое большое число средств усиления оценочного значения обнаруживается на лексическом уровне английского и русского языков. К лексическим интенсификаторам относятся эксплицитные средства усиления оценки, то есть чистые интенсификаторы – слова с общим количественным значением, не имеющие точного числового соответствия [9, с. 64]. В английском языке выделяются единицы чрезмерной (*too* ‘слишком’), предельной (*absolutely* ‘абсолютно’) и высокой (*very* ‘очень’, *extremely* ‘чрезвычайно’, *highly* ‘крайне’, *deeply* ‘сильно’) степеней интенсификации [5, с. 9]:

(9) *I am **very grateful** to the British Government for the opportunity to address the General Assembly* (A/72/PV.82).

(10) *The United Kingdom also remains **deeply concerned** about reports of the indiscriminate use of cluster munitions* (A/C.1/74).

В русском языке к интенсификаторам чрезмерной степени изменения качества относятся *чрезмерно, слишком, предельной – абсолютно, совершенно, высокой – очень, сильно, весьма, ужасно, крайне, удивительно, поразительно, безмерно, большой* и др. [5, с. 9; 8, с. 159]:

(11) *В завершение хотел бы отметить одну **очень простую**, но важную житейскую мудрость о том, что «нет худа без добра»* (A/75/PV.13).

(12) *Работа Совета по правам человека по-прежнему **чрезмерно политизирована** и перегружена неконсенсусными инициативами.* (A/73/PV.31).

Отметим употребление в качестве средства предельной степени интенсификации оценки в англоязычном дипломатическом дискурсе слово *possible*, которое сопровождает прилагательное в синтетической форме превосходной степени:

(13) *The United Kingdom believes that the election of **the best possible** judges and Prosecutor is vital to the future of the ICC* (A/75/PV.18). – (14) *Соединенное Королевство считает, что для будущего МУС ключевое значение имеет избрание на должности судей и Прокурора **наилучших из возможных** кандидатов* (перевод официальный – ООН).

На русский язык такие формы передаются путем добавления к прилагательному в превосходной степени существительного с предлогом ‘из возможных’ (14) или добавления наречия *максимально* к положительной степени прилагательного. Интенсификация оценки наречием *максимально* прослеживается в текстах русскоязычных выступлений:

(15) *Считаем крайне важным обеспечить **максимально эффективные** и, главное, пользующиеся всеобщей поддержкой итоги предстоящей обзорной конференции* (A/C.1/75/PV.5).

Среди лексических средств выражения оценки особое место занимают слова, в значении которых сема интенсивности содержится имплицитно, – интенсификаты [8, с. 160; 9, с. 63]. Интенсификатами в англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе являются слова разных частей речи. В ходе анализа дефиниций [7; 12] имплицитные семы интенсивности были выявлены в именах существительных (*conflict* ‘an **active** disagreement between people’, *challenge* ‘something that needs **great** mental or physical effort’, *violence* ‘**extremely** forceful actions that are intended to hurt people’; *бедствие* ‘**большое** несчастье’, *трагедия* ‘**потрясающее** событие, **тяжкое** переживание’, *конфликт* ‘**серьезное** разногласие’ и др.) (16, 17); именах прилагательных (*egregious*

‘**extremely** bad in a way that is very noticeable’, *crucial* ‘**extremely** important’, *outstanding* ‘clearly **very** much better than what is usual’; *ужасный* ‘**чрезвычайный**, крайний в своем проявлении’, *великий* ‘**превосходящий** общий уровень, **выдающийся**’, *кардинальный* ‘**самый** важный’ и др.) (18, 19); наречиях (*strongly* ‘**very** much or in a very serious way’, *tragically* ‘in a way that is **very** sad’; *решительно* ‘**твердо**, непреклонно’ и др.) (20, 21); глаголах (*to condemn* ‘to criticize something or someone **strongly**’, *to urge* ‘to **strongly** advise’; *искоренить* ‘**окончательно** уничтожить, истребить’, *разрушить* ‘разорить, привести в **полное** расстройство; уничтожить’ и др.) (22, 23):

(16) *Fragility, **conflict** and **violence** are among the defining **challenges** of our time* (A/73/PV.81). (17) *Победа создала условия для учреждения Организации Объединенных Наций, призванной избавить грядущие поколения от бедствий военных **конфликтов*** (A/75/PV.33).

(18) *Encouraging that kind of exchange could play a **crucial** role in building a common understanding* (A/C.1/74/PV.20). (19) *Не случайно наш Саммит мира назван в честь этого **великого** государственного и политического деятеля* (A/73/PV.5).

(20) *We would **strongly** encourage reflection by the core group members to ensure more appropriate timelines* (A/76/PV.9). (21) *Беларусь **решительно** осуждает подобные действия, кем бы они ни совершались* (A/74/PV.8).

(22) *Just today we witnessed the senseless murder of journalist Malalai Maiwand, which the United Kingdom has **condemned*** (A/75/PV.40).

(23) *Реализация всех этих знаковых инициатив призвана <...> **искоренить** нищету, сохранить планету для будущих поколений* (A/73/PV.16).

В англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе интенсифицируются как общие, так и частные оценки, при этом говорящие особо выделяют оценку важности и эмоциональную оценку.

Интенсификаторы оценки по параметру ‘важность’/‘неважность’ выступают средством усиления значимости описываемого признака и привлечения внимания к обсуждаемой проблеме:

(24) *It is also **crucial** that major exporting and importing States accede to the Treaty (A/C.1/74/P).*

(25) *It is **very important** that we in the developed world recognize our obligation to help less developed countries down the path of embracing these technologies (A/76/PV.9).*

(26) *Этот форум **критически важен** для осознания хрупкости и многообразия нашего мира (A/72/PV.14).*

(27) *Беларусь подчеркивает **важнейшее** значение механизмов технического сотрудничества Агентства (A/71/PV.62).*

(28) *Я хочу обратиться с этой трибуны к уважаемым высоким представителям государств-членов с просьбой и призывом рассмотреть возможность поддержки ресурсов фонда как **острой и чрезвычайной необходимости** (A/72/PV.24).*

Примечательно, что в англоязычном дипломатическом дискурсе эксплицитная и имплицитная интенсификация характерны для более широкого круга лексических единиц с семантикой важности (*vital, important, crucial, significant, essential, critical* и др.) (24, 25), в то время как в русском языке такую характеристику имеют прежде всего прилагательное *важный* (26, 27), а также слова *чрезвычайный, острый, первостепенный* и др. (28).

Эмоциональная оценка в англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе усиливается морфологическими и лексическими средствами, и важно отметить, что для данного типа оценочного значения характерна двойная интенсификация, то есть интенсификация уже усиленного признака [8, с. 162]:

(29) *It is also the responsibility of each of us to act together in the face of the **most egregious** violations of our common rules and standards (A/72/PV.8)* (превосходная степень прилагательного + интенсификат *egregious* ‘**extremely bad in a way that is very noticeable**’).

(30) *Because it would be an **absolute tragedy** if in our eagerness, we were to boost the nutjobs* (A/75/PV.12) (интенсификатор *absolute* ‘**very great** or to the largest degree possible’ + интенсификат *tragedy* ‘a **very** sad event or situation’).

(31) *По трагической воле судьбы Беларусь, самая маленькая среди трех стран, наиболее пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, приняла на себя **тяжелейший** удар этой ядерной катастрофы* (A/74/PV.48) (интенсификат *тяжелый* ‘суровый, **очень** серьезный’ + суффикс превосходной степени -ейш-).

(32) *Вся система международной безопасности переживает **серьезнейший** кризис* (A/70/PV.15) (*серьезный* в превосходной степени с суффиксом -ейш- + интенсификат *кризис* ‘**резкий**, крутой перелом’).

В дипломатических выступлениях на английском и русском языках может прослеживаться тройная интенсификация оценки, при которой наблюдается употребление трех интенсификаторов в рамках одной смысловой группы. Отметим, что с помощью такого способа интенсификации оценочный смысл придается не только смысловой группе, но и всему высказыванию:

(33) *Climate change is among **the most serious challenges** facing our world* (A/C.1/74/PV.25) (превосходная степень прилагательного + интенсификат *serious* ‘**severe** in effect; bad’ + интенсификат *challenge* ‘something that needs **great** mental or physical effort’).

(34) *The independence of our media is one of my country’s **greatest achievements** and it is the bedrock of our democracy* (A/73/PV.8) (превосходная степень прилагательного + интенсификат *great* ‘**very** large and impressive’ + интенсификат *achievement* ‘something **very** good and difficult that you have succeeded in doing’).

(35) *С момента **крупнейшей** техногенной катастрофы прошлого века — аварии на Чернобыльской АЭС — прошло уже больше 30 лет* (A/71/PV.56) (интенсификат *крупный* ‘важный, серьезный, **значительный**’ + суффикс превосходной степени -ейш- + интенсификат *катастрофа* ‘неожиданное несчастье, **бедствие**’).

(36) *История нам показывает, что мировой порядок или система международных отношений всегда рождались в **огромнейших муках*** (A/72/PV.14) (интенсификат *огромный* ‘**очень** большой’ + суффикс превосходной степени -ейш- + интенсификат *мука* ‘**сильное** физическое или нравственное страдание’).

Примечательно, что двойная и тройная интенсификация характерны в первую очередь для имен прилагательных как единиц, обладающих самым широким оценочным потенциалом. Такие явления встречаются прежде всего в англоязычных и русскоязычных дипломатических выступлениях, посвященных тематикам войны (32), природных и техногенных катастроф (31, 35), кризисных ситуаций (29, 32, 36), защиты окружающей среды (33) и защиты прав человека (30, 34).

В случаях двойной и тройной интенсификации в семантике единиц наиболее ярко прослеживается взаимодействие оценки, эмотивности и экспрессивности, которые, однако, различаются по своим функциям: оценка подразумевает выражение отношения говорящего к объекту действительности, эмотивность связывается с выражением эмоций, а экспрессивность предусматривает усиление выразительности как при выражении эмоций, так и при выражении отношения к действительности [3, с. 107–108; 9, с. 52]. Отметим тесную связь интенсивности и экспрессивности; оба понятия предусматривают усиление описываемых признаков, однако они не являются тождественными: экспрессивность связывается прежде всего с выразительной стороной высказывания, в то время как интенсивность служит показателем превышения в зоне нормы и может не подразумевать эмотивный аспект [8, с. 158].

Таким образом, анализ выступлений официальных представителей Великобритании и Республики Беларусь в ООН показал, что интенсификация оценки в англоязычном и русскоязычном дипломатическом дискурсе осуществляется морфологическими и лексическими средствами. Морфологическим средством является превосходная степень прилагательных

(суперлатив и элатив). Лексические интенсификаторы могут употребляться эксплицитно или содержаться в семантике существительных, прилагательных, наречий и глаголов. Интенсификаторы в дипломатическом дискурсе могут выражать чрезмерную, предельную и высокую степени изменения оценки. В рассматриваемом типе дискурса интенсифицируются оценка важности и эмоциональная оценка, для эмоциональной оценки характерны случаи двойной и тройной интенсификации. Интенсификация оценки в дипломатическом дискурсе осуществляется не только для указания на превышение нормы, но и для выделения оценочного аспекта значения, то есть усиления заинтересованности субъекта в обсуждаемой ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Сб. ст. по языкознанию: проф. Моск. ун-та акад. В. В. Виноградову. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – С. 103–124.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Лисова, А. Б. Функционирование языковых интенсификаторов в диалогической речи (на материале русского и испанского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. Б. Лисова; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2015. – 25 с.
6. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

8. Родионова, С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке / С. Е. Родионова // Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры: колл. моногр.; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – СПб.: Наука, 2005. – С. 150–168.
9. Романовская, А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. – Минск: МГЛУ, 2013. – 132 с.
10. Система официальной документации ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/home.xsp>. – Дата доступа: 09.03.2022.
11. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – 6-е изд., стер. – М.: Флинта, 2020. – 208 с.
12. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/>. – Date of access: 13.10.2022.

ОБУЧЕНИЕ ВОЕННОМУ ПЕРЕВОДУ КУРСАНТОВ

В статье раскрыты основные проблемы организации подготовки военных переводчиков инженерно-технической специализации и предложены возможные пути решения данных проблем. Автором предложены: увеличение количества времени, отведенного на подготовку военных переводчиков, разработка системы повышения квалификации педагогов военного перевода, разработка методических и дидактических материалов для перевода военной инженерно-технической специфики.

Актуальность подготовки военных переводчиков инженерно-технической специализации обусловлена существенно обострившейся геополитической ситуацией в мире и угрозой военного конфликта с недружественными странами. Сложившаяся ситуация требует умений переводить, понимать и интерпретировать иноязычные инженерно-технические тексты с целью определения возможностей отечественной оборонной инфраструктуры и соответствия технического оснащения, возможностей применения зарубежных новейших технологий и оборудования, а также понимания и разработки стратегии противодействия новейшим военным техническим достижениям противника. Военные переводчики также непременно присутствуют при переговорах, осуществлении коммуникации с представителями страны-противника или союзниками, встречах с зарубежными специалистами в инженерно-технической сфере и пр.

Целью написания данной статьи является анализ особенностей обучения курсантов военному переводу инженерно-технической специфики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– определить значимость подготовки военных переводчиков с инженерно-технической спецификой;

- охарактеризовать особенности и специфику обучения и подготовки курсантов – будущих военных переводчиков;
- выявить основные проблемы обучения и подготовки военных переводчиков с инженерно-технической спецификой;
- рассмотреть перспективы совершенствования преподавания технического иностранного с целью подготовки военных переводчиков.

При написании данной работы автором были использованы методы анализа научной литературы, статей, иных доступных источников по теме исследования, синтеза, дедукции, сравнения, и др.

Еще во времена РСФСР, в 1920-е гг. прошлого века, военное руководство стало осознавать необходимость в переводчиках, специализирующихся на военной и военно-инженерной специфике. Так, в 1923 г. в военных академиях был введен курс военной лингвистики.

Курсы профессиональных военных переводчиков были сформированы уже в 1931 г., при Центральном доме Красной армии им. М.В. Фрунзе. В 1940 г. был открыт Военный факультет при Московском институте востоковедения. В 1942 г. – образован Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯ КА), в стенах которого получали языковую переводческую подготовку военные переводчики, специализирующиеся как на западных, так и на восточных языках [6, с. 97].

Позже ведущим учебным заведением по подготовке военных переводчиков стал Военный институт Минобороны СССР (в настоящее время – Военный университет МО РФ). Начиная с 2008 г. подготовка военных переводчиков также осуществляется в учебных военных центрах (УВЦ) [3, с. 126]. По окончании обучения курсанты получают квалификацию «лингвист-переводчик». Полный курс подготовки лингвистов-переводчиков военно-инженерной специфики в настоящее время составляет пять лет, при этом курсанты получают дополнительную квалификацию «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» [2, с. 88].

По мнению М.А. Шевченко, цель обучения курсантов военному переводу

инженерно-технической специфики заключается в следующем [11, с. 154]:

- существенно повысить базовый, первоначальный уровень владения иностранным языком;
- овладеть профессиональной спецификой инженерно-технического иноязычного перевода любой сложности и вида (устный, письменный, синхронный, и пр.);
- приобрести коммуникативные компетенции иноязычного инженерно-технического военного дискурса на уровне, достаточном для совершения коммуникации с носителями языка;
- сформировать навыки и умения выполнения переводческих профессиональных инженерно-технических задач, таких как: коммуникация с иноязычными специалистами (перевод консультаций, переговоров, и пр.), перевод инструкций, схем, и др.) [11, с. 154].

По мнению Л. Л. Нелюбина, содержание подготовки военных переводчиков включает два компонента [9, с.112]:

1. Приобретение знания. Данный компонент подразумевает понимание и использование правил, способов и приемов построения иноязычной речи.
2. Навыки, умения и компетенции, под которыми подразумеваются иноязычные речевые навыки – свободное владение иноязычной грамматикой, лексикой, орфографией, включая иноязычные речевые и письменные умения (говорение, письмо, чтение, аудирование, диалогическая и монологическая иноязычная речь, умение синхронного перевода, и пр.).

П. П. Банман также отмечает экстралингвистические компетенции как компонент подготовки военных переводчиков [2, с. 123] П.П. Банман отмечает, что к экстралингвистическим компетенциям военных переводчиков можно отнести специфику военного иноязычного дискурса (в особенности это относится к военной инженерно-технической сфере), специфику тактики речевого поведения, принятую в военной среде (лаконичность, командный тон, четкость изложения, и пр.).

Как подтверждают многие исследования, подготовка военных

переводчиков сопряжена с определенными трудностями, обусловленными речевой спецификой (Е. В. Агаркова, М. Р. Ванягина, Н. К. Гарбовский, Э. Н. Мишкурин, М. В. Можаров и др. [1; 5; 8]. Особенную трудность представляет подготовка военного переводчика инженерно-технической направленности, так как данная специфика предусматривает [3, с.18]:

- знание и свободное владение профессиональными инженерно-техническими терминами, сокращениями, аббревиатурами, в различных сферах деятельности (военное строительство, инженерные коммуникации, связь, военная техника, и пр.) как на русском, так и на иностранном языке;

- понимание схем, чертежей, умение читать формулы, сокращения на родном и иностранном языке;

- знание и понимание той научной, инженерной, технической сферы, в которой осуществляется перевод, что подразумевает подготовленность военного переводчика также и в соответствующей инженерно-технической сфере.

Научно-технический прогресс подразумевает появление новых терминов, поэтому военный переводчик должен регулярно пополнять свои знания (самостоятельно следить за новациями в научно-технической сфере и их влиянии на перевод, проходить курсы повышения квалификации, и пр.). Инженерно-технические термины невозможно вольно интерпретировать и в переводе заменять синонимами. В переводе военных технических и инженерных текстов (инструкций, схем, пояснений, и пр.) не допускаются разночтения или двойные смыслы [4, с. 29].

Для английского языка свойственно три основных типа инженерно-технических терминов, которые характерны и для применения в военной сфере [5, с. 203]:

1. Первый тип представляет собой простые термины, которые состоят из одного слова:

2. Второй тип – это сложные термины, которые представляют собой слияние в одном термине двух или более слов, и могут быть в написании:

– слиянием двух и более слов: *workhorse* ‘рабочая лошадка’, *перен. зн.* – ‘механизм, выполняющий большую или наиболее трудоемкую часть работы, либо – надежный в эксплуатации’.

– производятся с помощью редукции (слитное написание слова, составленного из частей других слов, или же представляющие собой акронимы – сокращение, используемое как самостоятельное слово): *laser* – *light amplification by stimulated emission of radiation* – ‘лазер’;

– написание через дефис: *video-gain* – ‘регулировка яркости отраженных сигналов’;

– литерное написание (термины образуются с использованием буквы и слова): (*V-type engine* – ‘V-образный двигатель’).

3. Третий тип представлен словосочетаниями, относящимся к одному, определенному техническому объекту, к примеру: *guided missile* – ‘управляемая ракета’, *armored vehicle* – ‘бронемашина’, *long-range artillery* – ‘артиллерия дальнего действия’ [6, с. 129].

Значимой для переводческой деятельности особенностью инженерно-технической лексики является то, что употребляемые термины могут иметь совершенно разные значения в зависимости от той сферы, в которой они применяются. Также могут иметь другое значение и используемые в повседневной жизни термины, которые стали использоваться как профессиональный сленг [7, с.231]:

– *man (мужчина) of war* – ‘морской корабль’;

– *dead (мертвый, покойник, труп, неживое)* – ‘обесточенный’ (электромех.), ‘несквозной, глухой’ (строит.).

Еще одной особенностью инженерно-технических терминов в английском языке является то, что вместо слов англо-саксонского происхождения используются термины с латинскими корнями: вместо *to clean* (для очистки) – *to purify* [6, с. 129].

Отдельной проблемой военного перевода инженерно-технической специфики является многозначность трактовки отдельных терминов. Так, к

примеру слово *face* ‘лицо’ – может в профессиональном переводе интерпретировано как ‘облицовка, фасад’ [7, с. 44].

Данная проблема характерна не только для самих курсантов, которые проходят обучение инженерно-техническому военному переводу, но также и для их преподавателей, так как в основном преподавателями военного перевода являются не профессиональные военные переводчики соответствующей инженерно-технической специфики, а обычные преподаватели углубленного английского языка. Подобная ситуация требует от преподавателей английского военного перевода дополнительных знаний и компетенций, которые они могут получить только сами, пройдя дополнительную подготовку [11, с. 112].

Важно отметить, что преподаватели военного перевода инженерно-технической специфики сами с большим желанием стремятся повысить свою квалификацию, проходить курсы специализированного перевода, дополнительно обучаться, посещать семинары и конференции по специализированному военному переводу. Приобретая дополнительные компетенции, развиваясь и совершенствуясь, преподаватели военного перевода значительно повышают свою конкурентоспособность на рынке труда, получают дополнительные стимулы в виде повышения заработной платы и пр. [10, с.55].

Еще одной существенной проблемой современной организации подготовки военных переводчиков является недостаточность выделенного для переводческой подготовки времени (академических часов в учебных заведениях).

Для решения данных проблем необходимо:

1. Акцентировать обучение военных переводчиков на определенной специфике (в данном случае – перевод с англоязычной военной инженерно-технической спецификой).
2. Разработать систему повышения квалификации преподавателей военного перевода.
3. Увеличить количество времени, отводимого на подготовку специализированных военных переводчиков (в том числе при помощи

удаленного обучения).

4. Разработать методические и дидактические материалы для военного инженерно-технического перевода.

Знание особенностей военной инженерно-технической терминологии, специфики профессионального инженерного военного дискурса является обязательным для курсантов, обучающихся по специальности «Лингвистическое обеспечение военной деятельности». Полученные курсантами в процессе обучения навыки, умения и компетенции в дальнейшем должны обеспечить их дальнейшую деятельность профессионального военного переводчика.

Таким образом, в ходе проведенной аналитической работы были выявлены следующие проблемы подготовки военных переводчиков инженерно-технической специализации:

1. Специфика перевода англоязычных инженерно-технических терминов, недопустимость вольной трактовки текстов.
2. Недостаточная компетентность преподавателей военного перевода.
3. Недостаточное количество часов подготовки военных переводчиков.
4. Нехватка методических и дидактических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаркова, Е. В. Повышение эффективности обучения военных специалистов в вузе / Е. В. Агаркова, М. Р. Ванягина // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: – Сборник научных статей XXVII Международной научно-практической конференции: под общей редакцией М. В. Пименовой. – СПб. ВАМТО, 2017. – С. 217–224.

2. Бектурдиева, Ш. С. Военная лексика и особенности перевода военных текстов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-leksika-i-osobennosti-perevoda-voennyh-tekstov/viewer>. – Дата доступа: 11.02.2023.

3. Бородина, Т. Ю. Ключевые аспекты и трудности перевода технических текстов (на примере технического руководства) // Гуманитарный вестник / Языкознание и литературоведение [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-aspekty-i-trudnosti-perevoda-tehnicheskikh-tekstov-na-primere-tehnicheskogo-rukovodstva?ysclid=lcz6jboznx31568504>. – Дата доступа: 11.01.2023.
4. Банман, П. П. Военный переводчик: требования и компетенции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennyy-perevodchik-trebovaniya-i-kompetentsii/viewer>. – Дата доступа: 19.04.2023.
5. Гарбовский, Н. К. Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты) / Н. К. Гарбовский, Э. Н. Мишуров // Вестник Московского университета. – Серия 22. – Теория перевода. – 2010. – № 2. – С. 16-41.
6. Киселёв, Б. В. Англо-русский словарь военно-технических терминов и сокращений с комментариями / Б.В. Киселёв – Часть 1. – 2018. – 289 с.
7. Митчелл, П. Дж. Английский военный сленг: понятие, способы образования и тематическая классификация / П.Дж. Митчелл // Язык и культура. – 2014. – № 3 (27). – С. 64-73.
8. Можаров, М. В. Особенности военного дискурса / М.В. Можаров // Язык и культура: сб. ст. XXVIII Междунар. науч. конф. – Томск, 2018. –С. 150-152.
9. Нелюбин, Л. Л. Военно-специальная подготовка (военному переводу). Английский язык: учеб.-метод. комплекс. / Л.Л. Нелюбин – М.: МГИМО-Университет, 2006. – 216 с.
10. Орлов, С. С. Описание и сравнение систем обучения военных переводчиков в России и за рубежом. Различия и общие черты в системах обучения / С.С Орлов // Психология, социология и педагогика. – 2016. – № 5. – С. 54-59.
11. Шевченко, М. А. Цели, задачи, принципы и содержание обучения

военных переводчиков иноязычному военному дискурсу / М. А. Шевченко, С. К. Гураль // Язык и культура / Наука и образование [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-zadachi-printsipy-i-soderzhanie-obucheniya-voennyh-perevodchikov-inoyazychnomu-voennomu-diskursu?ysclid=lcyzownyga614908179>. – Дата доступа: 10.01.2023.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО УРОКА В ШКОЛЕ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

В XXI веке актуальным видится проблема моделирования компетентностно ориентированного урока в соответствии с современными требованиями. Автор статьи предлагает алгоритм проектирования учебного занятия, доказывает эффективность применения компетентностно ориентированных заданий.

Оригинальный авторский взгляд будет интересен студентам-практикантам, молодым специалистам, а также учителям-предметникам.

Меняются цели и содержание образования, появляются новые средства и технологии обучения, но урок остается главной формой обучения и должен быть актуальным, практико ориентированным, нацеленным на результат. Основная задача школьного образования в XXI веке заключается в том, чтобы учащийся, получив знания, умел их применять при решении сложных жизненных ситуаций (результат современного урока). Как же спроектировать актуальный урок? В традиционной педагогике урок является коллективной формой обучения, которой присущи постоянный состав учащихся, устойчивые временные рамки занятий (35–45 мин.), заранее составленное расписание и организация учебной работы над одним и тем же материалом [3, с. 226].

В отличие от традиционного учебного занятия, отвечающего требованиям образования конца XX и начала XXI века, современное учебное занятие – это, прежде всего, компетентностно ориентированное. Полагаем, что компетентностно ориентированное учебное занятие – это такое занятие, на котором создаются условия, способствующие развитию учащихся через выполнение практической деятельности. Отметим, что необходимым условием эффективности такого урока является включение каждого учащегося в самостоятельную, осознанную, мотивированную деятельность, что позволит

не превратить урок в процесс информирования, а достичь главную его цель – формирование личности, раскрытие и развитие её задатков, способностей. Спецификой компетентностно ориентированного урока является то, что учащийся сам формулирует понятия, необходимые для решения той или иной задачи, что позволяет учебной деятельности стать предметом усвоения либо придать ей исследовательский или практико ориентированный характер. Компетенции предполагают проявление личностно-деловых качеств (способен делать эффективно), наличие мотивации и целевых установок (хочу и буду делать); опыт (делал и уверен, что смогу сделать вновь) и потенциал (могу делать в будущем). Выделим несколько наиболее важных аспектов компетентностно ориентированного учебного занятия.

- компетентностный подход к целеполаганию, т.е. учащиеся активно вовлекаются в формулирование темы, целей и задач урока: «Для меня сегодняшний урок ... / Я бы, пожалуй, сделал так ...» и др.

- ориентация учебного процесса на развитие самостоятельности и ответственности, что предполагает внутриурочную дифференциацию и индивидуализацию обучения.

- сочетание индивидуальной, групповой и фронтальной форм организации учебной деятельности учащихся;

- активное использование здоровьесберегающих технологий (йога или гимнастика для глаз, релаксационные паузы и др.).

- использование современных информационно-коммуникационных технологий (компьютеров, планшетов, интерактивных досок, возможностей сети Интернет, создание благоприятного психологического микроклимата на учебном занятии и др.).

- изменение роли учителя (учитель становится помощником, организатором, защитником, экспертом и др.).

При проектировании сценария современного учебного занятия рекомендуем следовать алгоритму, который включает, как правило, следующие этапы:

а) Целеполагание. В сценарии урока учитель может использовать два подхода к формулированию целей: 1. образовательная (образование – это обучение и воспитание ... [2]) и развивающая; 2. обучающая, воспитательная, развивающая. Целеполагание на сегодняшний день у педагогов вызывает большие затруднения. Как правило, цели учителей нашего учреждения образования имеют расплывчатые формулировки. Отметим, что сформулированные цели должны быть конкретными, диагностируемыми, понятными, осознанными, реальными, описывающими желаемый результат, побудительными, точными.

б) Приемы мотивации: 1) апелляция к жизненному опыту учащихся – учитель обсуждает с учащимися реальные жизненные ситуации, сопровождая их анализом собственных действий (рефлексией); 2) важность овладения материалом – учитель сообщает учащимся, что приобретаемое сегодня знание понадобится для ...; 3) создание проблемной ситуации; 4) ролевые, деловые и другие игры; 5) конкурсы, ребусы, сканворды, творческие сочинения и т.п.

в) Приемы обучения: учебная дискуссия, диалог, просмотр и обсуждение видеоролика, открытые вопросы, мозговой штурм, компетентностно ориентированные задания (КОЗ), технология критического мышления, проектная деятельность, исследовательская работа и т.д. Необходимо отметить, что чем меньше заметно учителя на уроке, тем лучше. Нами установлено, что 80 % от времени учебного занятия должны работать и говорить учащиеся, а не учитель.

Педагоги часто затрудняются выбрать ту или иную современную педагогическую технологию. Рекомендуем придерживаться следующего алгоритма: выявить проблему (например, низкое качество знаний, низкая мотивация, нарушение дисциплины и т.д.) → составить список технологий, направленных на решение проблемы → изучить теоретическую часть выбранной технологии → выбрать одну или несколько технологий для решения проблемы. Применяя ту или иную технологию, недопустимо внедрять в учебное занятие её отдельные элементы.

г) Деятельностные методы обучения: методы формирования информационной компетенции (поиск и сбор информации, подготовка диаграмм, планов к тексту, сообщений по теме, стенгазет, программ мероприятий и т.п.); методы формирования коммуникативной компетенции (выступление на защите исследовательской работы; вовлечение учащихся в работу белорусскоязычных или франкофонных театров; интервью; ведение Интернет-форума и др.); методы формирования социально трудовой компетенции (как правило, групповые формы работы; головоломки, пазлы, мини-проекты, технология сотрудничества и др.); методы формирования учебно-познавательной и ценностно-смысловой компетенций (кейс-технология, коллективное подведение итогов урока или оценивание; метод проб и ошибок, практические работы творческого и исследовательского характера и др.); рефлексия.

д) Рефлексия учащимися своей деятельности.

Проектируя наши уроки, предпочтение отдается созданию разных компетентностно ориентированных заданий, что позволяет провести современный урок в контексте компетентностного подхода. Представим результаты исследования.

Среди 52 учащихся V–XI классов средней школы № 26 г. Бобруйска в 2020/2021 учебном году было проведено исследование с целью изучения эффективности применения компетентностно ориентированных заданий на современных уроках иностранного языка. Оно включало два этапа: констатирующий (в сентябре) и контрольный (в мае).

Чтобы более полно выявить уровень школьной мотивации учащихся, нами проводилось анкетирование «Оценка уровня школьной мотивации» (по Н. Г. Лускановой) в сентябре и мае 2020/2021 учебного года в государственном учреждении образования «Средняя школа № 26 г. Бобруйска». Так, в сентябре в ходе анкетирования выявлено следующее: 35,15 % опрошенных имеют высокий уровень мотивации; 36,42 % – проявляют положительное отношение

к школе, но школа привлекает больше внеучебными сторонами; 28,43 % – являются низкомотивированными.

В ходе анкетирования в мае отмечается незначительное снижение количества низкомотивированных учащихся (19,12 %), что позволяет сделать вывод об эффективности применения КОЗ.

Коммуникативная компетенция определялась с помощью методики В. В. Синявского и Б. А. Федоришина «КОС-1», которая помогла выявить коммуникативные и организаторские склонности старшеклассников. У 7 % выявлен низкий уровень коммуникативных и организаторских способностей. Данная категория учащихся будет на протяжении учебного года активно вовлекаться в ролевые игры и мозговые штурмы, что поможет преодолеть языковой барьер.

Так, по результатам методики В. В. Синявского и Б. А. Федоришина «КОС-1» в мае 2020/2021 отмечается снижение количества учащихся с низким уровнем коммуникативной компетенции до 3 %, что позволяет сделать вывод об эффективности применения КОЗ (в данном случае ролевой игры) на II и III ступенях получения общего среднего образования.

Целенаправленное использование КОЗ позволяет учащимся выходить на высокий уровень учебных достижений, о чем свидетельствуют результаты конкурса-игры «Лингвистенок–2021» и городской олимпиады по иностранным языкам. Так, результативность применения компетентностно ориентированных заданий подтверждается 14 опубликованными планами-конспектами урока французского языка (<https://aversev.by/skachat/plany-konspekty-urokov-uchastnikov-proekta-metodicheskaya-kopilka>) по итогам участия в проекте «Методическая копилка–2021/2022» (издательство «Аверсэв», г. Минск), дипломом II степени городского конкурса «Разработка дидактических материалов предметов социально-гуманитарного цикла по подготовке учащихся к Республиканской олимпиаде» в номинации «Иностранный язык» (XI класс), на который была представлена комплексная письменная работа,

включающая в себя традиционные и компетентностно ориентированные задания.

Педагогам, которые хотят получить положительный результат, дадим некоторые методические рекомендации:

а) перед использованием КОЗ важно выделить его мотивационный, практический и лингвистический (филологический, математический и др.) компоненты;

б) целесообразно обеспечить постепенный переход учащихся от работы с заданиями, имеющими стандартную формулировку, к КОЗ;

в) КОЗ требуют больших временных затрат, поэтому на уроках могут предлагаться эпизодически;

г) применять КОЗ не только на уроке, но и на стимулирующих или факультативных занятиях по иностранному языку, при проведении внеклассных мероприятий, используя различные виды само- и взаимопроверки;

д) важно гармонично сочетать коллективные, групповые и индивидуальные формы обучения;

е) необходимо учитывать индивидуальные особенности учащихся;

ж) целесообразно периодически использовать КОЗ в качестве основы для работы учащихся над проектами;

з) работа учащихся над КОЗ должна завершаться обратной связью со стороны педагога;

и) при планировании компетентностно ориентированного урока, нацеленного на результат, целесообразно использовать технологическую карту (Таблица 1), включающую следующие позиции:

Таблица 1 – Технологическая карта урока

Планируемые результаты занятия в контексте компетенций	Этапы и задачи занятия	Содержание		Методическое обеспечение	Время
		Деятельность педагога	Деятельность учащегося		

Отметим, что систематическое самооценивание качества проведения учебных занятий позволяет педагогу: выявлять наиболее эффективные методы педагогической работы с классом; своевременно устранять недостатки организации учебно-воспитательного процесса; определять перспективные направления для самообразования, повышать уровень профессионального мастерства. Так, самоанализ урока является инструментом самосовершенствования учителя, формирования и развития его профессиональных качеств. Важно понимать, что именно самоанализ урока играет важную роль в выявлении недостаточно эффективных методов и приемов, которые мешают добиться поставленных учебных задач в отведенные временные сроки. Предлагаем следующую карту анализа компетентностно ориентированного урока (Таблица 2) [1].

Таблица 2 – Карта самоанализа учебного занятия

Предмет _____ Класс _____

Тема урока _____

Факторы для наблюдения	Для пометок
1. Целеполагание а) отсутствует б) цель формулирует учитель в) учащиеся принимают участие	
2. Цели учебного занятия а) нельзя измерить, продиагностировать б) диагностичны, измеряемы	
3. Создание мотивационного поля: а) отсутствует б) на этапе целеполагания в) на отдельных этапах урока	
4. Содержание урока: а) нет связи с жизнью, практической деятельностью б) прослеживается связь с жизнью, практической деятельностью в) прослеживается связь с жизнью, имеется интеграция содержания	

<p>5. Формы организации деятельности на учебном занятии:</p> <ul style="list-style-type: none"> а) неактивные б) активные в) интерактивные г) фронтальные д) парные е) групповые ж) индивидуальные 	
<p>6. Использование приемов, методов:</p> <ul style="list-style-type: none"> а) их использование неоправданно; репродуктивные приемы и методы б) выбор оправдан, соответствует целям учебного занятия; используются репродуктивные и продуктивные приемы и методы в) предполагают включение учащихся как субъектов деятельности на некоторых этапах учебного занятия; характер – компетентностно ориентированный г) предполагают включение учащихся как субъектов деятельности на всех этапах учебного занятия; характер – компетентностно ориентированный 	
<p>7. Рефлексивность</p>	
<p>8. Использование технологий</p>	
<p>9. Результативность урока</p> <ul style="list-style-type: none"> а) результат не достигнут или достигнут учителем; б) сформирована направленность на предметные компетенции (указать какие); наличие продукта. Результат достигнут отдельными учащимися; в) сформирована направленность на предметные, общепредметные компетенции (указать какие); наличие продукта деятельности, знаний о его практическом применении. Большая часть класса достигла результата; г) сформирована направленность на предметные, общепредметные компетенции (указать какие); развивались ключевые компетенции (указать какие). Результат достигнут каждым учащимся 	
<p>10. Оценивание</p>	

Таким образом, только последовательная, систематическая и долговременная работа по формированию элементов компетенций уже в 1 классе обеспечит полноценное освоение образовательной компетентности в 11 классе [4, с. 84]. Полагаем, что универсальной формой организацией обучения может выступать блочно-модульная технология, которая поможет в полной мере реализовать компетентностный подход на учебном занятии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болгова, М. А. Схема анализа компетентностно ориентированного урока / М. А. Болгова // ИНФОУРОК: ООО «Инфоурок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infourok.ru/shema-analiza-kompetentnostnoorientirovannogo-uroka-791112.html>. – Дата доступа: 28.07.2022.
2. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]: 13.01.2011, № 243-З: принят Палатой Представителей 21.12.2021: одобр. Советом Респ. 22.12.2021: в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.01.2022 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – 512 с.
3. Харламов, И. Ф. Педагогика: учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. / И.Ф. Харламов – М.: Гардарики, 2003. – 519 с.
4. Шилобрит, Д. И. Компетентностно ориентированные задания на уроках иностранного языка: от проектирования до применения / Д. И. Шилобрит // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы XI Междунар. конф.; Гомель, 22 окт. 2021 г. / Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; редкол.: Е. В. Сажина, Н. В. Насон [и др.]. – Гомель, 2021. – С. 81–85.

SUMMARY

M. Bogova, Y. Zhernosek.

IMAGES OF ENGLISH AND KOREAN PHRASEOLOGICAL ZOOMORPHISMS

The article compares the figurative meanings of Korean and English phrazemes which contain the names of animals, as well as images used to express these meanings. Nationally marked zoonyms with the components 'birds', 'insects', 'rodents', 'snakes' and 'fish' demonstrate common and unique features in the worldview of the speakers of these languages. Variations of translation correspondences are considered.

M. Bogova, M. Ivanova.

THE CONCEPT: TYPES AND CULTURAL BASES

The article compares the figurative meanings of Korean and English phrazemes which contain the names of animals, as well as images used to express these meanings. Nationally marked zoonyms with the components 'birds', 'insects', 'rodents', 'snakes' and 'fish' demonstrate common and unique features in the worldview of the speakers of these languages. Variations of translation correspondences are considered.

T.A. Boldova, Xu Fan

THE PRACTICE OF TEACHING COMMUNICATION IN A FOREIGN LANGUAGE BASED ON CARTOONS

The article discusses the translation of texts of modern cartoons, the solution of which requires paired, group and collective forms of work during interactive communication to master the translation technique. The text of the caricature is a unit of semantic representation of meaning and a ready-made block of entry into the knowledge base of a certain subject area. The cartoon texts encode not only a thought task or a complex of problems, but also a key to their translation, which is necessary to decrypt the author's communicative intention in a foreign-language society.

S. Borzenets.

IDIOMS WITH THE COMPONENT THAT NAMES EMOTION IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGE WORLD VIEW.

The article deals with the modeling of the Russian, English and German language world view that is reflected in idioms with a name of emotion as a component. It has been found that the three cultures reflect a number of ideas in the similar way using the idioms studied.

D. Boroda,

SEMANTIC COMPARISON OF GRAFFITI ARTISTS' SLANG IN ENGLISH AND RUSSIAN CULTURES

The article presents an analysis of the assimilation of graffiti artists' slang in the English-speaking and Russian-speaking cultures. The analysis of distinctive and similar features of two language systems of one slang culture is presented.

T.V. Busel

ARTIFICIAL INTELLIGENCE TRANSLATORS

The article is devoted to neural machine translation. Today it is impossible to overestimate the significance and prospects of the machine-aided translation due to the rising demand for translations that is intensified by an existing lack of translators for numerous specialized fields and particular language combinations. The author reveals the essence of artificial intelligence based on translation systems.

O.V. Veremeychik, T.V. Puzhel

SPEECH CONTACT IN SOCIO-CULTURAL COMMUNICATION (based on the material of German and English)

Before proceeding to a meaningful exchange of messages, to the communication itself, the addresser needs to somehow attract the attention of the addressee, make contact and address him/her. Among the various means of establishing speech contact, the main one is the appeal, when choosing which consideration of the socio-cultural aspect of speech acts as a significant condition for the success of communication. The skillfully chosen and acceptable use of you- or You-forms of address in accordance with national traditions creates a favorable atmosphere of communication and gives the speaker the opportunity to demonstrate the entire gamut of personal and socially defined relationships, as well as to achieve the illocutionary goal.

T. I. Garanovich

ENGLISH SYNTACTIC IDIOMS WITH THE PERMANENT COMPONENT *NEVER MIND*

The article dwells on English syntactic idioms with the permanent component *never mind*. It has been determined that *never mind* is a lexical idiom and due to the principle of the construction it serves as a basis of syntactic idioms of the *never mind X* type. On the material of the British National Corpus 6 meanings in which they are used have been singled out – these are

‘insignificance’, ‘irrelevance’, ‘untimeliness’, ‘absence of connection’, ‘conjunction’, ‘concession’. It has been found out that syntactic idioms built according to the model *never mind X* share the semantics of insignificance and conjunction with the lexical idiom *never mind*, but have also acquired 4 other meanings.

A.D. Gildi, A.R. Vostrikova

ON THE PROBLEMS OF «FALSE FRIENDS OF A TRANSLATOR» IN TRANSLATION STUDIES

The article regards the problem of «false friends of a translator», as well as the concept of «inter-language pseudo-analogisms». In this connection, the authors carry out the analysis of wrong identifications various examples in English, French, Italian and other translations. Besides, possible ways and methods of word interference preventing are considered.

T. Golikova, I. Goncharova

THE PECULIARITIES OF MAKING TRAILERS TO ENGLISH FEATURE FILMS

The article describes the peculiarities of making trailers to English feature films and the specifics of their translation from English into Russian. It is marked in the article that the AIDA formular is regarded as essential for making trailers. The reasons of the most frequent ways of translating trailers from English into Russian are explained in the article. They are: modulation, omission and addition. The importance of preserving the emotional atmosphere of the trailer within its whole duration is emphasized.

T. Golikova, KH. Kushnerik

REPRESENTATION OF THE PAIN CONCEPT IN THE RUSSIAN AND ENGLISH PHRASIOLOGICAL UNITS

The article describes examples of *the pain* concept representation in the Russian and English phraseological units taken from the Russian and English Dictionaries. The common and different features in their semantic scope have been analyzed. The importance of the adequate translation of these units from Russian / English into English / Russian languages is marked.

V.N. Gritsenko, S.R. Nedbailik

CROOTCH LANGUAGE IS THE YOUNGEST ARTIFICIAL LANGUAGE IN THE WORLD

The article regards the constructed Crootch, or Krotol language. The original name of the language is baazdul Krotol" (the word baazdul «language» originates from bazda «dispose», and Krotol' (or Krozol') comes from the word kroozo "spirit"). There are about 2,500 words in the Crootch dictionary. It is an agglutinative language, having a complex grammar and unique morphological features. It has about twenty cases and more than ten tenses. The language uses three writing systems: its own script, Latin and Cyrillic.

N. P. Gritskevich

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE CONCEPTS “INFLATION” AND “DEFLATION” IN THE DICTIONARY ENTRIES OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

The paper provides a comparative analysis of the use of the concepts “inflation” and “deflation” in English and Russian on the material of etymological, explanatory and economic dictionaries.

E.V. Daneiko

AUTHOR’S ACCOMPANIMENT OF THE DIRECT SPEECH OF THE HEROES IN THE WORK OF OSCAR WILDE «STAR-BOY» ON THE EXAMPLE OF VERBS «SAID», «ANSWERED», «CRIED»

The purpose of the article is to comprehensively consider the author's accompaniments of the characters' direct speech on the example of the frequently occurring verbs 'said', 'answered', 'cried', from the point of view of their structure, semantics and role in the communicative situation in the work of Oscar Wilde ‘Star-Boy’.

T. Dementieva, E. Gharibyan

STRUCTURAL AND LANGUAGE FEATURES OF PARONYMS IN RUSSIAN, ARMENIAN AND ENGLISH

Summary. Paronyms have been the object of study for many years, but modern language science lacks both a unified approach to their study and a unity of points of view on their linguistic

status. A comparative study of equivalent paronymic units makes it possible to identify common and specific national features of the Russian, Armenian and English languages.

O.V. Zheleznyakova

APPLYING THE COMMUNICATIVE AND COGNITIVE APPROACH TO TEACHING CONSECUTIVE INTERPRETING TO STUDENTS AT LINGUISTIC UNIVERSITIES

The article considers the necessity to apply the communicative and cognitive approach to teaching consecutive interpreting to students in different kinds of linguistic educational establishments. The necessity to use modern up-to-date methodology to intensify the teaching process is being pointed out.

D. Ivanova

LACUNAE OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE RUSSIAN LANGUAGE AS LINGUISTIC AND CULTURAL MARKERS IN THE THEMATIC GROUP “EDUCATION”

The article raises the problem related to the absence of clear terms in the Russian language of some English concepts owing to different cultural realities. The article presents some of the most representative examples of lacunae and their possible definitions.

E. Kireichuk

DEVELOPING STUDENTS’ READING COMPETENCY UNDER A CRISIS OF READING CULTURE

The article dwells on the general problems of shaping the reading competency in the context of developing professional competences of senior students of linguistics.

T.A. Kazlova

‘NATIONAL CORPUS: THE STUDY OF SEMANTIC POTENTIAL OF LEXICAL UNITS’

On the basis of the English, Belarusian and Russian national corpora data the list of potential semes that are not presented in explanatory dictionary definitions in the semantics of the words denoting considerateness is revealed. The directions of semantic transfer are identified: the lexemes

denoting considerateness are used to name the characteristics of the objects of other lexico-semantic spheres.

V.Y. Kastsiuchenka

THE IMPERATIVE SPEECH ACTS IN RUSSIAN AND ENGLISH ONLINE TALK SHOWS AND INTERNET COMMENTS

The article deals with imperative speech acts in Russian and English online talk shows and Internet comments. It is shown that pragmatics strongly influences the functioning of imperative speech acts in day to day speech, which results in their multifunctionality. The main modal meanings and means of expressing of this variety of speech acts are determined, the influence of genre-pragmatic and linguocultural factors on the prevalence of certain modal meanings is shown. The similarities and differences in the use and quantitative representation of imperative speech acts between Russian and English online talk shows and Internet comments are presented.

M. D. Krautsova

PHRASEOLOGICAL UNITS OF BIBLICAL ORIGIN AS AN INTEGRATIVE PART OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article deals with the characteristic features that make it possible to classify bibleisms as phraseological units, and also analyzes various approaches to classifying bibleisms as phraseological units.

O. V. Kruglova,

SPECIFICITY OF RECONSTRUCTING THE POLISH-LANGUAGE TEXT OF THE CUSTOMS BY MEANS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

In the article, on the example of hypertext, the features of recreating the Polish-language text in the Russian language are considered. Attention is drawn to the theory of regular correspondences. Features in the lexical and grammatical structure of the Polish and Russian languages are analyzed. Differences in the category of gender, the direction of the verb / preposition in the language pair are demonstrated. The need to replace parts of speech in certain cases is emphasized.

E. Likhacheva, S. Nedbailik

FEATURES OF POETIC TRANSLATION

This article analyzes the types of translations, but mainly touches upon the features of poetic translation. The authors study the complexity of the process of poetic translation and its originality. The text gives an example of a poetic translation of Charles Baudelaire's "Voyage".

Y. Maroz

ENGLISH ABSOLUTE CONSTRUCTIONS IN LITERARY TRANSLATION INTO BELARUSIAN

The article describes the syntactic means of the Belarusian language employed to render English absolute constructions in the translation of J. K. Rowling's *Harry Potter and the Philosopher's Stone*. Due to structural differences in the syntax of the languages, the equivalence of translation is achieved by the use of different grammatical means, with the semantics of the construction and the situation behind it, being the major factor of choice.

Mousa Mohamed Ramadan Gamel Mohamed, Namla Rageb Abdelhalim Elsaid Elsaid

USING MENTAL MAPS IN THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES (ON THE EXAMPLE OF CARDIOVASCULAR DISEASES)

In this article, foreign students describe the experience of creating a mental map on medical topics in practical classes in the Russian language as a foreign one. The authors turn to modern foreign research on the application of the technique of creating intelligence maps in the training of medical students. A number of grammatical constructions are presented that can be used for further work with a mental map, namely, compiling a sounding text on professional topics.

K. Mukimova

ON SOCIO-CULTURAL TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN FRENCH IN SWITZERLAND

This article examines the lexical peculiarities and sociocultural aspects of the development of modern French in Switzerland. The article provides an overview of the changes which are evident in the language at the moment with a focus on the principles of gender linguistics. Further research

and analysis of contemporary French in Switzerland is extremely important, as there are not many research and academic papers devoted to this issue in Russia.

Novokshanova K.S., Nedbailik S.R.

ON THE STATUS OF YOUTH ARGOT LIKE SOCIAL DIALECTS IN MODERN FRENCH

This article touches upon the most actual questions dealing with the problem of youth argot like social dialects of modern France. In this connection the authors make a comparative review of argot conceptions accepted in Russian and foreign linguistic theories. They also regard its origin, functional status and lexical cast, putting accent on the most actual models of argot creation and on the trends, prospects of youth argot based social dialects further development.

T. Popko

FORMATION OF AESTHETIC COMPETENCE IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO ADULTS

The article deals with formation of aesthetic competence through electronic learning tools.

D.V. Patseyeva

ENGLISH COMPLIMENTARY ADJECTIVES AS A NATIONALLY IDENTIFYING MARKER

The article considers English complimentary adjectives as a nationally identifying marker. Using the method of quantitative calculations, special patterns of complimentary use of the English adjectives in a positive context were revealed, which cannot but speak about national peculiarities.

Safonova S.A., Petrukhin G.A., Kopylova N.A.

THE IMPORTANCE OF USING INTERNET RESOURCES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

This article analyzes the use of modern digital technologies and the specifics of teaching a foreign (English) language using Internet resources in various educational institutions, discusses their advantages and establishes the relevance of using online sources in any educational process. The possibilities of solving didactic foreign language problems in schools and universities based on the use of modern information and communication technologies and Internet resources are revealed.

N.P. Stankevich

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO TEACHING FOREIGN LANGUAGES AT NON-LANGUAGE UNIVERSITIES

The article emphasizes the importance of professional and methodological competence of a foreign language teacher at a technical university, since the teaching of this discipline is based on the interdisciplinary integration of the specialty and a foreign language, which contributes to a certain approach to the content of his profession, professional behavior and communication.

E. Sushitskaya

SEMANTIC CHARACTERISTICS OF ERGONYMS

The article analyzes the semantic characteristics of the names of the hotels, hostels, castle hotels, houses, etc. in the hotel sector of the Republic of Ireland. The paper also contains the lexical-semantic types of the given onomastic units, as well as the analysis of the motivation associations between the common noun out of which the onym is formed and the object.

A. M. Tabatskaya

LEXICO-SEMANTIC FELD "RESCUE" IN THE SOCIAL SCIENCES AND IN LINGUISTICS

The article discusses the general concept of the lexico-semantic field, its characteristics, as well as linguists studying this issue. The term "Rescue" is considered on the basis of two different countries, Russia and Germany. The field "Rescue" in German and Russian is considered, as well as similarities and differences in this term are revealed.

N. M. Tretyakova

SPECIFIC FEATURES OF THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A SECTORAL TRANSLATOR FROM THE PERSPECTIVE OF THE SCOPOS THEORY

The article examines the requirements for the comprehensiveness and quality of text materials translated by sectoral translators who are also graduates in a particular non-linguistic area of study. The author analyses the translation goals viewed from the scopos theory standpoint.

S. Khodak

USING OF MIND MAPS FOR SYSTEMATIZATION OF EDUCATIONAL MATERIAL AT ENGLISH LESSONS

The article is about the using of mind maps for systematization of educational material at English lessons.

E. Chebotareva, A. Kovalionok

STAGES OF SEMANTIC ASSIMILATION OF ENGLISH COMPUTER TERMS (ON THE DATA OF WINDOWS AND MSWORD TERMINOLOGY)

The article is focused on the semantic assimilation of English computer terms in the Russian computer sublanguage. The peculiarities of each assimilation stage have been revealed including the broadening/narrowing of meaning, change of stylistic colouring, metaphorical and metonymic transfers. The study is based on the data of Windows and MSWord terminology.

E. Shestakova

EVALUATION INTENSIFIERS IN DIPLOMATIC DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

The article studies evaluation intensification in diplomatic discourse in the English and Russian languages. It describes morphological and lexical, explicit and implicit means of evaluation intensification. It analyses the cases of double and triple evaluation intensification in diplomatic discourse.

Yu.A. Shekhovskaya

MILITARY TRANSFER TRAINING FOR CADETS

Within the framework of writing this article, the author reveals the essence and significance of the training of military translators of engineering and technical specialization. The historical development of the training of military translators in Russia is considered. The features of the translation approach of specialized speech, texts and documentation are characterized, due to the specifics of military engineering terminology, as well as the inadmissibility of free interpretation in this type of translation.

D. Shilobrit

MODELING AND CONDUCTING A MODERN SCHOOL LESSON BASED ON THE COMPETENCE APPROACH

In the XXI century, the problem of modeling a competence oriented lesson in accordance with modern requirements is considered relevant. The author of the article proposes an algorithm for designing a training session to prove the effectiveness of the application of competence-oriented tasks.

The original author's view will be interesting to students, interns, young professionals, as well as subject teachers.

СОДЕРЖАНИЕ

М.Г. Богова, Е.В. Жерносек. Образы корейских и английских фразеологических зооморфизмов.....	5
М.Г. Богова, М.Р. Иванова. Концепт: типы и лингвокультурологические основы.....	11
Т.А.Болдова, Сюй Фань Практика обучения коммуникации на иностранном языке на основе карикатур	21
С.Е. Борзенец. Фразеологизмы с компонентом - наименованием эмоции в русской, английской и немецкой языковых картинах мира	29
Д. А. Борода. Семантическое сравнение сленга граффитистов в англоязычных и русскоязычных культурах	35
Т.В. Бусел. Переводчик с искусственным интеллектом	41
О.В. Веремейчик, Т.В. Пужель. Речевой контакт в социокультурной коммуникации (на материале немецкого и английского языка).....	47
Т.И. Гаранович. Английские синтаксические фразеологизмы с постоянным компонентом never mind.....	56
А.Д. Гильди, А.Р. Вострикова, Недбайлик С. Р. О проблеме ложных друзей в переводеведении.	64
Т.И. Голикова, И.И. Гончарова. Специфика трейлеров к художественным англоязычным кинофильмам	69
Т.И. Голикова, Х.В. Кушнерик. Актуализация концепта боль в англоязычных и русскоязычных фразеологических единицах.....	77
В.Н. Гриценко, С.Р. Недбайлик. Кручский язык – самый молодой искусственный язык	86
Н.П. Грицкевич. Особенности функционирования понятий «инфляция» и «дефляция» в словарных статьях английского и русского языков.....	93
Е.В. Данейко. Авторские сопровождения прямой речи героев в произведении Оскара Уайльда «мальчик—звезда» на примере глаголов «said», «answered», «cried»	102
Т.Г. Дементьева, Е.Л. Гарибян. Структурно-языковые особенности паронимов в русском, армянском и английском языках	107
О.В. Железнякова. Обучение будущих переводчиков устному последовательному переводу на основе коммуниативно-когнитивного подхода	114
Д.Э. Иванова. Лакуны в русском языке на фоне английского языка как лингвокультурологические маркеры в тематической группе «образование»	124

Е.Ю. Кирейчук. Совершенствование читательской компетентности студента в условиях кризиса культуры чтения	132
Т.А. Козлова. Национальный корпус: исследование семантического потенциала лексических единиц.....	142
В.Ю. Костюченко. Речевые акты побуждения в русских и английских сетевых ток-шоу и интернет-комментариях к ним.....	152
М.Д. Кравцова. Фразеологизмы библейского происхождения как интегративная часть русского языка	159
О.В. Круглова. Специфика воссоздания польскоязычного текста таможенной направленности средствами русского языка.....	165
Е.И. Лихачёва, С.Р. Недбайлик. Особенности стихотворного перевода.....	170
Я.Л. Мароз. Англійскія абсалютныя канструкцыі ў мастацкім перакладзе на беларускую мову	177
Моуса Мохамед Рамадан Гамел Мохамед, Намла Рагеб Абдельхалим Эльсаид Эльсаейд. Использование ментальных карт на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере сердечно-сосудистых заболеваний) .	186
К.А. Мукимова. О социокультурных тенденциях развития современного французского языка в швейцарии	192
К.С. Новокшанова, С.Р. Недбайлик. О статусе арготического молодежного социолекта в современном французском языке.....	201
Т.Г. Попко. Формирование эстетической компетенции при обучении взрослых иностранным языкам	209
Д.В. Потеева. Английские комплиментарные прилагательные как национально-идентифицирующий маркер.....	215
С.А. Сафонова, Г.А. Петрухин, Н.А. Копылова. Важность использования интернет-ресурсов при обучении иностранным языкам.....	219
Н.П. Станкевич. Междисциплинарный подход к преподаванию иностранных языков в неязыковых вузах	224
Е.В. Сушицкая. Семантические характеристики эргонимов (на материале наименований объектов гостиничной индустрии Республики Ирландия) ...	233
А.М. Табацкая. Лексико-семантическое поле «спасение» в социальных науках и в лингвистике.....	241
Н.М. Третьякова, А.Ю.Алипичев. Особенности профессиональной деятельности переводчика в сфере профессиональной коммуникации с позиции скопос-теории перевода	245
С.Ф. Ходак. Выкарыстанне інтэлект-карт для сістэматызацыі навучальнага матэрыялу на ўроках англійскай мовы	252
Е. М. Чеботарёва, А. А. Ковалёнок. Этапы семантической ассимиляции англоязычных компьютерных терминов (на материале терминосистемы “WINDOWS И MSWORD”)	256

Е.В. Шестакова. Интенсификаторы оценки в дипломатическом дискурсе (на материале английского и русского языков)	267
Ю.А. Шеховская. Обучение военному переводу курсантов	277
Д.И. Шилобрит. Проектирование и проведение современного урока в школе на основе компетентностного подхода	286
SUMMARY	295

Научное издание

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ И ДИДАКТИКИ
В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Сборник научных статей

В авторской редакции

Ответственный за выпуск О.В. Железнякова
Компьютерная верстка Д.С. Белая

Подписано в печать 21.06.2023. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 17,2. Тираж 50 экз. Заказ 20.

Издатель и полиграфическое исполнение:
государственное учреждение «Национальная библиотека Беларуси».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/398 от 02.07.2014.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/157 от 02.07.2014.

Пр. Независимости, 116, 220114, Минск.
Тел. (+375 17) 293 27 68. Факс (+375 17) 266 37 23. E-mail; edit@nlb.by